

ISSN 2542-0364
ISSN-L 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ПРАКТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ**

4/2025

Научный журнал открытого доступа, посвященный фундаментальным и прикладным исследованиям права и смежных наук. Концепция открытости и доступности поощряет и способствует появлению неординарных и смелых идей в области права и академический обмен актуальной научной информацией. В журнале публикуются статьи, отвечающие требованиям научной новизны и актуальности, характеризующиеся академическим подходом к научному исследованию и изложению его результатов

Учредитель: Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. С. Безбородов, главный редактор, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Андреева Ольга Ивановна, д. ю. н., доц., ТГУ, Томск, РФ

Болтинова Ольга Викторовна, д. ю. н., проф., Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ

Василевская Людмила Юрьевна, д. ю. н., проф., Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ

Волчецкая Татьяна Станиславовна, д. ю. н., проф., БФУ имени И. Канта, Калининград, РФ

Головина Светлана Юрьевна, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Ергашев Евгений Рашидович, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Загайнова Светлана Константиновна, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Заметина Тамара Владимировна, д. ю. н., проф., СГЮА, Саратов, РФ

Зигмунт Ольга Александровна, д. ф. н., Университет Фехты, Фехта, Германия

Игнатьева Инна Анатольевна, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Козаченко Иван Яковлевич, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Козлова Наталия Владимировна, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Койстинен Ярмо, к. ю. н., Центральная криминальная полиция, Хельсинки, Финляндия

Комарова Валентина Викторовна, д. ю. н., проф., Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ

Кондрашова Татьяна Владимировна, к. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Кононов Павел Иванович, д. ю. н., проф., судья Второго арбитражного апелляционного суда, Киров, РФ

Кочкарова Эристина Азрет-Алиевна, д. ю. н., проф., КГЮА, Бишкек, Кыргызстан

Кудрявцева Елена Васильевна, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Кузнецов Петр Уварович, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Лисаченко Алексей Владимирович, к. ю. н., доц., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Логинова Татьяна Евгеньевна, к. ю. н., доц., ПГНИУ, Пермь, РФ

Марковичева Елена Викторовна, д. ю. н., проф., РГУП, Москва, РФ

Марочкин Сергей Юрьевич, д. ю. н., проф., ТюмГУ, Тюмень, РФ

Мещанова Мария Валентиновна, д. ю. н., доц., БГУ, Минск, Беларусь

Мороз Светлана Павловна, д. ю. н., проф., КОУ, Алматы, Казахстан

Мотревич Владимир Павлович, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Никишин Владислав Васильевич, д. ю. н., проф., Санкт-Петербургская академия Следственного комитета РФ, Санкт-Петербург, РФ

Осинцев Дмитрий Владимирович, д. ю. н., проф., УрЮИ МВД РФ, Екатеринбург, РФ

Поликастро Паскуале, доктор права, проф., Щецинский университет, Щецин, Польша

Поляков Сергей Борисович, д. ю. н., проф., НИУ «ВШЭ», Москва, РФ

Понаморенко Владислав Евгеньевич, д. ю. н., проф., НИУ «ВШЭ», Москва, РФ

Попондопуло Владимир Федорович, д. ю. н., проф., СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

Рыбакова Светлана Викторовна, д. ю. н., доц., ИЗиСП, Москва, РФ

Сахнова Татьяна Владимировна, д. ю. н., проф., СФУ, Красноярск, РФ

Смахтин Евгений Владимирович, д. ю. н., проф., ТюмГУ, Тюмень, РФ

Стахов Александр Иванович, д. ю. н., проф., РГУП, Москва, РФ

Сюань Фей, доц., Восточно-китайский университет политики и права, Шанхай, Китай

Толстых Владислав Леонидович, д. ю. н., доц., проф., МГИМО МИД России, Москва, РФ

Трунк Александр, д. ю. н., проф., Кильский университет, Киль, Германия

Фёдоров Игорь Вадимович, к. ю. н., доц., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Фёдорова Марина Юрьевна, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Хазанов Сергей Дмитриевич, к. ю. н., доц., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Хуан Даосю, проф., Политико-юридический университет Китая, Пекин, Китай

Чалый Вадим Александрович, д. ф. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Шафиров Владимир Моисеевич, д. ю. н., проф., РГУП, Москва, РФ

Шокинс Пол, проф., Католический университет Левена, Левен, Бельгия

Все публикуемые материалы доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

The open access scientific journal dedicated to fundamental research in law and related sciences. The concept of openness and accessibility encourages and promotes the emergence of innovative ideas in the field of law and the academic exchange of scientific information. The journal publishes scientific articles distinguished by novelty, topicality and an academic approach to research and presentation of results.

Founder: Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.

EDITORIAL BOARD

Bezborodov Yury, editor-in-chief, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Andreeva Olga, doctor of legal sciences, assoc. prof., Tomsk State University, Tomsk

Boltinova Olga, doctor of legal sciences, prof., Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow

Chaly Vadim, doctor of philosophy, prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Ergashev Evgeny, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Fedorov Igor, candidate of legal sciences, assoc. prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Fedorova Marina, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Golovina Svetlana, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Huang Daoxiu, prof., Political Law University, Beijing (China)

Ignatieva Inna, doctor of legal sciences, prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Khazanov Sergey, candidate of legal sciences, assoc. prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Kochkarova Eristina, doctor of legal sciences, prof., Kyrgyz State Law University, Bishkek (Kyrgyzstan)

Kodan Sergey, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Koistinen Jarmo, candidate of legal sciences, Central Criminal Police, Helsinki (Finland)

Komarova Valentina, doctor of legal sciences, prof., Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow

Kondrashova Tatyana, candidate of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Kononov Pavel, doctor of legal sciences, prof., judge of the Second Arbitration Appeal Court, Kirov

Kozachenko Ivan, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Kozlova Natalia, doctor of legal sciences, prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Kudryavtseva Elena, doctor of legal sciences, prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Kuznetsov Petr, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Lisachenko Aleksey, candidate of legal sciences, assoc. prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Loginova Tatyana, candidate of legal sciences, assoc. prof., Perm State University, Perm

Markovicheva Elena, doctor of legal sciences, prof., Russian State University of Justice, Moscow

Marochkin Sergey, doctor of legal sciences, prof., Tyumen State University, Tyumen

Miashchanava Maryia, doctor of legal sciences, prof., Belarusian State University, Minsk (Belarus)

Moroz Svetlana, doctor of legal sciences, prof., Caspian University, Almaty (Kazakhstan)

Motrevitch Vladimir, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Nikishin Vladislav, doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Saint-Petersburg

Osintsev Dmitriy, doctor of legal sciences, prof., Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Yekaterinburg

PolICASTRO Pasquale, doctor of legal sciences, prof., University of Szczecin (Poland)

Polyakov Sergey, doctor of legal sciences, prof., HSE University, Moscow

Ponamorenko Vladislav, doctor of legal sciences, prof., HSE University, Moscow

Popondopulo Vladimir, doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Rybakova Svetlana, doctor of legal sciences, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the RF, Moscow

Sakhnova Tatyana, doctor of legal sciences, prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Schoukens Paul, doctor of legal sciences, Research Unit Labour and Social Security Law of KU Leuven (Belgium)

Shafirov Vladimir, doctor of legal sciences, prof., Russian State University of Justice, Moscow

Siegmunt Olga, doctor of legal sciences, University of Vechta, Vechta (Germany)

Smakhtin Evgeniy, doctor of legal sciences, prof., Tyumen State University, Tyumen

Stakhov Aleksandr, doctor of legal sciences, prof., Russian State University of Justice, Moscow

Tolstykh Vladislav, doctor of legal sciences, prof., Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia, Moscow

Trunk Alexander, doctor of legal sciences, prof., Kiel University, Kiel (Germany)

Vasilevskaya Lyudmila, doctor of legal sciences, prof., Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow

Volchetskaya Tatyana, doctor of legal sciences, prof., Baltic Federal University named after I. Kant, Kaliningrad

Xiuyan Fei, assoc. prof., International Law School and Institute of BRICS Legal Studies, East China University of Political Science and Law, Shanghai (China)

Zagaynova Svelana, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Zametina Tamara, doctor of legal sciences, prof., Saratov State Law Academy, Saratov

All published materials are available under the Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Касьянов Р. А., Качалян В. А.* От проспекта эмиссии до ключевого информационного документа: прозрачность информации как базовый аспект защиты прав инвесторов в ЕС 6
- Киселева Е. В., Решетникова В. Д.* Понятия адаптации и интеграции мигрантов во внутригосударственном и международно-правовом контексте 18
- Синякин И. И.* Договор о запрещении ядерного оружия: вопросы эффективности 30

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Италмасов А. Д.* Риск как критерий баланса между частноправовым и публично-правовым регулированием 43
- Серостанов В. Е.* Понятие безусловных оснований для отмены судебных актов в апелляционном и кассационном порядке 50

ТРУДОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

- Демиденко Т. П.* К вопросу о восстановлении пропущенного срока на обращение в суд при разрешении индивидуальных трудовых споров 58
- Кичигин С. В.* Правовое регулирование удаленной работы 64

СТУДЕНЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

- Шарифулин А. А.* Законодательная инициатива прокуроров как элемент модернизации отечественной прокуратуры 72

CONTENTS

INTERNATIONAL LAW

- Kasyanov R., Kachalyan V.* From prospectus to key information document: information transparency as a baseline for investor protection in the EU 6
- Kiseleva E., Reshetnikova V.* The concepts of adaptation and integration of migrants in the domestic and international legal context 18
- Sinyakin I.* Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: considerations on efficiency 30

CIVIL LAW AND PROCEDURE

- Italmasov A.* Risk as a requirement of balance between private-law and public-law regulation 43
- Serostanov V.* The definition of unconditional grounds for reversal of judicial acts on appeals and cassation in commercial procedure 50

LABOUR AND SOCIAL LAW

- Demidenko T.* On the question of restoration of the missed deadline for applying to the court in the resolution of individual labour disputes 58
- Kichigin S.* Legal regulation of telework 64

STUDENTS' BULLETIN

- Sharifulin A.* Legislative initiative of prosecutors as an element of modernization of the national prosecutor's office 72

УДК / UDC 341

DOI: 10.34076/22196838_2025_4_6

ОТ ПРОСПЕКТА ЭМИССИИ ДО КЛЮЧЕВОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ДОКУМЕНТА: ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ КАК БАЗОВЫЙ АСПЕКТ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВЕСТОРОВ В ЕС

Касьянов Рустам Альбертович

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России (Москва), ORCID: 0000-0003-2946-5744, e-mail: r.kasyanov@inno.mgimo.ru.

Качалян Владислав Ардашевич

Преподаватель кафедры английского языка в сфере юриспруденции Одинцовского филиала МГИМО МИД России (Одинцово), аспирант кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России (Москва), ORCID: 0009-0002-3845-4932, e-mail: kachalyan.v.a@yandex.ru.

С момента появления в 1985 г. правовое регулирование деятельности организаций коллективного инвестирования в обращающиеся ценные бумаги (ОКИОЦБ; англ. Undertakings for Collective Investment in Transferable Securities) было связано с защитой прав розничных инвесторов, которая сразу стала одной из приоритетных задач европейского законодателя в данной области. Будучи неотъемлемой составляющей такой защиты, обеспечение высокого уровня транспарентности информации осуществляется в том числе посредством внедрения информационных документов, которые кратко описывают ключевые параметры приобретаемого финансового продукта, а также его эмитента. Качество реализации данного аспекта защиты прав инвесторов в ЕС дважды ставилось под вопрос, что приводило к принятию все более совершенных документов и, как следствие, распространению регулирования, действовавшего в рамках подотрасли ОКИОЦБ, на все инвестиционные продукты Союза.

Ключевые слова: единый рынок финансовых услуг, ОКИОЦБ, защита розничных инвесторов, информационные документы, КИД

Для цитирования: Касьянов Р. А., Качалян В. А. От проспекта эмиссии до ключевого информационного документа: транспарентность информации как базовый аспект защиты прав инвесторов в ЕС // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 4. С. 6–17. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_4_6.

FROM PROSPECTUS TO KEY INFORMATION DOCUMENT: INFORMATION TRANSPARENCY AS A BASELINE FOR INVESTOR PROTECTION IN THE EU

Kasyanov Rustam

Doctor of legal sciences, professor, Department of Integration Law and Human Rights Law, MGIMO University (Moscow), ORCID: 0000-0003-2946-5744, e-mail: r.kasyanov@inno.mgimo.ru.

Kachalyan Vladislav

Lecturer, Legal English Department, MGIMO Odintsovo (Odintsovo), post-graduate, Department of Integration Law and Human Rights Law, MGIMO University (Moscow), ORCID: 0009-0002-3845-4932, e-mail: kachalyan.v.a@yandex.ru.

Since its inception in 1985, the legal framework governing the operations of the undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS) has been intricately linked with safeguarding the interests of retail investors. This objective swiftly emerged as a paramount priority for the European legislators in the domain. As

an integral part of the protection mechanism, ensuring high degree of transparency is achieved through the implementation of information documents, which succinctly outline the essential characteristics of the financial products being acquired and their issuers. The efficacy of the enforcement of this facet of investor protection within the EU has been challenged on two occasions, leading to the adoption of increasingly sophisticated information documents, and consequently, extending the scope of the regulatory regime applied to such documents to encompass all investment products within the Union.

Key words: single market for financial services, UCITS, protection of retail investors, information documents, KID

*For citation: Kasyanov R., Kachalyan V. (2025) From prospectus to key information document: information transparency as a baseline for investor protection in the EU. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 6–17, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_4_6.*

Введение

В течение долгого времени экономическая теория, как и теория принятия решений, опиралась на идею о том, что человек действует рационально. Смещение парадигмы произошло благодаря разработке теории «ограниченной рациональности» Г. Саймона (лауреата Нобелевской премии по экономике 1978 г.). Так, если раньше экономисты брали за основу модель человека, решения которого принимаются с учетом глубинного анализа множества факторов (*homo economicus*)¹, то теперь она более реалистична, поскольку учитывает, что принимаемые им решения являются субоптимальными (удовлетворительными), а не идеальными².

Для инвестиционного рынка это имеет большое значение, поскольку напрямую связано с поддержанием баланса интересов и доверия к финансовой системе. Рассмотрим взаимоотношения инвестора и управляющего активами фонда. Их можно описать как отношения соответственно принципала и агента. Принципал передает агенту полномочия по инвестированию предоставленных средств, а агент обязуется осуществлять указанные полномочия в наилучших интересах принципала³. Такая «идиллия» осложняется лишь тем, что агент может вести себя оппортунистически, т. е. действовать с целью получения личной выгоды, а значит, возникает конфликт интересов. Данное обстоятельство известно в доктрине как проблема «принципала – агента». Частным случаем последней⁴ является «асимметрия информации», которую можно описать как ситуацию, возникающую, когда при взаимодействии с профессиональными участниками рынка инвестор получает информацию, по объему, содержанию или форме не соответствующую требуемым для принятия обоснованного решения⁵.

Поскольку указанные внеправовые реалии, лежащие в основе инвестиционных правоотношений, часто приводят к отрицательным последствиям⁶, государства стремятся ограничить их воздействие на законодательном уровне. Так, проблема асимметричности информации, как правило, разрешается на стадии, предшествующей заключению договора, путем внедрения документа, содержащего основные положен-

¹ Urbina D. A., Ruiz-Villaverde A. A Critical Review of Homo Economicus from Five Approaches // The American Journal of Economics and Sociology. 2019. Vol. 78. № 1. P. 63.

² Милкова М. А. Информация и ограниченная рациональность выбора в цифровой экономике // Цифровая экономика. 2021. № 1. С. 70.

³ Vizzotto V. D. Green Shares: Concept, Design and Principal Agent Problem in the Environmental Mutual Fund Industry // Revista SINTESE Direito Empresarial. 2012. Vol. IV. № 27.

⁴ Turtiainen M., Saastamoinen J., Suhonen N., Kainulainen T. Key Investor Information Disclosure Regulation and Retail Mutual Fund Flows in the Finnish Market // International Journal of Bank Marketing. 2022. Vol. 40. № 4. P. 867.

⁵ Capuano A., Ramsay I. What Causes Suboptimal Financial Behaviour? An Exploration of Financial Literacy, Social Influences and Behavioural Economics // The University of Melbourne Legal Studies Research Paper. 2011. № 540. P. 108.

⁶ Colaert V. Building Blocks of Investor Protection: All-Embracing Regulation Tightens its Grip // Journal of European Consumer and Market Law. 2017. Vol. 6. № 6. P. 229–230.

ния о приобретаемой ценной бумаге. Главная задача упомянутого документа заключается в том, чтобы описать базовые параметры такого финансового инструмента и его эмитента, а также риски, связанные с его покупкой, и пр. Замысел законодателя в данном случае состоит в том, чтобы предоставить инвестору возможность выбрать между различными инструментами, что достигается посредством стандартизации формы и содержания такого документа и является особенно актуальным, когда речь идет о фондах, ключевым видом деятельности которых выступает инвестирование денежных средств частных инвесторов, не обладающих профессиональными знаниями в данной области, а значит, наиболее уязвимых участников инвестиционного рынка.

В рамках европейского единого рынка финансовых услуг (ЕРФУ) фондовый сектор получил заметное развитие в 1985 г. с принятием Директивы об организациях коллективного инвестирования в обращающиеся ценные бумаги¹ (ОКИОЦБ; англ. *UCITS*). Сейчас применяется уже шестое поколение соответствующей директивы², которая за 40 лет доказала свою эффективность (из всех фондов коллективного инвестирования, действующих в Европейском союзе (ЕС), ОКИОЦБ занимают 64 % рынка³). Обращение к правовому регулированию фондов данного типа связано не только с их распространенностью, но и с базовой особенностью ОКИОЦБ, которая заключается в том, что последние ориентированы на привлечение средств розничных инвесторов, а значит, ограничение воздействия «асимметрии информации», а также защита прав инвесторов являются приоритетными задачами законодателя в данной области и требуют детального рассмотрения.

Информационные документы ОКИОЦБ (1985–2024)

1. Проспект эмиссии. Первым информационным документом, инкорпорированным в инвестиционное законодательство Европейских сообществ, стал проспект эмиссии. В соответствии со ст. 28 Директивы 1985 г. проспект – это документ, который «должен включать сведения, необходимые инвесторам для принятия информированного решения» об инвестировании капитала. В данном определении, которое можно вывести из содержания соответствующей статьи, важны следующие два аспекта. Во-первых, акцент сделан на фигуре самого инвестора. Интересно, что в «ОКИОЦБ I»⁴ слово «инвестор» употребляется дважды, в остальных случаях используется понятие «пайщик» (англ. *unit-holder*); позже тренд изменится и европейский законодатель будет значительно чаще прибегать к первому термину, который и используется в настоящей работе. Во-вторых, Директива признает, что процесс принятия решений инвесторами должен осуществляться при условии наличия информации, значимой для осуществления сделки. Помимо интересующего нас проспекта, к такой информации относятся полугодовой и годовой финансовые отчеты. Раскрытию указанных сведений и посвящен Раздел VI Директивы («Обязательства в отношении информации, которая должна быть предоставлена пайщикам»), состоящий из девяти статей и являющийся одним из наиболее объемных.

Что же касается содержательной части самого проспекта, она была представлена в приложении к Директиве (Таблица «А»). Приведенная таблица поделена на три столбца (в зависимости от *организационно-правовой формы* рассматриваемых организаций⁵) и включает подлежащую раскрытию информацию в отношении 1) *паевых фондов* (англ. *unit trust*), 2) *управляющих компаний (УК)*, когда те осуществляют управление активами *взаимных фондов* (англ. *common fund*) и 3) *инвестиционных*

¹ Council Directive 85/611/EEC of 20 December 1985 on the coordination of laws, regulations and administrative provisions relating to undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS) // OJ L 375. 31.12.1985. P. 3–18.

² Directive (EU) 2021/2261 of the European Parliament and of the Council of 15 December 2021 amending Directive 2009/65/EC as regards the use of key information documents by management companies of undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS) // OJ L 455. 20.12.2021. P. 15–17.

³ Fact Book 2024. Trends in European Investment Funds. 22nd Edition // EFAMA: website. URL: https://www.efama.org/sites/default/files/fact-book-2024_lowres.pdf. P. 18 (дата обращения: 02.02.2025).

⁴ Совокупность актов институтов ЕС, регулировавших деятельность фондов ОКИОЦБ, в зависимости от поколения принято обозначать как «ОКИОЦБ I» – «ОКИОЦБ VI». См.: Pollock B. G. A. Alternative Investment Funds as Potential Catalysts in the Realization of Systemic Risk in Financial Markets: PhD Thesis Summary. Zurich, 2021. P. 71–75.

⁵ Kasyanov R. A., Kachalyan V. A. Evolution of the Legal Framework for UCITS Funds in the European Union (1985–2023) // Kutafin Law Review. 2024. Vol. 11. № 2. P. 347.

компаний (англ. *investment company*; последние не следует путать с инвестиционными фирмами (англ. *investment firms*), подпадающими под регулирование MiFID II¹ и MiFIR²).

Все проспекты, публикуемые представленными образованиями, должны отражать наименование, дату учреждения фонда или УК, а также срок их существования, если такой установлен. Кроме того, должны раскрываться сведения об избранном депозитарии, о внешних инвестиционных советниках или консалтинговых фирмах, оплата деятельности которых происходит из активов фонда, а также сведения о порядке приобретения или выкупа паев ОКИОЦБ. При этом, если реализация паев таких организаций осуществляется в государстве, отличном от страны происхождения ОКИОЦБ, в проспект должна быть внесена соответствующая информация.

Необходимо отметить, что схематично представленные в законодательном акте проспекты эмиссии, подлежащие публикации паевыми фондами и инвестиционными компаниями, будучи похожими по содержанию, образуют самостоятельную группу. В частности, предполагается, что проспекты таких образований включают: указания в отношении того, где инвестор может найти правила деятельности фонда или учредительные документы инвестиционной компании; базовые правила налогообложения, применяемые к таким образованиям; сведения о видах и характерных чертах паев, а именно: (не)предоставление права голоса, обстоятельства, при которых производится ликвидация паевого фонда или инвестиционной компании, процедура ликвидации и пр.

К обязательным положениям проспектов, требования по публикации которых возложены на УК, рассматриваемый нормативный акт относит: необходимость указать паевые фонды, администрирование которыми осуществляется УК; должности и имена членов административных, надзорных органов УК и органов ее управления; основные виды деятельности, которые указанные лица осуществляют вне УК; а также сумму подписного капитала с обозначением оплаченного капитала.

Закрытый характер списка не предполагает, что государства-члены Сообществ не могли при инкорпорации данного акта в национальное законодательство внести в него изменения, определить более строгие требования или увеличить число последних. Скорее наоборот, проспекты становились все труднее и объемнее, что неудивительно, поскольку положения Директивы 1985 г. преимущественно устанавливали содержание такого документа, в то время как вопросы, связанные с оформлением или, например, ограничением количества страниц проспекта, урегулированы не были³. Куда более существенный недостаток «ОКИОЦБ I» заключался в том, что ввиду кажущейся сложности информационного документа непрофессиональные инвесторы отказывались от изучения проспекта эмиссии⁴, при этом предоставление какого-либо иного документа, в краткой форме излагающего сведения, требуемые инвестору для принятия решений о приобретении актива, не предусматривалось.

2. Упрощенный проспект. Исправить сложившееся положение планировалось посредством внедрения упрощенного проспекта, который в соответствии с п. 15 преамбулы Директивы 2001/107/ЕС⁵, известной как «ОКИОЦБ III»⁶, представлял собой

¹ Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU // OJ L 173. 12.06.2014. P. 349–496.

² Regulation (EU) No 600/2014 of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Regulation (EU) No 648/2012 // OJ L 173. 12.06.2014. P. 84–148.

³ Jager C. Key Information Documents about Financial Products: Something New Under the Sun? The Evolution of Mandatory Information Documents and Policy in the EU // Journal of European Consumer and Market Law. 2019. Vol. 8. № 6. P. 240.

⁴ Buttigieg C. P. The Development of the EU Regulatory and Supervisory Framework Applicable to UCITS: A Critical Examination of the Conditions and Limitations of Mutual Recognition: DPhil in Law Thesis. Falmer, 2014. P. 108.

⁵ Directive 2001/107/EC of the European Parliament and of the Council of 21 January 2002 amending Council Directive 85/611/EEC on the coordination of laws, regulations and administrative provisions relating to undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS) with a view to regulating management companies and simplified prospectuses // OJ L 41. 13.02.2002. P. 20–34.

⁶ Обращаем внимание, что директива об ОКИОЦБ второго поколения принята не была, однако предложение о принятии соответствующей директивы получило наименование «ОКИОЦБ II». Термин «ОКИОЦБ III» применяется в отношении двух директив 2001 г.: 2001/107/ЕС и 2001/108/ЕС (Directive 2001/108/EC of the European Parliament and of the Council of 21 January 2002 amending Council Directive 85/611/EEC on the coordination of laws, regulations and administrative provisions relating to undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS), with regard to investments of UCITS // OJ L 41. 13.02.2002. P. 35–42).

документ, в ясной, сжатой и доступной для понимания форме излагающий информацию об ОКИОЦБ. Как и в предыдущую Директиву, в «ОКИОЦБ III» было включено сравнительно мало статей в отношении анализируемого информационного документа, однако его содержание по установившейся традиции подробно определялось в приложении к Директиве (Таблица «С»).

Так, упрощенный проспект отражал: 1) краткие сведения об ОКИОЦБ (где и когда зарегистрирован фонд или УК, а также указания на УК, депозитария, аудиторов и финансовые учреждения, осуществляющие продажу паев ОКИОЦБ), 2) информацию, непосредственно затрагивающую вопросы инвестирования (краткое описание инвестиционных целей ОКИОЦБ, инвестиционную политику, краткую оценку профиля риска, динамику цены пая), 3) сведения экономического (налоговый режим, различные расходы, в том числе связанные с приобретением и продажей паев) и 4) коммерческого характера (способы приобретения и продажи паев, порядок распределения дивидендов и пр.), а также 5) дополнительную информацию (дата публикации такого проспекта, компетентный орган государственной власти, где или у какого лица в случае необходимости могут быть получены разъяснения).

Здесь необходимо отметить следующие связанные с внедрением упрощенного проспекта факторы. Во-первых, упрощенный проспект требовалось предоставить инвестору до момента заключения договора, в то время как обязанность ознакомить его с полной формой (указание о наличии последнего, а также полугодового и годового финансовых отчетов должно содержаться в упрощенном проспекте) была изъята¹, а точнее, должна была реализовываться только в случае поступления соответствующего запроса инвестора. Во-вторых, лицо, которому адресован указанный проспект, обозначалось как «среднестатистический инвестор», что важно, поскольку косвенно указывает, что проспект эмиссии, введенный в 1985 г., не удовлетворял запросам не квалифицированных инвесторов.

Не до конца понятно, какие именно механизмы упрощения содержания проспекта следовало применять. Прежде всего это связано с тем, что в Европе к тому времени не были проведены специальные исследования, достоверно показывающие, какие методы систематизации, сокращения и упрощения информации наиболее эффективны. Такие исследования имели место в США, в одном из них прямо указывалось, что инвесторам для того, чтобы осмыслить положения проспекта до 1998 г. (когда Комиссией по ценным бумагам и биржам США (англ. *Securities and Exchange Commission*) было введено так называемое Правило 421², предусматривающее упрощение его содержательной части³), требовалось как минимум четырехлетнее высшее образование. При этом введение указанного Правила позволило значительно снизить уровень подготовленности инвесторов, поскольку теперь любой имеющий неоконченное американское школьное образование, получил возможность проанализировать соответствующий информационный документ⁴.

Все это предоставляло государствам-членам ЕС определенную степень свободы в процессе интерпретации установленных Директивой норм при инкорпорации соответствующего законодательства, а также при разработке требований, касающихся составления упрощенного проспекта. Более того, некоторые страны стали использовать описанные Директивой правила для защиты собственных рынков, что абсолютно недопустимо в контексте стремительно развивающегося ЕРФУ. Учитывая сложившееся положение, Комиссия в 2004 г. разработала рекомендации⁵ относительно содержа-

¹ Proposal for a European Parliament and Council Directive amending Directive 85/611/EEC on the coordination of laws, regulations and administrative provisions relating to undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS) with a view to regulating management companies and simplified prospectuses // COM/98/0451. 9 p.

² 17 C.F.R. Para. 230.42. URL: <https://www.ecfr.gov/current/title-17/section-230.421>.

³ Это достигалось посредством применения базовых принципов «Движения за упрощение языка» (англ. *Plain Language Movement*). Например, путем преобразования пассивных грамматических конструкций в активные, отказа от узкоспециализированной терминологии, архаизмов и пр. См.: *Adler M. The Plain Language Movement* // *The Oxford Handbook of Language and Law* / ed. by L. M. Solan, P. M. Tiersma. Oxford: Oxford Academic, 2012. P. 67–83.

⁴ *Johnson D. T. Has the Security and Exchange Commission's Rule 421 Made Mutual Fund Prospectuses More Accessible?* // *Journal of Financial Regulation and Compliance*. 2004. Vol. 12. № 1. P. 51–61.

⁵ 2004/384/EC: Commission Recommendation of 27 April 2004 on some contents of the simplified prospectus as provided for in Schedule C of Annex I to Council Directive 85/611/EEC // OJ L 144. 30.04.2004. P. 42–55.

ния и представления некоторых составляющих упрощенного проспекта. Необходимо отметить, что в данном акте Комиссия впервые использует термин «среднестатистический розничный инвестор» (англ. *average retail investor*). Несмотря на обстоятельность формулировок рекомендации, т. е. акта мягкого права, не обладающего обязательной юридической силой, государства-члены ЕС редко соблюдали ее положения надлежащим образом и, как стало ясно позднее, задачи, которые ставились при внедрении упрощенного проспекта, реализованы не были.

3. Ключевой информационный документ инвестора. Через год после вступления в силу «ОКИОЦБ III» Комиссия опубликовала Зеленую книгу 2005 г. «Об усовершенствовании правового регулирования ЕС в отношении инвестиционных фондов»¹, в которой дана оценка измененной в 2001 г. Директивы, в частности проанализированы результаты введения упрощенного проспекта. К сожалению, Комиссия была вынуждена признать наличие гетерогенных практик государств-членов ЕС в том, что касается применения упрощенного проспекта, что являлось одним из основных недостатков Директивы 3-го поколения. Как отмечал Европейский парламент, «упрощенный проспект...оказался неэффективным инструментом принятия инвестиционных решений инвесторами, поскольку данный документ часто был слишком длинным, непонятным для инвесторов и применялся государствами-членами разнородно»². Сочетание изложенных проблем требовало изменения подхода к решению вопроса транспарентности информации, однако действия законодателя оказались более кардинальными.

Так, в целях недопущения возникновения отрицательных последствий «асимметрии информации»³, а значит, и для укрепления доверия инвесторов к подотрасли ОКИОЦБ было принято решение отказаться от упрощенного проспекта и внедрить так называемый ключевой информационный документ инвестора (КИДИ; англ. *key investor information document, KIID*) посредством принятия в 2009 г. Директивы об ОКИОЦБ 4-го поколения⁴. Согласно «ОКИОЦБ IV» КИДИ можно охарактеризовать как чрезвычайно стандартизированный⁵ двухстраничный документ, предоставляющий инвестору ОКИОЦБ всю необходимую информацию о предложенном виде ценных бумаг и их оференте, которая должна быть изложена как можно более понятным языком. При этом КИДИ долгое время оставался единственным документом, в отношении которого применялось правило о переводе на официальный язык⁶ того государства-члена, в котором ОКИОЦБ планировала осуществлять продажу своих паев⁷ (п. 1 ст. 94 Директивы 2009/65/ЕС).

Сущностно приведенное определение лишь в незначительной степени отличается от дефиниции, использовавшейся для описания упрощенного проспекта, однако в этот период был обозначен ряд новелл. В частности, Директива устанавливает, что государства-члены ЕС должны определить отличия между документами, требуемыми для раскрытия информации, и «маркетинговыми коммуникациями». К первым, помимо проспекта и финансовых отчетов, стали относить еще и сам КИДИ, в то время как под маркетинговыми коммуникациями понимается «создание и поддержание постоянных связей предприятия (компании) с рынком с целью стимулирования продаж и формирования имиджа»⁸. Фактически, в соответствии с руководящими

¹ Green Paper on the Enhancement of the EU Framework for Investment Funds // COM/2005/0314.

² European Parliament. Working Document on Asset Management II. Committee on Economic and Monetary Affairs. Rapporteur: Wolf Klinz // PE 388.518v01-00. P. 3.

³ Turtiainen M., Saastamoinen J., Suhonen N., Kainulainen T. Op. cit. P. 866.

⁴ Directive 2009/65/EC of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 on the coordination of laws, regulations and administrative provisions relating to undertakings for collective investment in transferable securities (UCITS) // OJ L 302. 17.11.2009. P. 32–96.

⁵ Jager C. Op. cit. P. 241.

⁶ A Practical Guide to UCITS Funds and Their Risk Management: Book / C. Muller, A. Ruttiens. Liège: EdiPro, 2013. P. 33.

⁷ Одна из ключевых особенностей рассматриваемых организаций состоит в том, что последние сразу после получения статуса «ОКИОЦБ» приобретают возможность реализовывать свои паи в других государствах-членах ЕС. Разрешение на осуществление такой деятельности принято называть «европейским паспортом» ОКИОЦБ. См.: Bodellini M. Does It Still Make Sense, From the EU Perspective, to Distinguish Between UCITS and Non-UCITS Schemes? // Capital Markets Law Journal. 2016. Vol. 11. № 4. P. 529.

⁸ Маркетинговые коммуникации: учеб. пособие для студентов учреждений высш. проф. образования / О. С. Габинская, Н. В. Дмитриева. М.: Изд. центр «Академия», 2010. С. 6.

принципами¹, опубликованными Европейским органом по ценным бумагам и рынкам (ЕОЦБР) в 2021 г., к таким «коммуникациям», вне зависимости от того, в какой форме или на каком носителе они составлены, относятся: информационные бюллетени (англ. *factsheets*), рекламные сообщения, пресс-релизы, интервью, некоторые сообщения, опубликованные в социальных сетях, и пр. Кроме того, ЕОЦБР обозначил сведения, не подпадающие под понятие «маркетинговых коммуникаций»: документы или сведения юридического характера, объявления о выплате дивидендов, о смене руководящего состава, о проведении общих собраний пайщиков/акционеров и пр.

В 2010 г. Комиссия принимает (имплементирующий) Регламент 583/2010² о КИДИ. Выбор Комиссии в пользу такой формы НПА, как регламент, по меньшей мере рационален, что прямо подтверждается положениями его преамбулы, которые объясняют, что «только такая форма способна обеспечить *гармонизацию* исчерпывающего содержания»³ КИДИ. Так, Комиссия определила основные аспекты, которые должны раскрываться в данном документе, включая: 1) описание инвестиционной стратегии ОКИОЦБ и цели деятельности организации, 2) соотношение рисков и доходности при инвестировании денежных средств, 3) расходы, которые может понести пайщик, а также 4) представление предыдущего опыта работы организации. Дополнительные разъяснения в документе могут даваться в отношении фондов фондов (англ. *funds of funds*), зонтичных фондов (англ. *umbrella funds*) и мастер-фидеров фондов (англ. *master-feeder funds*)⁴.

Представленная последовательность изложения информации также была урегулирована. Это позволило упростить восприятие соответствующих сведений инвесторами и создать условия, препятствующие намеренному усложнению представления такой информации самими ОКИОЦБ. Отмечаем, что указанный порядок изложения информации в КИДИ был установлен в 2009 г. на основе предпочтений инвесторов, выявленных в ходе исследования по данному вопросу, проведенного по поручению Комиссии⁵. В Регламенте 583/2010 также указывалось, что выдача вместе с КИДИ аналогичных документов, описывающих такие же вопросы, запрещается, а содержание КИДИ должно соответствовать другим документам, в том числе проспекту и договору о приобретении пая⁶, что еще раз подчеркивало решимость Комиссии урегулировать проблему недостаточного уровня транспарентности информации.

Тем не менее можно выделить некоторые области, в которых степень гармонизации положений Директивы 2009/65/ЕС в отношении информирования инвесторов была недостаточной. В 2012 г. одним из участников рынка были высказаны следующие замечания: «...в Директиве „ОКИОЦБ IV“ по-прежнему отсутствуют некоторые дефиниции, что приводит к тому, что ее положения по-разному интерпретируются национальными органами государств-членов. Например, понятие „фондов фондов“ не имеет точного определения на европейском уровне и нуждается в уточнении. ...Это может привести к непоследовательному раскрытию в разных государствах-членах информации об инвестиционной политике фонда»⁷, а также недостаточной продуктивности правового регулирования рассматриваемых организаций в контексте защиты прав инвесторов.

¹ ESMA. Guidelines on Marketing Communications under the Regulation on Cross-Border Distribution of Funds, 02 August 2021 // ESMA34-45-1272.

² Commission Regulation (EU) No 583/2010 of 1 July 2010 implementing Directive 2009/65/EC of the European Parliament and of the Council as regards key investor information and conditions to be met when providing key investor information or the prospectus in a durable medium other than paper or by means of a website // OJ L 176. 10.07.2010. P. 1–15.

³ Ibid. P. 1.

⁴ *Stefanini F.* From UCITS Directive to UCITS III Provisions // *Newcits: Investing in UCITS Compliant Hedge Funds*. N. Y.: John Wiley & Sons, 2015. P. 22.

⁵ IFF Research and YouGov. UCITS Disclosure Testing Research Report, June 2009. URL: https://web.archive.org/web/20180504092659/http://ec.europa.eu/internal_market/investment/docs/other_docs/research_report_en.pdf (дата обращения: 02.02.2025).

⁶ Обращаем внимание, что в соответствии со ст. 1 Директивы 2009/65/ЕС акции подпадают под категорию паев ОКИОЦБ.

⁷ AFG. Response to the European Commission's consultation on Undertakings for Collective Investment in Transferable Securities (UCITS) Product Rules, Liquidity Management, Depositary, Money Market Funds, Long-term Investments, 22 October 2012. P. 54. URL: https://www.afg.asso.fr/app/uploads/2012/10/2012_10_22_AFG-response-to-consultation-on-UCITS-VI-1.pdf (дата обращения: 02.02.2025).

4. Ключевой информационный документ. Через два года после принятия Директивы 4-го поколения (в 2011 г.) Комиссия опубликовала документ, в котором обозначалось, что за все время существования ЕРФУ потребители финансовых услуг понесли серьезный ущерб ввиду неудовлетворительной степени информированности о приобретаемом продукте¹, что стало особенно очевидным в результате экономического кризиса 2008–2009 гг., когда проблема недостаточного уровня транспарентности информации приводила к возникновению непредвиденных убытков. Разрешение такой проблемы рассматривалось не только как надежный способ защиты прав потребителей финансовых услуг, но и в качестве обязательного условия для восстановления доверия розничных инвесторов к ЕРФУ. Поступательное движение в эту сторону началось с принятием Директивы 2009/65/ЕС и внедрением КИДИ, однако реформирование законодательной базы в данной области продолжается.

Уже в 2014 г. Европейский парламент и Совет принимают Регламент 1286/2014 о ключевых информационных документах, применяемых в отношении структурированных розничных и страховых инвестиционных продуктов², или так называемый «PRIIPs». Внимательный читатель наверняка заметит, что приведенный Регламент был введен всего через пять лет после вступления в силу Директивы 4-го поколения. При этом первое предложение³ о принятии соответствующего законодательного акта было внесено Комиссией уже в 2012 г. Возникает логичный вопрос: указывают ли описанные обстоятельства на то, что КИДИ вновь не оправдал возложенных на него ожиданий?

Несмотря на некоторые замечания, сделанные участниками подотрасли, КИДИ стал первым документом информационного характера, успешно используемым на панъевропейском уровне. Регламент 1286/2014 призван распространить позитивную практику применения КИДИ, сложившуюся в рамках подотрасли ОКИОЦБ, на инвестиционный и страховой секторы ЕРФУ посредством унификации сведений, которые получает инвестор, приобретая финансовые продукты. Следовательно, принципы, выработанные в отношении КИДИ, были использованы в КИД, или ключевом информационном документе (англ. *key information document, KID*), внедрение которого предусматривалось описываемым Регламентом. Интересно, что для ОКИОЦБ был установлен переходный период, когда последние могли продолжать использовать КИДИ в отношении своих инвестиционных продуктов. В итоге все участники ЕРФУ должны были внедрить КИД к 2018 г., когда PRIIPs вступил в силу, тогда как ОКИОЦБ – к 1 января 2023 г.

Сам КИД представляет собой трехстраничный документ, содержащий «точную, правдивую, ясную и не вводящую в заблуждение информацию»⁴ относительно приобретаемого финансового инструмента, который, как и КИДИ, должен быть предоставлен инвесторам на стадии, предшествующей заключению договора⁵, а также составлен на одном из официальных языков того государства-члена ЕС, где планируется реализация инвестиционного продукта. При этом обязанность предоставить КИД возлагается как на эмитентов самого финансового продукта, так и на лиц, обеспечивающих рекламные услуги или оказывающих услуги по продвижению таких продуктов⁶.

С точки зрения содержания всю представленную в КИД информацию можно поделить на две категории: 1) формальные сведения в отношении финансового продукта, его эмитента и самого КИД, а также 2) пять тематических разделов, названия и краткое описание которых представлены в самом Регламенте 2014 г., а более подробное описание – в делегированном Регламенте Комиссии 2017 г.⁷ Так, к *первой категории*

¹ Commission Staff Working Paper. Consumer Empowerment in the EU // SEC (2011) 469. 07.04.2011. P. 14–15.

² Regulation (EU) No 1286/2014 of the European Parliament and of the Council of 26 November 2014 on key information documents for packaged retail and insurance-based investment products (PRIIPs) // OJ L 352. 09.12.2014. P. 1–23.

³ Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on Key Information Documents for Investment Products // COM/2012/0352.

⁴ Bartolini A, Cippitani R., Colcelli V. Dictionary of Statutes within EU Law: The Individual Statutes as Pillar of European Union Integration. Cham: Springer, 2019. P. 210–211.

⁵ Marcacci A. Regulating Investor Protection under EU Law: The Unbridgeable Gaps with the US and the Way Forward. Camden: Palgrave Macmillan, 2018. P. 41.

⁶ Евдокимов М. А. Место ключевых информационных документов в правовом регулировании финансовых рынков России и ЕС // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2. С. 54–55.

⁷ Commission Delegated Regulation (EU) 2017/653 of 8 March 2017 supplementing Regulation (EU) No 1286/2014 of the European Parliament and of the Council on key information documents for packaged retail

можно отнести: заглавие «ключевой информационный документ»; пояснение, простыми словами раскрывающее инвестору, с какой целью ему предоставлен информационный документ и что он описывает; наименование приобретаемого инвестиционного продукта, информацию о его эмитенте; дату составления документа; предупреждение о том, что сущность финансового продукта, который предлагается инвестору, может быть трудно понять и пр. Вторая категория включает следующие разделы: «что из себя представляет данный продукт», который содержит базовую информацию об инвестиционном инструменте; «каковы риски и что я могу получить взамен», кратко описывающий соотношение риска и доходности; «что произойдет, если эмитент PRIIP не сможет произвести выплату», который уточняет, каким образом будут компенсированы убытки инвестора в случае банкротства эмитента финансового инструмента; «какие издержки», связанный с приобретением финансового продукта; «как долго следует осуществлять владение последним и могу ли я вывести денежные средства досрочно».

Что касается оформления, законодатель обозначил, что выделение цветом каких-либо частей КИД не должно производиться в ущерб доступности для восприятия розничным инвестором представленных сведений, как и использование различных шрифтов, логотипов и пр. Более того, в упомянутом ранее Регламенте Комиссии 2017 г. был представлен шаблон самого информационного документа (приложение I)¹, в котором наглядно демонстрируется установленный порядок изложения информации. Все это говорит о том, что в сравнении со своими предшественниками, КИД, который направлен на неквалифицированных инвесторов, что прямо указано в ст. 1 Регламента 1286/2014, урегулирован куда более подробно. При этом изобилие формальных требований в отношении не только содержания, но и оформления документа явно свидетельствует о зрелости правовой базы в данной области.

Как уже обозначалось, сфера действия указанного НПА Союза распространяется на подотрасль ОКИОЦБ², но не ограничивается ею. Исходя из названия Регламента, PRIIPs охватывают:

1) *структурированные розничные инвестиционные продукты*, под которыми понимаются такие инвестиционные инструменты, по которым сумма, подлежащая оплате розничным инвесторам, меняется в зависимости от колебаний, которые происходят ввиду изменения референсных значений или производительности одного или большего количества активов, которые напрямую не были приобретены розничными инвесторами;

2) *страховые инвестиционные продукты*, т. е. страховые продукты, согласно условиям которых сумма страхования, выплачиваемая при наступлении срока платежа, или выкупная сумма, уплачиваемая при досрочном отказе от продукта (непосредственно или косвенно, а также полностью или частично), зависят от рыночных колебаний³.

В сущности, приведенное определение является настолько широким, что описывает практически все реализуемые на европейском финансовом рынке инвестиционные продукты за некоторыми исключениями. Например, различные виды страхования, не связанные со страхованием жизни (см. Приложение I к Solvency II⁴), как и депозиты, кроме структурированных (см. подп. 43 п. 1 ст. 4 MiFID II), не подпадают под действие PRIIPs.

Таким образом, в настоящее время система раскрытия информации инвесторам ОКИОЦБ до заключения договора о приобретении паев указанных организаций выглядит следующим образом: розничным инвесторам предоставляется КИД, содержащий, помимо прочего, сведения о наличии полной формы проспекта, годового и полугодового финансовых отчетов, которые, как и сам КИД, обычно размещаются на

and insurance-based investment products (PRIIPs) by laying down regulatory technical standards with regard to the presentation, content, review and revision of key information documents and the conditions for fulfilling the requirement to provide such documents // OJ L 100. 12.04.2017. P. 1–52.

¹ Ibid. P. 13

² Marano P. Distribution of Insurance-Based Investment Products: The EU Regulation and the Liabilities. Cham: Springer, 2019. P. 22.

³ Poulle J. B., Kannan A., Spitz N., et al. EU Banking and Financial Regulation. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2024. P. 516.

⁴ Directive 2009/138/EC of the European Parliament and of the Council of 25 November 2009 on the taking-up and pursuit of the business of Insurance and Reinsurance (Solvency II) // OJ L 335. 17.12.2009. P. 1–155.

веб-сайтах фондов. Последнее является общим правилом, однако существуют два исключения. Первое связано с тем, что КИД не удалось стать полноценной заменой КИДИ. Дело в том, что PRIIPs применяется преимущественно к розничным инвесторам, в то время как профессиональные инвесторы тоже могут быть заинтересованы в приобретении паев ОКИОЦБ. Ни Директива 2009/65/ЕС, ни PRIIPs не запрещают использование предусмотренных ими информационных документов в отношении квалифицированных инвесторов, поэтому последним может быть предоставлен либо КИДИ, либо КИД. Второе же исключение появилось в результате выхода Великобритании из ЕС. Соединенное Королевство определило срок до 2026 г., когда законодательство в отношении информационных документов аналогичных фондов не будет пересмотрено. Соответственно, до этого момента ОКИОЦБ Союза, реализующие свои паи на территории Королевства, обязаны предоставлять розничным инвесторам КИДИ, а фонды, учрежденные на территории Великобритании, должны предоставлять КИДИ для резидентов и КИД, если последние реализуют свои паи в ЕС.

Заключение

За последние десятилетия Европейский союз прошел сложный путь, связанный с реформированием правовой базы, применяемой к информационным документам. Первым таким документом, используемым в рамках подотрасли ОКИОЦБ, стал *проспект эмиссии*, введенный Директивой 1985 г. Данный документ был инкорпорирован в европейское право с целью разрешения проблемы «асимметрии информации» между принципалом (инвестором) и агентом (управляющим фондом), однако полноценное достижение такой цели возможным не представлялось. Директива 1985 г. затрагивала преимущественно вопросы, связанные с содержанием проспекта, при этом его оформлению должного внимания уделено не было. Данное обстоятельство часто приводило к тому, что частные инвесторы отказывались анализировать проспект, поскольку его положения были сложными, недоступными для их понимания, а значит, он не мог стать эффективным средством информирования инвесторов о приобретаемом финансовом продукте.

Упрощенный проспект стал ответом на сложившуюся в рамках подотрасли потребность инвесторов в обеспечении надлежащего уровня транспарентности информации на этапе, предшествующем заключению договора. Основная идея законодателя заключалась в том, чтобы предоставить розничным инвесторам документ, понятным языком излагающий ключевые аспекты, связанные с приобретением того или иного инвестиционного инструмента. Хотя последнее кажется вполне тривиальным, в 2005 г. Комиссия была вынуждена констатировать, что внедрение упрощенного проспекта не принесло ожидаемых результатов. По-видимому, основная проблема заключалась в том, что директивное регулирование подразумевает определенную степень свободы государств-членов ЕС. Отдельные европейские страны пользовались такой свободой, вводя протекционистские меры, а выражались последние в установлении дополнительных требований к составлению упрощенного проспекта. Последнему способствовало и то, что в «ОКИОЦБ III» не были четко определены способы упрощения информации.

КИДИ, введенный Директивой 2009 г., изначально создавался с учетом обозначенных ранее замечаний. Во-первых, было проведено исследование, отражающее предпочтения инвесторов относительно представления информации. Во-вторых, директивное регулирование на первом уровне было дополнено принятием имплементирующего Регламента 583/2010, в котором впервые была определена последовательность изложения информации. Использование такого средства правового сближения, как унификация, способствовало установлению единообразных подходов к применению КИДИ на национальном уровне. Можно с уверенностью утверждать, что КИДИ стал первым документом, который спустя 25 лет с момента появления правового регулирования ОКИОЦБ предоставил инвесторам возможность выбрать наиболее подходящий финансовый продукт из широкого спектра предлагаемых инвестиционных инструментов.

Ввиду успешной имплементации КИДИ в рамках подотрасли ОКИОЦБ европейский законодатель решил распространить положительный опыт и на другие инвестиционные продукты, что стало одной из главных причин принятия PRIIPs, посред-

ством которого в 2014 г. и был инкорпорирован КИД. Анализ структуры, содержания, оформления и самого названия КИД подтверждает указанный факт и свидетельствует о его преемственности по отношению к КИДИ. Детально урегулированный, при этом в доступной форме описывающий приобретаемый финансовый продукт, КИД стал хорошим подспорьем для частных инвесторов.

Достижение позитивных результатов от использования КИД стало возможным благодаря следующим трендам, существующим в рамках подотрасли и всего ЕРФУ. Прежде всего, увеличилось количество норм, регулирующих различные аспекты деятельности ОКИОЦБ, при этом указанные правила претерпели и качественные изменения: европейский законодатель со временем отказался от использования более общих норм в пользу специальных; произошел переход от регулирования содержания к регламентации оформления информационных документов. Кроме того, налицо тенденция, связанная с увеличением роли регламентов, которые теперь чаще принимаются как акты не только второго, но и первого уровня.

Таким образом, сложившаяся система обеспечения транспарентности информации, хотя и неидеальна, позволяет снизить риски, связанные с «асимметрией информации», и усилить конкуренцию среди эмитентов финансовых продуктов.

Список литературы

Евдокимов М. А. Место ключевых информационных документов в правовом регулировании финансовых рынков России и ЕС // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2. С. 52–58.

Маркетинговые коммуникации: учеб. пособие для студентов учреждений высш. проф. образования / О. С. Габинская, Н. В. Дмитриева. М.: Изд. Центр «Академия», 2010. 240 с.

Милкова М. А. Информация и ограниченная рациональность выбора в цифровой экономике // Цифровая экономика. 2021. № 1. С. 69–88.

Adler M. The Plain Language Movement // The Oxford Handbook of Language and Law / ed. by L. M. Solan, P. M. Tiersma. Oxford: Oxford Academic, 2012. P. 67–83.

A Practical Guide to UCITS Funds and Their Risk Management: Book / C. Muller, A. Ruttiens. Liège: EdiPro, 2013. 146 p.

Bartolini A., Cippitani R., Colcelli V. Dictionary of Statutes within EU Law: The Individual Statutes as Pillar of European Union Integration. Cham: Springer, 2019. 652 p.

Bodellini M. Does It Still Make Sense, From the EU Perspective, to Distinguish Between UCITS and Non-UCITS Schemes? // Capital Markets Law Journal. 2016. Vol. 11. № 4. P. 528–539.

Buttigieg C. P. The Development of the EU Regulatory and Supervisory Framework Applicable to UCITS: A Critical Examination of the Conditions and Limitations of Mutual Recognition: DPhil in Law Thesis. Falmer, 2014. 286 p.

Capuano A., Ramsay I. What Causes Suboptimal Financial Behaviour? An Exploration of Financial Literacy, Social Influences and Behavioural Economics // The University of Melbourne Legal Studies Research Paper. 2011. № 540. 244 p.

Colaert V. Building Blocks of Investor Protection: All-Embracing Regulation Tightens its Grip // Journal of European Consumer and Market Law. 2017. Vol. 6. № 6. P. 229–230.

Jager C. Key Information Documents about Financial Products: Something New Under the Sun? The Evolution of Mandatory Information Documents and Policy in the EU // Journal of European Consumer and Market Law. 2019. Vol. 8. № 6. P. 237–243.

Johnson D. T. Has the Security and Exchange Commission's Rule 421 Made Mutual Fund Prospectuses More Accessible? // Journal of Financial Regulation and Compliance. 2004. Vol. 12. № 1. P. 51–61.

Kasyanov R. A., Kachalyan V. A. Evolution of the Legal Framework for UCITS Funds in the European Union (1985–2023) // Kutafin Law Review. 2024. Vol. 11. № 2. P. 325–369.

Marano P. Distribution of Insurance-Based Investment Products: The EU Regulation and the Liabilities. Cham: Springer, 2019. 258 p.

Marcacci A. Regulating Investor Protection under EU Law: The Unbridgeable Gaps with the US and the Way Forward. Camden: Palgrave Macmillan, 2018. 411 p.

Pollock B. G. A. Alternative Investment Funds as Potential Catalysts in the Realization of Systemic Risk in Financial Markets: PhD Thesis Summary. Zurich, 2021. P. 71–75.

Pouille J. B., Kannan A., Spitz N., et al. EU Banking and Financial Regulation. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2024. 727 p.

Stefanini F. From UCITS Directive to UCITS III Provisions // Newcits: Investing in UCITS Compliant Hedge Funds. N. Y.: John Wiley & Sons, 2015. 144 p.

Turtiainen M., Saastamoinen J., Suhonen N., Kainulainen T. Key Investor Information Disclosure Regulation and Retail Mutual Fund Flows in the Finnish Market // International Journal of Bank Marketing. 2022. Vol. 40. № 4. P. 865–885.

Urbina D. A., Ruiz-Villaverde A. A Critical Review of Homo Economicus from Five Approaches // *The American Journal of Economics and Sociology*. 2019. Vol. 78. № 1. P. 63–93.

Vizzotto V. D. Green Shares: Concept, Design and Principal Agent Problem in the Environmental Mutual Fund Industry // *Revista SINTESE Direito Empresarial*. 2012. Vol. IV. № 27. P. 172–213.

References

Adler M. (2012) The Plain Language Movement. In Solan L. M., Tiersma P. M. (Eds.) *The Oxford Handbook of Language and Law*. Oxford, Oxford Academic, pp. 67–83.

Bartolini A., Cippitani R., Colcelli V. (2019) *Dictionary of Statutes within EU Law: The Individual Statutes as Pillar of European Union Integration*. Cham, Springer, 652 p.

Bodellini M. (2016) Does It Still Make Sense, From the EU Perspective, to Distinguish Between UCITS and Non-UCITS Schemes? In *Capital Markets Law Journal*, vol. 11, no. 4, pp. 528–539.

Buttigieg C. P. (2014) *The Development of the EU Regulatory and Supervisory Framework Applicable to UCITS: A Critical Examination of the Conditions and Limitations of Mutual Recognition: DPhil in Law Thesis*. Falmer, 286 p.

Capuano A., Ramsay I. (2011) What Causes Suboptimal Financial Behaviour? An Exploration of Financial Literacy, Social Influences and Behavioural Economics. In *The University of Melbourne Legal Studies Research Paper*, no. 540, 244 p.

Colaert V. (2017) Building Blocks of Investor Protection: All-Embracing Regulation Tightens its Grip. In *Journal of European Consumer and Market Law*, vol. 6, no. 6, pp. 229–230.

Evdokimov M. A. (2023) Mesto klyuchevykh informatsionnykh dokumentov v pravovom regulirovaniy finansovykh rynkov Rossii i ES [The Place of Key Information Documents in the Legal Governance of Financial Markets in Russia and the EU]. In *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*, no. 2, pp. 52–58.

Gabinskaya O. S., Dmitrieva N. V. (2010) *Marketingovye kommunikatsii: uchebnoe posobie dlya studentov uchrezhdenii vysshego professional'nogo obrazovaniya* [Marketing Communications: textbook for students of institutions of higher professional education]. Moscow, Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 240 p.

Jager C. (2019) Key Information Documents about Financial Products: Something New Under the Sun? The Evolution of Mandatory Information Documents and Policy in the EU. In *Journal of European Consumer and Market Law*, vol. 8, no. 6, pp. 237–243.

Johnson D. T. (2004) Has the Security and Exchange Commission's Rule 421 Made Mutual Fund Prospectuses More Accessible? In *Journal of Financial Regulation and Compliance*, vol. 12, no. 1, pp. 51–61.

Kasyanov R. A., Kachalyan V. A. (2024) Evolution of the Legal Framework for UCITS Funds in the European Union (1985–2023). In *Kutafin Law Review*, vol. 11, no. 2, pp. 325–369.

Marano P. (2019) *Distribution of Insurance-Based Investment Products: The EU Regulation and the Liabilities*. Cham, Springer, 258 p.

Marcacci A. (2018) *Regulating Investor Protection under EU Law: The Unbridgeable Gaps with the US and the Way Forward*. Camden, Palgrave Macmillan, 411 p.

Milkova M. A. (2021) Informatsiya i ogranichennaya ratsional'nost' vybora v tsifrovoi ekonomike [Information and Bounded Rationality of Choice in Digital Economy]. In *Tsifrovaya ekonomika*, no. 1, pp. 69–88.

Muller C., Ruttiens A. (2013) *A Practical Guide to UCITS Funds and Their Risk Management: Book*. Liège, EdiPro. 146 p.

Pollock B. G. A. (2021) *Alternative Investment Funds as Potential Catalysts in the Realization of Systemic Risk in Financial Markets: PhD Thesis Summary*. Zurich, pp. 71–75.

Pouille J. B., Kannan A., Spitz N., et al. (2024) *EU Banking and Financial Regulation*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 727 p.

Stefanini F. (2015) From UCITS Directive to UCITS III Provisions. In *Newcits: Investing in UCITS Compliant Hedge Funds*. New York, John Wiley & Sons, 144 p.

Turtiainen M., Saastamoinen J., Suhonen N., Kainulainen T. (2022) Key Investor Information Disclosure Regulation and Retail Mutual Fund Flows in the Finnish Market. In *International Journal of Bank Marketing*, vol. 40, no. 4, pp. 865–885.

Urbina D. A., Ruiz-Villaverde A. (2019) A Critical Review of Homo Economicus from Five Approaches. In *The American Journal of Economics and Sociology*, vol. 78, no. 1, pp. 63–93.

Vizzotto V. D. (2012) Green Shares: Concept, Design and Principal Agent Problem in the Environmental Mutual Fund Industry. In *Revista SINTESE Direito Empresarial*, vol. IV, no. 27, pp. 172–213.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.01.2025

Дата принятия рукописи в печать: 15.05.2025

УДК / UDC 341

DOI: 10.34076/22196838_2025_4_18

ПОНЯТИЯ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ ВО ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОМ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ

Киселева Екатерина Вячеславовна

Доцент кафедры международного права юридического института Российского университета дружбы народов имени П. Лумумбы (Москва), кандидат юридических наук, доцент,
ORCID: 0000-0003-4092-1608, e-mail: kiseleva-ev@rudn.ru.

Решетникова Виктория Дмитриевна

Аспирант, доцент кафедры международного права юридического института
Российского университета дружбы народов имени П. Лумумбы (Москва),
ORCID: 0009-0002-9008-4609, e-mail: 1142230300@pfur.ru.

Значение адаптации и интеграции мигрантов многогранно как для принимающего общества, государств, так и для самих мигрантов. В статье раскрывается потенциал, роль, возможные угрозы, связанные с адаптацией и интеграцией мигрантов или отсутствием таковых, через стратегические подходы, обозначенные в концепциях РФ по различным вопросам, и через документы ООН, отражающие понимание, достигнутое на универсальном уровне сотрудничества государств. Авторы выявляют международно-правовые основы адаптации и интеграции мигрантов, отсутствующие как договорные обязательства государств, но выводимые из имеющихся международных договоров по правам человека, в которых участвует и Россия, и демонстрируют внимание международного сообщества к вопросам адаптации и интеграции мигрантов в связи с проблематикой устойчивого развития и широких, юридически необязательных, но согласованных подходов к международно-правовому регулированию миграции. Отсутствие четкого категориального аппарата по рассматриваемой теме в международном праве усиливает фокус на опыт отдельных государств, включивших понятия адаптации и интеграции мигрантов в свое законодательство (Австрия, Молдова, Финляндия), а также на доктрину. Авторы обращают внимание на нередкое в научной среде отождествление исследуемых терминов, приводящее к подмене понятий и потенциально усложняющее правовое регулирование, выявляют содержательное наполнение понятий адаптации и интеграции мигрантов, предлагают авторские определения, учитывающие междисциплинарные наработки, нетождественность понятий и их связь с интересами субъектов различного порядка.

Ключевые слова: международно-правовое регулирование миграции, адаптация мигрантов, интеграция мигрантов, права человека, миграция и развитие

Для цитирования: Киселева Е. В., Решетникова В. Д. Понятия адаптации и интеграции мигрантов во внутригосударственном и международно-правовом контексте // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 4. С. 18–29. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_4_18.

THE CONCEPTS OF ADAPTATION AND INTEGRATION OF MIGRANTS IN THE DOMESTIC AND INTERNATIONAL LEGAL CONTEXT

Kiseleva Ekaterina

Associate professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0003-4092-1608, e-mail: kiseleva-ev@rudn.ru.

Reshetnikova Viktoriia

Post-graduate, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (Moscow),
ORCID: 0009-0002-9008-4609, e-mail: 1142230300@pfur.ru.

The significance of adaptation and integration of migrants is multifaceted both for the host society, states, and for the migrants themselves. The article reveals the potential, role, possible threats associated with the adaptation and integration of migrants or the lack thereof through strategic approaches outlined in the concepts of the Russian Federation on various issues and in the UN documents reflecting the understanding reached at the universal level of cooperation between states. The authors identify the international legal foundations for the adaptation and integration of migrants that are absent as treaty obligations of states, but are derived from existing international human rights treaties, covering those in which Russia also participates, and demonstrate the attention of the international community to the issues of adaptation and integration of migrants in connection with the problems of sustainable development and broad, legally non-binding, but agreed approaches to the international legal regulation of migration. The absence of a clear categorical apparatus on the topic under consideration in international law increases the focus on the experience of other states that have included the notions of adaptation and integration of migrants in their legislation (Austria, Finland, Moldova), as well as on the doctrine. The authors draw attention to the frequent identification of the terms under consideration by scientists, which leads to the substitution of concepts and potentially complicates legal regulation. Authors of the present article identify the substantive content of the concepts of adaptation and integration of migrants, and offer their own definitions that take into account interdisciplinary developments, the non-identity of concepts and connection of the concepts with the interests of subjects of different levels.

Key words: international legal regulation of migration, adaptation of migrants, integration of migrants, human rights, migration and development

*For citation: Kiseleva E., Reshetnikova V. (2025) The concepts of adaptation and integration of migrants in the domestic and international legal context. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskemu zhurnalu»*, no. 4, pp. 18–29, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_4_18.*

Введение

По оценкам ООН, в 2024 г. общее количество международных мигрантов в мире достигло 304 миллионов человек, что почти в два раза больше в абсолютном исчислении по сравнению с 1990 г., когда их число составляло 154 миллиона¹. Мировое сообщество признает мигрантов в качестве важных субъектов социально-экономических процессов, являющихся «проводниками перемен» и вносящих, по мнению Генерального секретаря ООН, «позитивный вклад в устойчивое развитие, в том числе в достижение нескольких целей в области устойчивого развития, сформулированных в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»². Как подчеркивается в резюме доклада Генерального секретаря ООН 2024 г., мигранты представляют собой уязвимую категорию лиц, рискующую быть лишенной возможностей «пользоваться благами, которые дает процесс развития»³.

РФ занимает десятое место в мире по числу лиц без гражданства государства пребывания на своей территории (это 7,6 млн человек на 2024 г.)⁴. При этом согласно среднему прогнозу Росстата численность населения в РФ начиная с 2024 г. будет сокращаться более чем на 400 тыс. человек в год⁵.

В Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. (принята Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351) одной из основных задач демографической политики РФ является привлечение мигрантов в соот-

¹ International Migrant Stock 2024. Key facts and figures. Advance unedited version. Док. ООН UN DESA/POP/2024/DC/NO. 13. January 2025 // UN DESA, Population Division. N. Y.: United Nations, 2025. Para. 1 (p. 2).

² Доклад Генерального секретаря о международной миграции и развитии. Док. ООН A/79/323 от 26 августа 2024 г. П. 1.

³ Там же.

⁴ International Migrant Stock 2024. Key facts and figures. Para. 5 (p. 4).

⁵ Информационное агентство Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/939473> (дата обращения: 20.02.2025).

ветствии с потребностями демографического и социально-экономического развития, с учетом необходимости их социальной адаптации и интеграции (раздел 3). Тезис подчеркивается и в Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 г. Минэкономразвития РФ от 2018 г.: в среднесрочной и долгосрочной перспективе увеличение населения РФ будет достигаться также за счет миграционного прироста (раздел «Демографическая ситуация»). Для этого планируется реализация соответствующих способствующих привлечению иностранцев мер, таких как создание условий по стимулированию отдельных категорий иностранных граждан к обучению в образовательных организациях профессионального образования Российской Федерации и последующему их трудоустройству.

Успешная интеграция необходима не только принимающему государству для социально-экономического и пространственного развития и поддержания национальной безопасности, но и мигрантам. Иностранцы вносят значительный вклад в экономику принимающих стран, их успешная адаптация к новым для них условиям и интеграция в общество необходимы для максимизации этих выгод для всех сторон: общества, государства, лиц. Задачей миграционной политики согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. (принята Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 41) является создание условий для адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации иностранных граждан, испытывающих сложности в адаптации, обусловленные особенностями их культуры и привычного жизненного уклада, а также иными факторами (абз. «а» п. 21).

Однако миграционная политика должна отвечать и интересам национальной безопасности нашего государства, интернационализация общества не должна навредить гражданской и культурной идентичности народов России. Интеграция мигрантов в принимающее общество имеет решающее значение в связи с этим по ряду причин, охватывающих социальные, экономические, культурные и политические аспекты. К нежелательным последствиям отсутствия международно-правового и внутригосударственного регулирования в сфере адаптации и интеграции мигрантов для государства и принимающего общества можно отнести экстремизм, терроризм, появление геттоизированных районов, создающих риски поддержанию правопорядка, радикализации населения, сегрегация и дискриминация, невладение иностранными гражданами языком принимающего государства, нарушение культурных порядков России. В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. (принята Указом Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344) среди источников угроз экстремизма указан процесс распространения радикальных взглядов среди трудовых мигрантов, прибывающих в Россию, их вовлечение в совершение преступлений экстремистской направленности (п. 21).

Сказанное определяет научное и практическое значение понятий адаптации и интеграции мигрантов как в части защиты национальных интересов России, так и в части совершенствования международного сотрудничества по данным вопросам. При этом международно-правовой подход позволяет уяснить объем и содержание международно-правовых обязательств государства, а сравнительно-правовой подход помогает выявить наилучшие практики по включению иностранных граждан в экономическую, социальную и культурную сферы принимающего общества, установить наиболее эффективное правовое регулирование исследуемых процессов, способствующее обеспечению национальной безопасности и противодействию социокультурным угрозам, терроризму, экстремизму. Обсуждение в России с 2016 г. необходимости принятия закона о социокультурной адаптации и интеграции мигрантов добавляет актуальности предпринятому исследованию.

В связи с отсутствием общепризнанных определений понятий «миграция» и «мигрант» в настоящем материале они используются, исключая вынужденное перемещение и беженцев соответственно, поскольку в этой части имеются собственные специальные наработки, прежде всего в деятельности Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН), что является предметом отдельного исследования авторов настоящей статьи. Глоссарий Международной организации миграции определяет мигранта как лицо, которое покидает свое обычное место жительства,

будь то внутри страны или через международную границу, временно или постоянно и по целому ряду причин¹.

Международно-правовой контекст

Международные договоры универсального уровня не содержат обязательств государств касательно адаптации и (или) интеграции мигрантов. Можно считать первыми упоминаниями в этой сфере положения Совместного замечания общего порядка № 3 (2017) Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 22 (2017) Комитета по правам ребенка об общих принципах, касающихся прав человека детей в контексте международной миграции², а также Совместного замечания общего порядка тех же комитетов № 4 (2017) и № 23 (2017) соответственно об обязательствах государств в отношении прав человека детей в контексте международной миграции в странах происхождения, транзита, назначения и возвращения³. В этих документах впервые государствам рекомендуется «содействовать социальной инклюзии и полной интеграции семей, затронутых международной миграцией, в общество принимающей страны и осуществлять программы, направленные на улучшение знаний о миграции и устранение любых негативных представлений о мигрантах», в целях выполнения международных правовых обязательств по соответствующим конвенциям: Конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. (КТМ), Конвенции о правах ребенка 1989 г. (КПР) (п. 23 первого упомянутого замечания общего порядка; аналогичное содержится в п. 63 второго документа).

Рекомендации касательно адаптации и интеграции мигрантов и беженцев имеют-ся и в практике рассмотрения периодических докладов государств по Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. (КЛДЖ), Конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. Хотя таких замечаний и немного (Универсальный указатель прав человека Управления Верховного комиссара ООН по правам человека выдает 5 рекомендаций из 5 документов на 25 февраля 2025 г. по ключевому слову «интеграция» и мигрантам как затрагиваемым лицам), примечательно, что интеграционные меры или отсутствие таковых ставятся в прямую связь с выполнением обязательств, предусмотренных соответствующими международными договорами. Например, в Австрии была высказана обеспокоенность без привязки к конкретной статье КЛДЖ тем, что «интеграция... мигранток и беженек и просительниц убежища в условиях рынка труда носит недостаточный характер»⁴; в Гватемале было рекомендовано в соответствии с КТМ «применять в обязательном порядке в случае несопровожаемых детей-мигрантов процедуру наилучшего обеспечения интересов ребенка, предусматривающую нахождение краткосрочных и долгосрочных решений», среди которых прямо названа интеграция в принимающей стране⁵. РФ не участвует из названных международных договоров только в КТМ, потому отслеживание тенденций в данном аспекте представляется важным для реализации международных правовых обязательств России.

В международном правовом поле существуют и мнения о негативных последствиях проведения государствами политики интеграции мигрантов. В Докладе Генерального секретаря ООН «Содействие социальной интеграции посредством социальной инклюзии» 2023 г. сказано, что мигранты часто сталкиваются с проблемой социальной и экономической изоляции как в силу социально-экономического положения, так и в силу политики принимающей страны⁶. А. Ксантаки, специальный докладчик ООН по культурным правам, утверждает, что государства нередко используют интеграционные меры как предлог для действий, способствующих дискриминации⁷. Юрист приводит в пример политику стран, вводящих дополнительные тесты на знание языка

¹ Glossary on migration // International Organization for Migration. 2019. № 34. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_34_glossary.pdf. 106 p. (дата обращения: 26.02.2025); UNHCR Master Glossary of Terms. URL: <https://www.unhcr.org/glossary> (дата обращения: 26.02.2025).

² Док. ООН CMW/C/GC/3-CRC/C/GC/22 от 16 ноября 2017 г.

³ Док. ООН CMW/C/GC/4-CRC/C/GC/23 от 16 ноября 2017 г.

⁴ Док. ООН CEDAW/C/AUT/CO/9 от 30 июля 2019 г. П. 32.

⁵ Док. ООН CMW/C/GTM/CO/2 от 2 мая 2019 г. П. 45.

⁶ Док. ООН A/78/188 от 17 июля 2023 г. П. 27.

⁷ Xanthaki A. Against integration, for human rights // The International Journal of Human Rights. 2016. Vol. 20. № 6. P. 815–838. DOI: 10.1080/13642987.2016.1173402.

принимающего государства, что создает трудности для мигрантов при трудоустройстве. По мнению докладчика, подобные правила противоречат международным документам, которые подчеркивают важность соблюдения антидискриминационных мер, таких как возможность изучения родного языка и сохранение доступа к своей культуре. Согласиться с данной позицией полностью трудно, так как государства, действуя в рамках своего суверенитета, ставят перед собой задачу сохранения и формирования единого коммуникативного пространства, при этом учитывая необходимость сохранения, развития и поддержки языкового многообразия. Это подчеркивает значимость двустороннего процесса интеграции, который подразумевает как обязательства мигрантов изучать национальные ценности, язык и образ жизни общества, так и обязательства государств обеспечивать возможность реализации прав мигрантов в принимающем обществе.

Больше внимания уделяется адаптации и интеграции мигрантов в контексте устойчивого развития. Так, еще в 2006 г. Генеральным секретарем ООН было отмечено, что позитивные результаты миграции, отвечающие интересам как мигрантов, так и принимающего общества, зависят от уровня взаимной адаптации мигрантов и общества¹. Интеграция там же рассматривается как зависящая от многих факторов, включая «умение общаться на местном языке, доступ к рынку труда и занятости, знание моральных устоев принимающего общества и принятие его ценностей, возможность приезжать вместе с ближайшими членами семьи или воссоединяться с ними, а также получить натурализацию»².

Универсальные международные правовые акты, не имеющие обязательной юридической силы, например Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 19 сентября 2016 г.³, подчеркивают, что мигранты обладают теми же универсальными правами человека и основными свободами, как и остальные лица (п. 6), и рекомендуют государствам проводить политику по включению мигрантов в принимающее общество, внедряя адаптационные и интеграционные меры, соответствующие возможностям государств (п. 39). Последнее обозначено как одна из целей Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 2018 г. (поддержанного РФ), которая заключается в доступе к занятости, защите трудящихся-мигрантов и других формах поддержки (п. 16)⁴.

Таким образом, можно констатировать, что проблематика адаптации и интеграции мигрантов получает возрастающее внимание в различных форматах международного сотрудничества. При этом ключевые понятия «адаптация» и «интеграция» не расшифровываются, а лишь упоминаются в контексте защиты прав человека, устойчивого развития, комплексных подходов к международной миграции.

Адаптация и интеграция в законодательстве отдельных государств

Государства принимают нормативные правовые акты, регулирующие миграционные процессы, однако вопросы адаптации и интеграции иностранцев редко нормативно закрепляются в силу разных причин. Тем не менее некоторые страны регулируют эти вопросы на законодательном уровне. Рассмотрим несколько примеров государств, нормативные правовые акты которых содержат законодательные определения рассматриваемых понятий.

Методологической основой для отбора государств послужил ресурс Европейской Комиссии – специального проекта European Website on Integration⁵, где собрана актуальная информация о процессе интеграции мигрантов в государствах-членах Европейского союза. С помощью этого портала выявлено две страны, в которых приняты акты с правовым определением интеграции: Австрия и Финляндия. Далее за основу были взяты двадцать государств с наибольшим числом мигрантов на территории по данным ООН⁶, чье законодательство было проверено на наличие определений

¹ Доклад Генерального секретаря ООН о международной миграции и развитии. Док. ООН A/60/871 от 18 мая 2006 г. П. 67.

² Там же. П. 266.

³ Док. ООН A/RES/71/1 от 19 сентября 2016 г.

⁴ Док. ООН A/RES/73/195 от 11 января 2019 г.

⁵ URL: https://migrant-integration.ec.europa.eu/home_en (дата обращения: 06.02.2025).

⁶ Migration data portal. URL: <https://www.migrationdataportal.org> (дата обращения: 20.03.2025).

адаптации и интеграции. Анализ выявил отсутствие дефиниций названных понятий в этих странах, несмотря на реализацию государственных программ по интеграции мигрантов. Законодательство иных государств было исследовано выборочно – в итоге обнаружен пример Молдовы.

Итак, доля мигрантов, находящихся на территории Австрии, составляет более 25 % населения страны¹. Федеральный закон об интеграции законно проживающих в Австрии лиц без австрийского гражданства № 68 от 8 июля 2017 г.², который был принят в связи с необходимостью урегулировать миграционный поток беженцев в 2015 г. с помощью интеграции иностранных граждан на рынке труда³, определяет интеграцию как общесоциальный процесс, требующий от иностранных граждан активного участия в этом процессе, реализации предлагаемых интеграционных мер и признания и уважения основных ценностей государства, которое, в свою очередь, вносит вклад в успешный процесс интеграции в рамках своей компетенции, систематически предлагая меры по интеграции.

Доля иностранных граждан, проживающих в Финляндии на 2024 г., составляет 9 %⁴. Современное правовое регулирование статуса мигрантов связано с Законом об иностранцах, действующим с 2004 г. Поскольку с 2004 по 2024 г. количество иностранных граждан возросло в 2,5 раза⁵, в 2023 г. Закон был изменен. Согласно п. 1 раздела 5 обновленного Закона о содействии интеграции № 681/2023 от 14 апреля 2023 г.⁶ (вступил в силу с 1 января 2025 г.) интеграция определяется как индивидуальный процесс иммигранта, который происходит во взаимодействии с обществом, в ходе которого углубляется равноправие иммигрантов в обществе, а также их участие в трудовой и экономической жизни, образовании, организационной деятельности или других видах деятельности общества. Интересно, что на международном уровне интеграция признается как двусторонний процесс, а в финском акте – индивидуальный, односторонний, но, несмотря на установленную дефиницию, закон также предлагает определение «интеграции в целях содействия», означающей предоставление иностранцам услуг, поддержку по сохранению родного языка и культуры и содействие в восприимчивости общества (п. 2 раздела 5).

Республика Молдова, несмотря на небольшую долю мигрантов от общего населения страны (примерно 7 % на 2024 г. согласно данным ООН⁷), приняла Закон об интеграции иностранцев в Республике Молдова № 274 от 27 декабря 2011 г.⁸ вслед за Директивой 2011/95/ЕС Европейского парламента и Совета от 13 декабря 2011 г. Цель введения – гармонизировать свое законодательство с правом Европейского союза. В данном акте есть юридически закрепленные определения двух исследуемых понятий. Согласно ст. 3 Закона под интеграцией понимается «процесс активного участия иностранцев, получивших одну из форм защиты или право на пребывание в Республике Молдова, в экономической, социальной и культурной жизни молдавского общества, которым они уполномочиваются вносить свой вклад и реализовать весь свой потенциал в качестве членов этого общества, осуществлять свои права и обязанности без дискриминации и социальной изоляции в собственных интересах и в интересах государства», а под социокультурной адаптацией – «получение иностранцами минимума необходимых

¹ Migration data portal. URL: https://www.migrationdataportal.org/international-data?i=stock_abs_&t=2024&cm49=40 (дата обращения: 06.02.2025).

² Bundesgesetz zur Integration rechtmäßig in Österreich aufhaltiger Personen ohne österreichische Staatsbürgerschaft Nr. 68/2017. URL: https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/BgblAuth/BGBLA_2017_I_68/BGBLA_2017_I_68.pdfsig.

³ Geistlinger M. The Austrian Integration Act 2017 // Acta Universitatis Coralinae – Uiridica. 2018. № 2. P. 99–108. URL: https://www.academia.edu/80827081/The_Austrian_Integration_Act_2017 (дата обращения: 06.02.2025).

⁴ Migration data portal. URL: https://www.migrationdataportal.org/international-data?i=stock_abs_&t=2024&cm49=246 (дата обращения: 06.02.2025).

⁵ Migrant integration hub – European Commission. URL: https://migrant-integration.ec.europa.eu/country-governance/governance-migrant-integration-finland_en#legislation (дата обращения: 06.02.2025).

⁶ Laki kotoutumisen edistämistä 681/2023. URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/alkup/2023/20230681> (дата обращения: 06.02.2025).

⁷ Migration data portal. URL: https://www.migrationdataportal.org/international-data?i=stock_abs_&t=2024&cm49=498 (дата обращения: 06.02.2025).

⁸ Legea privind integrarea străinilor în Republica Moldova nr. 274. URL: <https://www.refworld.org/ru/legal/legislation/natlegbod/2011/ru/134996> (дата обращения: 25.02.2025).

для социального сосуществования общих знаний об обществе, культуре, экономике и истории Республики Молдова».

Поскольку вновь приехавшие в другую страну лица нередко оказываются на периферии общества¹, государства заинтересованы в принятии конкретных мер для обеспечения интеграции иностранных граждан. Без включения «в духовно-культурную среду принимающей страны мигранты рискуют в дальнейшем превратиться в асоциальные элементы», вследствие чего такие лица могут стать субъектами террористической и иной преступной деятельности².

Проанализированная практика государств свидетельствует о возможности разрабатывать систему адаптации и интеграции иностранных граждан, включающую нормативно-правовое обеспечение, содействующее формированию согласованной позиции государства, принимающего социума, лиц. В частности, эффективное правовое регулирование интеграции в Финляндии способствовало тому, что по международному индексу интеграционной политики мигрантов (MIPEX) государство занимает одно из ведущих мест среди оцененных стран благодаря своему комплексному подходу – она получила 85 баллов из 100 по шкале MIPEX, в то время как средний показатель MIPEX в странах составляет всего 49 баллов из 100³. Европейский союз высоко оценивает прилагаемые усилия Финляндии, отмечая, что интеграционная политика государства оказала благоприятное влияние на увеличение занятости мигрантов и адаптацию их детей⁴. В Австрии показатель MIPEX чуть ниже среднего (46 баллов), однако государство располагает более комфортными условиями для иностранцев в сфере здравоохранения на фоне других стран⁵.

Доктринальные подходы

В зависимости от странового контекста понятия «адаптация» и «интеграция» получают разные значения, что приводит к отсутствию единого определения этих процессов и затруднению правотворчества в данной сфере. Более того, два исследуемых термина часто используются неотделимо друг от друга, что может привести к подмене понятий⁶. Соответственно, востребованным становится исследование доктрин в этой части, среди которых, ввиду ограниченности имеющихся работ по праву, отмечаются посвященные адаптации и интеграции в социологических науках, поскольку они направлены на изучение общественных основ человеческого существования, поведения индивидуумов и разнообразных форм их совместной жизнедеятельности. Выявление содержательного наполнения исследуемых понятий может быть осуществлено в том числе на основе экономических и политических подходов.

Термин «адаптация» может быть определен как взаимодействие, освоение, вливание⁷. Через формы адаптации раскрывается наполнение самого понятия. Например, климатическая адаптация предполагает привыкание к климату страны пребывания, социокультурная – приспособление к местным ценностям. Таким образом, адаптация подразумевает под собой процесс приспособления мигранта к условиям принимающего общества, в ходе которого человек стремится обосноваться в новой среде⁸. В рамках исследования миграционных вопросов В. И. Мукомель утверждает, что это приспособление мигрантов к принимающему сообществу, реализация модели пове-

¹ Alekseenkova E. Integrating Migrants in the Interests of Security and Development // Russian International Affairs Council. 2017. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/integrating-migrants-in-the-interests-of-security-and-development/> (дата обращения: 06.02.2025).

² Четвериков А. О. Способы обеспечения права на образование детей мигрантов в законодательстве ЕС и европейских государств // Юридическая наука. 2017. № 5.

³ Migrant integration policy index. URL: <https://www.mipex.eu/finland> (дата обращения: 25.02.2025).

⁴ Migrant integration hub – European Commission. URL: https://migrant-integration.ec.europa.eu/country-governance/governance-migrant-integration-finland_en#evaluation (дата обращения 25.02.2025).

⁵ Migrant integration policy index. URL: <https://www.mipex.eu/austria> (дата обращения: 25.02.2025).

⁶ Kononov L. A., Ledeneva V. Y. Development of theoretical provisions on the adaptation and integration of migrants // Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. № 12. DOI: 10.17516/1997-1370-0413.

⁷ Герасимова И. В. Процессы адаптации и интеграции мигрантов как компоненты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Наука. Общество. Оборона. 2019. Т. 7. № 4. DOI: 10.24411/2311-1763-2019-10211.

⁸ Kononov L. A., Ledeneva V. Yu. Op. cit.

дения с учетом сложившихся традиций и норм в местном обществе¹. В данном контексте именно адаптация является первичным элементом интеграции.

Понятие «интеграция» обладает множеством значений и применяется в различных областях общественной жизни. Его можно встретить как в речи мировых лидеров, касающихся объединения экономических рынков стран, так и в контексте культурной глобализации.

Международная организация по миграции дает следующее определение интеграции иностранных граждан: это «двусторонний процесс взаимной адаптации мигрантов и общества, в котором они проживают, при котором мигранты включаются в социальную, экономическую, культурную, а также политическую жизнь принимающего общества. Процесс влечет за собой комплекс совместных обязанностей мигрантов и сообществ и включает в себя другие связанные понятия, такие как социальная вовлеченность и социальная сплоченность»². Там же дается комментарий относительно взаимосвязи правового статуса мигрантов, законно находящихся на территории принимающего государства, и определения интеграции. Последнее не предполагает наличия разрешения на постоянное место жительства, однако несет в себе взаимный учет прав и обязанностей мигрантов и обществ стран транзита или назначения, доступ к различным видам услуг и рынку труда, а также наличие основного набора ценностей, который объединяет мигрантов и принимающие сообщества ради достижения общей цели.

Согласно Глоссарию, подготовленному Европейской миграционной сетью, под интеграцией мигрантов понимается двусторонний процесс взаимного приспособления всех иммигрантов и граждан государств-членов ЕС³.

В. Келин, швейцарский юрист в области прав человека, утверждает, что в узком смысле интеграция подразумевает вовлечение мигрантов в общество, которое их принимает, и их активное участие в его структурах на всех уровнях⁴. Он подчеркивает, что противоположной стороной интеграции является маргинализация, проявляющаяся на трех уровнях: экономическом – через безработицу или выполнение низкоквалифицированной и опасной работы; социальном – через низкий уровень образования и уязвимость к преступности и наркотикам; политическом – через отсутствие возможности влиять на принятие политических решений. Таким образом, интеграция подразумевает участие мигрантов во всех сферах жизни принимающего общества.

По мнению юриста С. Каррера, интеграция является процессом, обеспечивающим равные права и обязанности для иностранных граждан, целью которого становится содействие равенству обращения и полному доступу к экономическим, политическим, социальным и культурным правам и обязанностям⁵.

В. И. Мукомель определяет интеграцию внешних мигрантов как «процесс встречного движения культур принимающего социума и мигрантов, смешение культурных норм и ценностей, изначально функционировавших сепаратно и, возможно, противоречащих друг другу»⁶. По мнению данного ученого, предполагается взаимная ответственность за результат этого процесса, когда принимающее общество предоставляет права мигрантам для участия в социальной, культурной и гражданской жизни, а мигранты обязаны уважать фундаментальные нормы и ценности принимающего общества.

¹ Мукомель В. И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся: Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 411–467.

² Key Migration Terms // International Organization for Migration. URL: <https://www.iom.int/key-migration-terms> (дата обращения: 06.02.2025).

³ European Migration Network Asylum and Migration Glossary. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/networks/european-migration-network-emn/emn-asylum-and-migration-glossary_en (дата обращения: 06.02.2025).

⁴ Kälén W. Human rights and the integration of migrants // Migration and International Legal Norms / ed. by T. A. Aleinikoff, V. Chetail. The Hague: T. M. C. ASSER PRESS; Springer, 2003. P. 271–288. URL: https://www.researchgate.net/publication/290820499_Human_Rights_and_The_Integration_of_Migrants (дата обращения: 10.02.2025).

⁵ Carrera S. Integration' as a Process of Inclusion for Migrants? The Case of Long-Term Residents in the EU // CEPS Working Documents. 2005. № 219. URL: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/integration-process-inclusion-migrants-case-long-term-residents-eu/> (дата обращения: 06.02.2025).

⁶ Мукомель В. И. Указ. соч.

Е. А. Варшавер под «интеграцией» понимает межпоколенческий процесс, при котором мигранты встраиваются в систему социальных институтов принимающего общества, включая отношения и статусы¹. В рамках этого процесса мигранты приобретают новые роли, права и возможности занимать различные должности, испытывают принадлежность к обществу. Овладение новой культурой не стоит воспринимать как приобщение к ценностям конкретной этнической группы, в контексте социально-культурной адаптации и интеграции его следует трактовать через призму «принятия универсальных, восходящих к всеобщим моральным императивам»².

Вызывает интерес мнение Г. Эссера, выделяющего четыре основные формы социальной интеграции: приобщение к культуре, размещение, взаимодействие и идентификацию³. Обратим внимание на форму идентификации. Ученый указывает, что при данной форме интеграции индивид отождествляет себя с социальной системой, «в рамках которой он видит себя элементом коллективного организма»⁴. А. Фавелл дает более конкретное определение, отмечая, что интеграция применяется к таким процессам, как защита прав, трудоустройство, обеспечение жильем, проведение языковых курсов⁵.

Социологический подход к определению интеграции подразумевает вхождение мигранта в качестве субъекта социальной системы, в которой формируется чувство принадлежности мигранта к принимающему обществу.

В работе, посвященной культурной интеграции, А. Перпетуа отмечает, что социологи выделяют три теории такой интеграции: мультикультурализм, структурализм и теорию ассимиляции. Последняя под культурной интеграцией понимает формирование в результате естественного процесса общей культуры, обладающей одинаковыми социально-экономическими возможностями, следствием чего становится исчезновение первоначальной модели поведения индивида в пользу новой культуры⁶. Е. А. Варшавер определяет культурную интеграцию мигрантов как двусторонний процесс, в ходе которого мигранты получают знания о культуре сообщества, их принимающего, развивая навыки, необходимые для эффективного взаимодействия с этим обществом, в то время как местные жители изучают культуру мигрантов⁷.

Содержательно разграничивая два понятия, стоит отметить ряд моментов.

Во-первых, понятие «адаптация» подлежит более желательному применению в контексте всех лиц, которые переместились в страну, отличную от страны происхождения, приспособляются к новым условиям своего проживания – от климатических до социальных. Понятие «интеграция» представляется целесообразным использовать в отношении тех, кто сознательно стремится погрузиться в новую среду в связи с решением переехать в принимающую страну и, тем более, стать ее гражданами. Таким образом, «интеграция» применяется в контексте более глубокой и целенаправленной вовлеченности иностранного лица в принимающее общество. Исходя из этого, представляется обоснованным, что государство может быть заинтересовано в реализации активных интеграционных мер в отношении лиц, планирующих долгосрочное проживание в стране. В то же время, в отношении временных трудовых мигрантов подобные меры могут быть избыточными, «поскольку рано или поздно они покинут принимающую страну»⁸ (они (мигранты. – Е. К., В. Р.) здесь ненадолго). Однако в работе экономиста И. В. Ивахнюк «Интеграция мигрантов: возможна ли она в современном обществе?» отвергается идея применения термина «интеграция» исключительно

¹ Варшавер Е. А. Двадцать успешных практик интеграции мигрантов. М.: МИСКП, 2014. URL: <http://miscp.ru/assets/docs/immigrants-integration.pdf> (дата обращения: 25.02.2025).

² Малахов В. Интеграция мигрантов: Концепции и практики. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. С. 43. URL: https://liberal.ru/wp-content/uploads/legacy/files/articles/6746/Malahov_pp1-40.pdf (дата обращения: 25.02.2025).

³ Esser H. Soziologie. Spezielle Grundlagen. Band 2: Die Konstruktion der Gesellschaft. Frankfurt; N. Y.: Campus Verlag, 2002. P. 249. URL: https://books.google.ru/books?id=NiMAGqzOEFwC&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (дата обращения 20.02.2025).

⁴ Ibid.

⁵ Favell A. Integration: A Critical View // Concepts in Migration Studies. 2021.

⁶ Perpetua A. Culture Integration // Academia.edu. URL: https://www.academia.edu/38343739/CULTURE_INTEGRATION_pdf (дата обращения: 10.02.2025).

⁷ Варшавер Е. А. Указ. соч.

⁸ Kononov L. A., Ledeneva V. Y. Op. cit.

в отношении тех лиц, которые переместились на долгосрочной основе, поскольку, по нашему мнению, именно с процесса адаптации начинается интеграция, которая является одной из форм понятия «интеграция»¹.

Во-вторых, дифференциация состоит в том, что адаптация представляет собой «процесс первичного приспособления мигранта к новым условиям принимающего общества»², а интеграция – «встраивание иммигрантов в общество, в ходе которого они, как правило, усваивают образ жизни и ценности местного населения»³.

Культурологические и социологические подходы рассматривают интеграцию как процесс, в ходе которого мигрант, выступая субъектом социальной системы, становится частью общества, испытывая чувство принадлежности, и осваивает новые навыки, необходимые для эффективного взаимодействия с социумом. В правовом поле термин рассматривается в качестве процесса включения иностранца в активную жизнь принимающего общества посредством взаимных усилий. Анализ различных способов толкования понятия позволяет объединить все взгляды для формирования универсального правового определения. Учитывая озабоченность вопросами интеграции и их обсуждение на международном уровне, а также на уровне государств, прослеживается тенденция развития подходов к дефиниции «интеграция» с последующим построением дальнейших траекторий.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующее заключение.

Международное право универсального уровня не содержит определений понятий «адаптация», «интеграция» применительно к иностранцам на территории государств. Хотя международное сотрудничество стран и развитие международного права, прежде всего в сфере защиты прав человека и проблематики развития, ведет к возрастающему вниманию к вопросам адаптации и интеграции мигрантов, в том числе связывая их с выполнением имеющихся международных правовых обязательств государств, в частности по Конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г., Конвенции о правах ребенка 1989 г., Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г. и другим международным договорам.

Страновая практика свидетельствует о наличии положительного опыта создания национальных систем правового регулирования процессов адаптации и интеграции иностранных граждан, что способствует формированию согласованной позиции государства и принимающего общества.

Обобщая мнения исследователей, можно сформулировать, что под культурной интеграцией понимается разделение культуры общения, общей модели поведения, построенной на ценностях принимающего общества, что позволяет индивиду стать полноправным участником социально-экономических отношений.

На основе анализа определений, данных разными специалистами, можно заключить, что понятие «адаптация» подразумевает под собой процесс освоения мигрантом норм и ценностей принимающего общества. Рассмотрение дефиниций «интеграции» приводит к выводу, что понятие в контексте этого исследования означает двусторонний процесс включения мигранта в принимающее общество, в рамках которого иностранец перенимает нормы и ценности принимающего общества, формируется чувство принадлежности к нему.

Представляется возможным определить рассматриваемые понятия следующим образом.

Под адаптацией мигрантов нужно понимать процесс освоения иностранными гражданами и лицами без гражданства социокультурных и правовых норм принимающего общества, позволяющих обеспечить бесконфликтное существование мигрантов в принимающем обществе, их доступ ко всем необходимым ресурсам и услугам

¹ Ивахнюк И. В. Некоторые методологические и практические вопросы политики интеграции мигрантов в России // Интеграция мигрантов: возможна ли она в современном обществе? / под ред. В. А. Ионцева. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2015. Вып. 29. С. 8–28.

² Рязанцев С. В. Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 105–111.

³ Там же.

с целью защиты универсальных прав и основных свобод человека и максимизации выгод от пребывания для всех затронутых сторон.

Под интеграцией мигрантов стоит понимать двусторонний процесс формирования устойчивых связей между мигрантами и принимающим обществом через освоение иностранными гражданами и лицами без гражданства языковых, социокультурных и правовых норм принимающего общества, позволяющих обеспечить бесконфликтное существование мигрантов в нем, и через предоставление доступа иностранным гражданам ко всем необходимым ресурсам и услугам с целью защиты универсальных прав и основных свобод человека и максимизации выгод от пребывания для всех затронутых сторон.

Предложенные определения, таким образом, сочетают значительное совпадение понятий адаптации и интеграции с расширением понимания интеграции за счет акцента на двусторонности процесса, более амбициозной цели формирования устойчивых связей между мигрантами и принимающим обществом и роли освоения языка принимающего государства в успешности интеграции.

Список литературы

Варшавер Е. А. Двадцать успешных практик интеграции мигрантов. М.: МИСКП, 2014. 60 с. URL: <http://miscp.ru/assets/docs/immigrants-integration.pdf> (дата обращения: 25.02.2025).

Герасимова И. В. Процессы адаптации и интеграции мигрантов как компоненты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Наука. Общество. Оборона. 2019. Т. 7. № 4. DOI: 10.24411/2311-1763-2019-10211.

Ивахнюк И. В. Некоторые методологические и практические вопросы политики интеграции мигрантов в России // Интеграция мигрантов: возможна ли она в современном обществе? / под ред. В. А. Ионцева. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2015. Вып. 29. С. 8–28.

Малахов В. Интеграция мигрантов: Концепции и практики М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. 272 с. URL: https://liberal.ru/wp-content/uploads/legacy/files/articles/6746/Malahov_pp1-40.pdf (дата обращения: 25.02.2025).

Мукомель В. И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся: Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 411–467. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=4471> (дата обращения: 25.02.2025).

Рязанцев С. В. Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 105–111. DOI: 10.7868/S0132162518010117.

Четверикув А. О. Способы обеспечения права на образование детей мигрантов в законодательстве ЕС и европейских государств // Юридическая наука. 2017. № 5. С. 21–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-obespecheniya-prava-na-obrazovanie-detey-migrantov-v-zakonodatelstve-es-i-evropeyskih-gosudarstv> (дата обращения: 25.02.2025).

Alekseenkova E. Integrating Migrants in the Interests of Security and Development // Russian International Affairs Council. 2017. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/integrating-migrants-in-the-interests-of-security-and-development/> (дата обращения: 06.02.2025).

Carrera S. Integration' as a Process of Inclusion for Migrants? The Case of Long-Term Residents in the EU // CEPS Working Documents. 2005. № 219. 25 p. URL: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/integration-process-inclusion-migrants-case-long-term-residents-eu/> (дата обращения: 06.02.2025).

Esser H. Soziologie. Spezielle Grundlagen. Band 2: Die Konstruktion der Gesellschaft. Frankfurt; N. Y.: Campus Verlag, 2002. 501 p. URL: https://books.google.ru/books?id=NiMAGqzOEFwC&hl=ru&source=gbbs_navlinks_s (дата обращения: 20.02.2025).

Favell A. Integration: A Critical View // Concepts in Migration Studies. 2021. P. 1–32.

Geistlinger M. The Austrian Integration Act 2017 // Acta Universitatis Coralinae – Uiridica. 2018. № 2. P. 99–108. URL: https://www.academia.edu/80827081/The_Austrian_Integration_Act_2017 (дата обращения: 06.02.2025).

Glossary on migration // International Migration Law. 2019. № 34. 106 p. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_34_glossary.pdf (дата обращения: 26.02.2025).

Kälin W. Human rights and the integration of migrants // Migration and International Legal Norms / ed. by T. A. Aleinikoff, V. Chetail. The Hague: T. M. C. ASSER PRESS; Springer, 2003. P. 271–288. URL: https://www.researchgate.net/publication/290820499_Human_Rights_and_The_Integration_of_Migrants (дата обращения: 10.02.2025).

Kononov L. A., Ledeneva V. Y. Development of theoretical provisions on the adaptation and integration of migrants // Журнал Сибирского федерального университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. № 12. P. 2170–2180. DOI: 10.17516/1997-1370-0413.

Perpetua A. Culture Integration // Academia.edu. URL: https://www.academia.edu/38343739/CULTURE_INTEGRATION_pdf (дата обращения: 10.02.2025).

Xanthaki A. Against integration, for human rights // *The International Journal of Human Rights*. 2016. Vol. 20. № 6. P. 815–838. DOI: 10.1080/13642987.2016.1173402.

UNHCR Master Glossary of Terms. URL: <https://www.unhcr.org/glossary> (дата обращения: 26.02.2025).

References

Alekseenkova E. (2017) Integrating Migrants in the Interests of Security and Development. In *Russian International Affairs Council*, available at: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/integrating-migrants-in-the-interests-of-security-and-development/> (accessed: 06.02.2025).

Carrera S. (2005) Integration' as a Process of Inclusion for Migrants? The Case of Long-Term Residents in the EU. In *CEPS Working Documents*, no. 219, pp. 1–25, available at: <https://www.ceps.eu/ceps-publications/integration-process-inclusion-migrants-case-long-term-residents-eu/> (accessed: 06.02.2025).

Chetverikov A. O. (2017) Sposoby obespecheniya prava na obrazovanie detei migrantov v zakonodatel'stve ES i evropeiskikh gosudarstv [Means of ensuring the right to education for migrant children in the EU law and law of the European states]. In *Yuridicheskaya nauka*, no. 5, pp. 21–29, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-obespecheniya-prava-na-obrazovanie-detey-migrantov-v-zakonodatelstve-es-i-evropeyskih-gosudarstv> (accessed: 25.02.2025).

Esser H. (2002) *Soziologie. Spezielle Grundlagen*. Frankfurt, New York, Campus Verlag, Band 2, 501 p. available at: https://books.google.ru/books?id=5fjyGEQ1O4UC&hl=ru&source=gbp_navlinks_s (accessed: 20.02.2025).

Favell A. (2021) Integration: A Critical View. In *Concepts in Migration Studies*. pp. 1–32.

Geistlinger M. (2018) The Austrian Integration Act 2017. In *Acta Universitatis Coralinae – Uiridica*, no. 2, pp. 99–108, available at: https://www.academia.edu/80827081/The_Austrian_Integration_Act_2017 (accessed: 06.02.2025).

Gerasimova I. V. (2019) Protsessy adaptatsii i integratsii migrantov kak komponenty obespecheniya natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Processes of adaptation and integration of migrants as elements of ensuring national security of the Russian Federation]. In *Nauka. Obshchestvo. Oborona*, vol. 7, no. 4, DOI: 10.24411/2311-1763-2019-10211.

Glossary on migration (2019) In *International Migration Law*, no. 34, 106 p., available at: https://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_34_glossary.pdf (accessed: 26.02.2025).

Ivakhnyuk I. V. (2015) Nekotorye metodologicheskie i prakticheskie voprosy politiki integratsii migrantov v Rossii [Certain issues of methodology and practice regarding migrants' integration policy in Russia]. In Iontsev V. A. (Ed.) *Integratsiya migrantov: vozmozhna li ona v sovremennom obshchestve?* Moscow, MGU im. M. V. Lomonosova, is. 29, pp. 8–28.

Kälin W (2003) Human rights and the integration of migrants. In Aleinikoff T. A., Chetail V. (Eds.) *Migration and International Legal Norms*. The Hague, T. M. C. ASSER PRESS, Springer, pp. 271–288, available at: https://www.researchgate.net/publication/290820499_Human_Rights_and_The_Integration_of_Migrants (accessed: 10.02.2025).

Kononov L. A., Ledeneva V. Yu. (2019) Development of theoretical provisions on the adaptation and integration of migrants. In *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, no. 12, pp. 2170–2180, DOI: 10.17516/1997-1370-0413.

Malakhov V. (2015) *Integratsiya migrantov: Kontseptsii i praktiki* [Integration of migrants: Concepts and practices]. Moscow, Fond «Liberal'naya Missiya», 272 p., available at: https://liberal.ru/wp-content/uploads/legacy/files/articles/6746/Malahov_pp1-40.pdf (accessed: 25.02.2025).

Mukomel' V. I. (2016) Adaptatsiya i integratsiya migrantov: metodologicheskie podkhody k otsenke rezul'tativnosti i rol' prinyimayushchego obshchestva [Adaptation and integration of migrants: Methodological approaches to evaluation of results and the role of the host society]. In Gorshkov M. K. (Ed.) *Rossiia reformiruyushchayasya: Ezhegodnik*. Moscow, Novyi khronograf, is. 14, pp. 411–467, available at: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=4471> (accessed: 25.02.2025).

Perpetua A. (2018) Culture Integration. In *Academia.edu*, available at: https://www.academia.edu/38343739/CULTURE_INTEGRATION_pdf (accessed: 10.02.2025).

Ryazantsev S. V. (2018) Integratsiya migrantov v kontekste vneshnei migratsionnoi politiki Rossii [Integration of migrants in context of foreign migration policy of Russia]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 105–111, DOI: 10.7868/S0132162518010117.

Varshaver E. A. (2014) *Dvadtsat' uspekhnykh praktik integratsii migrantov* [Twenty successful practices of integration of migrants]. Moscow, MISKP, 60 p., available at: <http://miscp.ru/assets/docs/immigrants-integration.pdf> (accessed: 25.02.2025).

Xanthaki A. (2016) Against integration, for human rights. In *The International Journal of Human Rights*, vol. 20, no. 6, pp. 815–838, DOI: 10.1080/13642987.2016.1173402.

UNHCR Master Glossary of Terms, available at: <https://www.unhcr.org/glossary> (accessed: 26.02.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.02.2025

Дата принятия рукописи в печать: 12.04.2025

УДК / UDC 341

DOI: 10.34076/22196838_2025_4_30

ДОГОВОР О ЗАПРЕЩЕНИИ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ: ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Синякин Иван Игоревич

Доцент кафедры международного права Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва), кандидат юридических наук, доцент,
ORCID: 0000-0002-8899-4219, e-mail: ilc48@mail.ru.

Настоящая работа завершает исследование, начатое в статье «Договор о запрещении ядерного оружия: введение в проблематику» (2024. № 6. С. 5–12) и продолженное в статье «Договор о запрещении ядерного оружия: закрепление режима и становление механизма» (2025. № 2. С. 31–41). В заключительной части автор обращает внимание на декларируемые и действительные причины разработки Договора о запрещении ядерного оружия. Подчеркивается, что Договор 2017 г. – это попытка придать политическим декларациям отдельных стран юридически обязательную силу универсального характера, причем против желания государств, обладающих ядерным оружием. Отдельно в контексте заключения Договора рассмотрены вопросы политики ядерного сдерживания, правомерности применения ядерного оружия, договорной правоспособности разработчиков Договора и его цели. Автор приходит к выводу о неэффективности, несвоевременности Договора и предлагаемых им мер и неработоспособности закрепленных механизмов режима, о мнимости заявляемых целей и подрыве доверия как к шагам по ядерному разоружению, так и к договорной работе в этом направлении. Будущее Договора 2017 г. представляется бесперспективным.

Ключевые слова: Договор о запрещении ядерного оружия, поддержание международного мира и безопасности, право международных договоров

Для цитирования: Синякин И. И. Договор о запрещении ядерного оружия: вопросы эффективности // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 4. С. 30–42. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_4_30.

TREATY ON THE PROHIBITION OF NUCLEAR WEAPONS: CONSIDERATIONS ON EFFICIENCY

Sinyakin Ivan

Associate professor, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia, candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0002-8899-4219, e-mail: ilc48@mail.ru.

The present work concludes the research initiated in the article «Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: introduction to the problem» (2024, no. 6, pp. 5–12) and continued in the article «Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: consolidation of the regime and establishment of the mechanism» (2025, no. 2, pp. 31–41). In this concluding study the author focuses on the declared and actual reasons for the development of the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. It is emphasized that the 2017 Treaty is an attempt to give legally binding force of a universal nature to the political declarations of individual countries, despite the opposition of nuclear states. The issues of nuclear deterrence policy, the legality of the use of nuclear weapons, the treaty capacity of the developers of the Treaty, and its objectives are examined separately in the context of the conclusion of the Treaty. The author concludes that the Treaty and the measures it proposes are ineffective and untimely, and that the established mechanisms of the regime are dysfunctional, with the declared goals being illusory and undermining trust both in nuclear disarmament efforts and in treaty negotiations in this area. The future of the 2017 Treaty appears bleak.

Key words: Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons, maintaining of international peace and security, law of treaties

For citation: Sinyakin I. (2025) Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: considerations on efficiency. In Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskemu zhurnalu», no. 4, pp. 30–42, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_4_30.

Помимо непосредственного содержания Договора о запрещении ядерного оружия (далее – ДЗЯО), закрепившего спорные представления отдельной части международного сообщества об основах международного мира и безопасности, механизмах его обеспечения, самостоятельный интерес представляют собой взгляды, побудившие заключить ДЗЯО, а также истинные цели разработчиков и сторонников принятия документа.

Сторонники запрещения ядерного оружия говорят о том, что ДЗЯО – ответ на обеспокоенность угрозой любого применения ядерного оружия, результатом которого станет широкий, долгосрочный ущерб всему человечеству и планете¹. Это обусловило логику ДЗЯО, построенную на переоценке политики ядерного сдерживания с позиций негативных гуманитарных последствий, переосмыслении права на самооборону, лишении ядерных держав главной ответственности за осуществление разоружения и применении рамочных документов вместо всеобъемлющей детализированной конвенции². Основанный на принципах гуманизма, ДЗЯО в большей степени ориентирован на защиту человечества и будущих поколений, нежели на современное обеспечение безопасности государств³. Кроме того, сторонники ДЗЯО, указывая на противоречие угрозы или применения ядерного оружия нормам международного гуманитарного права, отмечают, что Договор объявляет ядерное оружие незаконным средством обеспечения международной безопасности вне зависимости от того, кто им обладает⁴.

Критикуя современное состояние усилий государств в области ядерного разоружения, сторонники ДЗЯО отмечают, что Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. (далее – ДНЯО) вместо промежуточного, «трансформационного» режима, преследующего цель поступательного отказа от ядерного оружия, превратился в режим *status quo*, обеспечивающий интересы ядерных держав и легализующий обладание ядерным оружием⁵. Поддержанию *status quo* способствовали ограниченная пространственная сфера действия Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой 1963 г., исключительно региональный характер договоров о безъядерных зонах, малая вероятность вступле-

¹ Дергачев А. Ю. Проблема ядерного разоружения в мировой политике (по материалам ежегодников Стокгольмского международного института исследования проблем мира) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 2. С. 33; Марусин И. С. Договор о запрещении ядерного оружия 2017 года и перспективы его применения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2018. № 1. С. 26; Craig C. Can the Danger of Nuclear War Be Eliminated by Disarmament? // Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty / ed. by T. Sauer, J. Kustermans, B. Segaert. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. P. 176–177; Dennis A. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // Disarmament, Peace and Development. 2018. Vol. 27. P. 64; Fleck D. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: Challenges for International Law and Security // Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 395–415; Williams H. Nuclear Babel: Narratives Around the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // The Nonproliferation Review. 2018. Vol. 25(1–2). P. 59.

² Марусин И. С. Указ. соч. С. 27; Tannenwald N. The Humanitarian Initiative: A Critical Appreciation // Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty. P. 118; Williams H. Op. cit. P. 54.

³ Rietiker D. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: A Further Confirmation of the Human and Victim-Centred Trend in Arms Control Law // Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. P. 326–327.

⁴ Чернега В. Н. Ядерный арсенал Франции и ее подходы к нераспространению и запрещению ядерного оружия // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 3. С. 110; Dennis A. Op. cit. P. 64.

⁵ Михайленко Е. Б., Дегтярев Н. С. Эволюция идеи запрещения ядерного оружия в контексте режима ядерного нераспространения // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 123; Considine L. Contests of Legitimacy and Value: the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Logic of Prohibition // International Affairs. 2019. Vol. 95(5). P. 1082; Docherty B. A. 'Light for All Humanity': the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Progress of Humanitarian Disarmament // Global Change, Peace & Security. 2018. Vol. 30(2). P. 20; Tannenwald N. Op. cit. P. 125.

ния в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г. (далее – ДВЗЯИ), обход вопроса о запрете ядерного оружия в двусторонних договорах между Россией и США о сокращении средств доставки ядерного оружия, обширные программы по модернизации ядерных вооружений¹.

Вместе с тем отмечается, что даже не вступивший в силу ДВЗЯИ способствовал принятию односторонних обязательств по отказу от ядерных испытаний, что норма, формально не ставшая обязательной, добровольно соблюдается и обеспечивается государствами, а в случае нарушения (например, испытания КНДР) приводит к международной ответственности². Следует заметить, что односторонний отказ от ядерных испытаний не равносителен отказу от ядерного оружия как такового (как это было и в случае с Договором 1963 г.). Что касается КНДР, то все резолюции Совета Безопасности ООН, принятые в связи с проведением ядерных испытаний в 2006–2017 гг., касались общих вопросов поддержания международного мира и безопасности, а также необходимости укрепления и соблюдения режима нераспространения ядерного оружия в соответствии с ДНЯО, режима, созданного и обеспечиваемого ядерными державами. Никакого запрета ядерного оружия как такового резолюции Совета Безопасности ООН не закрепляли. Более того, как показала практика, наложение санкций на КНДР не привело к прекращению ядерных испытаний.

Не следует также забывать, что в настоящий момент идет пересмотр прежней системы международной безопасности вследствие затянувшегося невступления в силу ДВЗЯИ, прекращения действия Договора об ограничении систем противоракетной обороны 1972 г., Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 г., выхода США и РФ из Договора по открытому небу 1992 г., а также нарастающего противостояния между странами Европы, США, РФ, Китаем, странами Ближнего Востока и Азии. Кроме того, несмотря на потенциал вышеуказанной практики ДВЗЯИ, отсутствие среди государств-участников ядерных держав выступает главным препятствием для формирования универсального международного обычая, устанавливающего запрет ядерного оружия³.

Сторонники ДЗЯО рассматривают его заключение как логическое продолжение и выполнение обязательства по ст. 6 ДНЯО, согласно которой каждый участник обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем⁴. Как отметил Международный суд ООН, юридическое значение этого обязательства выходит за рамки просто обязательства должного поведения; оно является обязательством достижения точного результата – ядерного разоружения во всех аспектах; председатель Международного суда ООН Беджауи добавил, что речь идет об обязательстве, имеющем силу *erga omnes* в отношении проведения переговоров в духе доброй воли и достижения конкретного результата⁵.

В то же время справедливым может быть и другое мнение: будучи практическим воплощением ст. 6 ДНЯО о проведении и завершении переговоров о всеобщем и полном разоружении, сам ДЗЯО вовсе не обязательно является тем договором, который равным образом устраивает всех участников ДНЯО. Более того, не каждое государство-участник ДНЯО присутствовало на переговорах по ДЗЯО, а сама ст. 6 не говорит об участии в любых переговорах, на которых согласие о полной ликвидации ядерного оружия должно быть достигнуто на любых условиях. В противном случае отпадала бы потребность в каких-либо переговорах: ст. 6 ДНЯО можно было бы трактовать как отложенное обязательство уничтожить ядерное оружие, начало действия которого было бы обусловлено желанием любого государства, инициировавшего со-

¹ Володин Д. А. Правительство Дж. Трюдо и проблемы ядерного разоружения // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 5 (581). С. 46; Чернега В. Н. Указ. соч. С. 111; Docherty B. Op. cit. P. 20.

² Tannenwald N. Op. cit. P. 126.

³ Fleck D. Op. cit. P. 404.

⁴ Марусин И. С. Указ. соч. С. 28–29; Чернега В. Н. Указ. соч. С. 111; Cotta-Ramusino P. Status of Non-proliferation // International Cooperation for Enhancing Nuclear Safety, Security, Safeguards and Non-Proliferation – 60 Years of IAEA and EURATOM. Proceedings of the XX Edoardo Amaldi Conference, Accademia Nazionale dei Lincei, Rome, Italy, October 9–10, 2017 / ed. by L. Maiani, S. Abousahl, W. Plastino. Berlin: Springer, 2018. P. 107.

⁵ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. Нью-Йорк: ООН, 1998. С. 112–113.

зыв соответствующей международной конференции. Иными словами, с учетом объекта и целей ДНЯО ст. 6 подразумевает как минимум три обязательных условия: обязательное участие в конференции всех ядерных держав *de jure*; достижение соглашения, которое устроит все ядерные державы; прекращение действия ДНЯО.

Политика ядерного сдерживания. Одной из главных ошибок сторонников ДЗЯО видится стремление умалить значимость политики ядерного сдерживания. Буквальное восприятие данной концепции сводится к потенциальным последствиям от применения ядерного оружия, сдерживающим вследствие этого начало открытого вооруженного конфликта между ядерными державами, а также к неравенству, которое возникает в результате «монопольного обладания» ядерным оружием как источником власти и обеспечения собственных интересов¹. Подобные оценки, как правило, поверхностны и ошибочны.

В настоящее время доктрина ядерного сдерживания остается наиболее значимым и эффективным средством обеспечения международной безопасности. Это, в частности, обусловило позицию США, Франции и Великобритании, заявивших о том, что ДЗЯО явно пренебрегает реалиями современной международной безопасности, а присоединение к Договору несовместимо с политикой ядерного сдерживания, которая на протяжении 70 лет была действенным инструментом поддержания мира в Европе и Азии². Ядерное оружие, эффективно выполняя функцию сдерживания, не допускает начала мировых вооруженных конфликтов, в том числе с использованием оружия массового уничтожения³, поэтому все войны и внутригосударственные конфликты с середины XX века являются конвенциональными. Отсюда возникает как минимум два вопроса. Возможно ли предотвратить мировые войны без политики ядерного сдерживания, особенно если принять во внимание конфликты первой половины XX века? Если ядерное сдерживание не допускает мировые войны и конфликты с использованием оружия массового уничтожения, то почему оно не способно предотвратить все остальные войны?⁴

Любое оружие, стоящее на вооружении государств, имеет разрушительный потенциал, а его применение может представлять угрозу международному миру. Самые страшные войны в истории человечества прошли без применения ядерного оружия (за исключением двух бомбардировок Японии), основные разрушения причинены обычными вооружениями. Следовательно, значение имеет не столько вид или класс оружия, сколько правила и правомерность его применения. Например, бомбардировка незащищенного города признается военным преступлением независимо от использованного оружия. Однако никто и никогда не ставил вопрос об уничтожении оружия как такового. Такая мысль утопична, неразумна и недальновидна. Тем более что в настоящее время оружие даже без его применения стало самостоятельным фактором сдерживания.

В истории нет сослагательного наклонения, но человечество не знает мир без политики сдерживания посредством ядерного оружия, однако знает мир «до ядерного оружия», помнит бесконечные войны, в том числе самые разрушительные. Как отметил А. Г. Арбатов, «безъядерный мир – это не просто нынешний мир минус ядерное оружие, а совершенно иной мир, построенный на других нормах и институтах»⁵. Политика сдерживания – это не недостаток, не «побочный эффект» от обладания ядерным оружием, не прихоть отдельных государств, это – вынужденная мера по обеспечению баланса сил в мире. От этой меры нельзя отказаться, не предложив взамен

¹ Craig C. Op. cit. P. 170.

² Арбатов А. Г. Грезы и реальности контроля над вооружениями // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 11. С. 7; Fleck D. Op. cit. P. 401; Hayashi N. Is the Nuclear Weapons Ban Treaty Accessible to Umbrella States? // Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. P. 389; Tannenwald N. Op. cit. P. 121; Williams H. Op. cit. P. 59.

³ Чернега В. Н. Указ. соч. С. 111.

⁴ Кроме того, отмечаются и другие задачи, решаемые ядерными государствами *de jure* и *de facto*: сдерживание или отражение нападения с использованием обычных вооружений, новейших высокоточных неядерных средств; обеспечение статуса мировой державы при недостаточном экономическом потенциале; предоставление гарантий безопасности союзникам, соседствующим с мощными военными державами (отношения США с их альянсами в Европе и Азии) и др. Подробнее см.: Арбатов А. Г. Указ. соч. С. 7.

⁵ Арбатов А. Г. Указ. соч.

что-то более или равно эффективное. В свою очередь, это означает, что отказ от ядерного оружия должен проходить только после появления альтернативного, надежного средства обеспечения механизма поддержания международного мира и безопасности. Наконец, неизвестными представляются последствия для мира, оставшегося без ядерного оружия: каковы гарантии невозникновения новых общемировых конфликтов? Ядерное оружие такую гарантию дает.

Одной из авторитетных попыток поставить под сомнение доктрину ядерного сдерживания стало заявление судьи Международного суда ООН Ши, отметившего, что ядерное сдерживание находится в сфере международной политики и не имеет юридического значения с точки зрения формирования нормы международного права, запрещающей применение ядерного оружия; в связи с этим было бы несовместимо с судебной функцией Суда при определении нормы права учитывать политику сдерживания¹. С подобным мнением нельзя согласиться. Внешняя политика в конечном счете представляет собой реализацию внутригосударственных целей и интересов при взаимодействии с другими государствами. Последнее обстоятельство ставит реальность и правомерность подобной деятельности в исключительную зависимость от соблюдения норм международного права как на уровне принципов *jus cogens*, так и в части определенных областей сотрудничества. Политика ядерного сдерживания не имела бы права на существование, если бы в ее основе не лежала обширная международно-правовая база универсальных международных договоров о нераспространении ядерного оружия, безъядерных зонах, ядерных испытаниях, средствах доставки, международном контроле. Доктрина ядерного сдерживания не может рассматриваться исключительно с позиции политической науки, речь идет о действиях государств в соответствии со специальными международно-правовыми механизмами, обеспечивающими данную политику. Другим аргументом против юридической незначимости политики ядерного сдерживания является противоречие данной концепции положениям ДЗЯО. Выходит, что сугубо политическое, по мнению судьи Ши, явление находится в конфликте с нормами международного права, т. е. рассматриваемые положения концепции и договора могут быть сопоставлены, а значит, политика ядерного сдерживания может быть квалифицирована с позиций юридической правомерности.

В то же время даже сугубо неюридические оценки (например, моральные) ядерного сдерживания или простого обладания ядерным оружием как самым разрушительным на настоящий момент не имеют *a priori* негативной коннотации. Морально ли будет оставить мир и его безопасность без средств обеспечения и сдерживания от начала новых мировых войн? Морально ли способствовать приближению человечества к самоуничтожению, оставив его беззащитным в надежде на международно-правовые механизмы, которые не оправдали себя в прошлом и привели к двум мировым войнам? Морально ли освободиться от наиболее эффективного механизма гарантирования международного мира и безопасности? Наконец, не является ли утопичной идея отказа от прогресса и стремления к техническому торможению и отставанию ради морали? Как показывает практика, не следует переоценивать значение морали в вопросе нераспространения и ликвидации оружия массового уничтожения. Например, антигуманность и аморальность применения бактериологического и химического оружия стали очевидны задолго до их договорного запрещения, однако причиной такого запрета стало вовсе не противоречие морали, а неэффективность (как фактическая, так и в сравнении с ядерным оружием) и легкая доступность при небольших затратах (т. е. угроза неконтролируемого распространения среди неограниченного круга государств). В этом и заключается как логика, так и мораль прогресса: отказываться от ненужного и неэффективного в пользу более совершенного. Обратное само по себе было бы аморальным и утопическим.

Доктрина ядерного сдерживания – это закономерный результат определенных исторических событий, а международное право, объективно квалифицируя этот результат, подтверждает его правомерность или противоправность. Как показала история и практика государств, ядерное сдерживание признается в качестве правомер-

¹ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. С. 113.

ного явления¹, нашедшего отражение, в частности, в ДНЯО, имеющем универсальное признание и участие. Кроме того, если режим, установленный ДНЯО, соответствует общему международному праву, то зачем разрабатывать еще один режим, который не только несовместим с ДНЯО, не является частью общего международного права, но и имеет все перспективы остаться недействительным? Теоретически можно допустить, что полное ядерное разоружение – окончательная цель и следующий шаг после реализации механизма ДНЯО. Однако это не значит, что положения ДЗЯО в том виде, в каком они зафиксированы в тексте соглашения, выступают тем самым следующим шагом.

В этой же плоскости следует рассматривать и тезисы о том, что положения, закрепленные в ДЗЯО, носят характер норм *erga omnes*²: разве существующие договорные механизмы поддержания и обеспечения международного мира и безопасности не носят характера норм *erga omnes*? В частности, это касается сложившегося режима нераспространения ядерного оружия.

К вопросу о правомерности применения ядерного оружия. Заявляемая ориентация ДЗЯО на защиту прав человека в контексте ядерного разоружения, безусловно, представляется значимой, однако она же может содержать в себе и угрозу: превалирование защиты прав человека над вопросами обеспечения международной безопасности в целом и национальной безопасности государств в частности. Однако, как показывает практика государств и международное право, права человека не являются абсолютно неприкосновенными и неизменными, в зависимости от обстоятельств они могут быть существенно ограничены³. Да и сами рассуждения о противоречии применения ядерного оружия международному гуманитарному праву⁴ излишне «дискриминационны»: поскольку ядерное оружие не запрещено, его применение должно соответствовать законам и обычаям войны или иным правомерным основаниям обращения к ядерному оружию, т. е. юридической квалификации подлежит вопрос о правомерности применения силы, а не вопрос о правомерности применения силы исключительно с помощью ядерного оружия.

Независимо от того, насколько обоснованы утверждения о противоправности применения ядерного оружия по международному гуманитарному праву или в рамках реализации права государств на самооборону⁵, невозможно абстрагироваться от основополагающего права каждого государства на выживание и, следовательно, права прибегнуть к самообороне, когда речь идет о его выживании⁶. С этим тезисом не согласился председатель Международного суда ООН Беджауи, отметив, что самооборона, если она осуществлена в указанных экстремальных обстоятельствах, не может создавать ситуацию, в которой государство освобождает себя от соблюдения «ненарушимых» норм международного гуманитарного права, без колебания отдавая выживанию государства более высокий приоритет, чем выживанию самого человечества⁷.

Данное заявление, будучи чересчур категоричным, слишком далеко от истины.

Во-первых, это высказывание не может быть отнесено к какому-то абстрактному государству, следовательно, речь идет, вероятнее всего, о ядерных державах *de jure*. Иными словами, судья рассуждает о ситуации, когда вопрос о выживании возникает у постоянного члена Совета Безопасности ООН. Это, в свою очередь, означает, что какое-то третье государство (вполне возможно, что и ядерное), зная о наличии, праве и возможности применения ядерного оружия постоянным членом Совета Безопасности ООН, тем не менее ставит его перед выбором выживания или уничтожения. Абсурдность и фантазмагоричность заявления председателя Беджауи заключается

¹ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. С. 114; *Considine L.* Op. cit. P. 1082.

² *Rietiker D.* Op. cit. P. 334.

³ Такому ограничению подлежит даже право на жизнь. См. п. 1. ст. 2 Второго Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни 1989 г.

⁴ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. С. 110–111.

⁵ *Hayashi N.* Op. cit. P. 384–385.

⁶ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. С. 112.

⁷ Там же. С. 113.

в том, что если какое-либо третье государство не способно остановить ни статус постоянного члена Совета Безопасности ООН как ядерной державы, ни политика ядерного сдерживания, ни вероятность ответного ядерного удара, то ядерное оружие вообще не должно рассматриваться как фактор силы или угроза международному миру и безопасности. Кроме того, председатель Беджауи не задается вопросом о причинах возникшего конфликта, перекладывая всю ответственность за его последствия на обороняющегося.

Во-вторых, в рассуждении председателя Беджауи ставится крайне странный выбор: либо обороняющееся государство, либо человечество. Если, по мнению судьи, о приоритете выживания государства не может быть и речи, означает ли это, что ради спасения человечества государство должно согласиться со своим уничтожением?

В-третьих, председатель Беджауи приписал ядерному оружию несуществующие характеристики, усложнив и окончательно запутав собственное утверждение. По общему правилу, применение силы в порядке самообороны осуществляется против вооруженных сил противника, локализованных на какой-то определенной территории или пространстве, это не может быть «ядерный удар по человечеству» (вдобавок ядерное оружие не обладает характеристиками оружия глобального уничтожения); такое возможно только в случае, если «все человечество» будет нападать на обороняющееся ядерное государство.

В-четвертых, неразумной и надуманной выглядит ситуация, когда государство, угроза выживанию которого неминуема и реальна, будет задаваться умозрительно-абстрактным вопросом о гипотетическом выживании человечества.

В-пятых, как показывает история и практика государств, наличие ядерного оружия у государств ни разу не допустило возникновения ситуации, описанной председателем Беджауи.

К вопросу о договорной правоспособности разработчиков ДЗЯО. Существует точка зрения, что страны, подписавшие ДЗЯО, выступают от имени большинства международного сообщества, в связи с чем ядерным державам станет труднее критиковать нарушения режима нераспространения другими государствами, поскольку, по мнению большинства (т. е. международного сообщества), именно государства, обладающие ядерным оружием, являются препятствием ядерному разоружению и нераспространению¹. Формально-юридический изложенный подход мог иметь право на существование, в частности в рамках договоров, устанавливающих «объективные режимы» (т. е. содержащих обязательства и права *erga omnes*)². Как отметил Г. И. Тункин при анализе значения одного из наиболее ярких примеров договоров, устанавливающих объективный режим, – Договора об Антарктике 1959 г., «намерение состояло в том, чтобы создать правовой режим, который бы мог стать общепринятым. Однако не было намерения навязать этот режим – любая попытка сделать это была бы противоправной»³. Следовательно, общепринятость и отказ разработчиков договора от навязывания создаваемого режима – необходимые условия для придания положениям ДЗЯО статуса норм *erga omnes*. Таким требованиям (в отличие от ДЗЯО) соответствуют, например, договоры о безъядерных зонах и ДНЯО.

Кроме того, сторонники принятия ДЗЯО не учитывают реалий развития современных международных отношений. По мнению Г. И. Тункина, «фактическое положение таково, что в международных отношениях вообще и в создании норм международного права в частности особую роль играют великие державы... Реальные средства обеспечения мира и вместе с тем средства войны находятся прежде всего в руках великих держав. Поэтому практика нередко толкает на путь предварительного согласования вопросов между великими державами, поскольку отсутствие соглашения между ними делает бесполезным, а иногда даже и вредным принятие решений по международным проблемам общего порядка»⁴. Это означает, что большинство государств международного сообщества при решении вопросов обеспечения международного

¹ Володин Д. А. Указ. соч. С. 47; Чернега В. Н. Указ. соч. С. 110–111.

² Лукашук И. И. Современное право международных договоров. Т. I: Заключение международных договоров. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 261–270.

³ Там же. С. 263.

⁴ Тункин Г. И. Теория международного права. М.: Зерцало, 2009. С. 243–244.

мира и безопасности будет попросту неправомочно, если среди этих государств не будет великих держав. Подобный порядок международных отношений нашел отражение в таких универсальных международных договорах, как Устав ООН (статус постоянных членов СБ ООН) и ДНЯО (статус ядерных государств). Безусловно, указанное большинство государств правомочно заключить обязательный международный договор, однако данный договор будет обязательным исключительно для его участников, а вероятность достижения цели полного ядерного разоружения – ничтожной¹. Как было отмечено Г. И. Тункиным, «соответствие или несоответствие той или иной нормы международного права закономерностям общественного развития определяет ее реальную эффективность, действенность... юридически действительная норма может в силу ряда обстоятельств оказаться неэффективной или малоэффективной»².

Не менее важным является и вопрос о фактическом вкладе разработчиков и государств-участников ДЗЯО в обеспечение международного мира и безопасности. Исторически сложилось так, что после Второй мировой войны данные государства никогда не совершали самостоятельных действий, вносящих вклад в обеспечение международного мира и безопасности на универсальном уровне. Их шаги всегда носили дополняющий (к действиям великих держав), вторичный характер либо касались вопросов регионального или даже локального, местного значения. Кроме того, не следует забывать и о реальности угрозы применения ядерного оружия против данных государств со стороны ядерных держав. Таких ситуаций история не знает, более того, современная архитектура универсального ядерного нераспространения содержит значительное число международно-правовых механизмов (двусторонние и многосторонние договоры о взаимопомощи, позитивные и негативные гарантии ядерных держав, роль ядерных государств как постоянных членов СБ ООН и др.), исключающих вероятность подобных сценариев. Этой точки зрения придерживался в несовпадающем особом мнении судья Международного суда ООН Ода³.

В развитие данного тезиса также можно привести позицию Международного суда ООН, согласно которой появлению нормы обычного права, специально запрещающей применение ядерного оружия, препятствует постоянное противоречие между появляющейся *opinio juris*, с одной стороны, и все еще значительной приверженностью доктрине ядерного сдерживания – с другой⁴. Кроме того, любую разоруженческую инициативу блокирует фактическая возможность нескольких государств мира полностью уничтожить любое государство (в том числе отказавшееся от ядерного оружия), неспособное защитить себя⁵. Наконец, из вышеназванной позиции Международного суда ООН можно сделать и обратный вывод – о существовании *opinio juris* в отношении правомерности применения ядерного оружия ядерными государствами, что вытекает из их участия (равно как и неядерных государств) в ряде универсальных международных договоров: от ДНЯО до запрета ядерных испытаний и безъядерных зон. «Обратное» же *opinio juris* нашло подкрепление лишь в одном ДЗЯО.

Несмотря на формальное вступление в силу и действие ДЗЯО, не являющегося обязательным ни для одного ядерного государства, необходимо все же отметить одно юридическое последствие, которое может быть охарактеризовано как положительное: создание в пределах территорий государств-участников единой, универсальной безъядерной зоны⁶, а также закрепление более детальных (в сравнении с ДНЯО) обязательств неядерных государств. Это же одновременно является и «пределом содержательного максимума» обязательств по ДЗЯО: вероятной и наиболее реальной перспективой Договора видится лишь количественное увеличение участников в рамках обозначенного «максимума».

О цели Договора. Значительное количество недостатков ДЗЯО не могло быть неочевидным его разработчикам, что ставит вопрос о целесообразности такой работы.

¹ Оторванность такого договора от реальности и его бесперспективность сопоставимы с эффективностью договора о статусе морских пространств, в котором участвовали бы только государства, не имеющие выхода к морю.

² Тункин Г. И. Указ. соч. С. 139–140.

³ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. С. 116.

⁴ Там же. С. 111.

⁵ Craig C. Op. cit. P. 172.

⁶ Марусин И. С. Указ. соч. С. 20.

Более того, сторонники ДЗЯО заявляют, что Договор, несмотря на название, не преследует непосредственную цель уничтожения ядерного оружия¹, тем более что содержащийся в Договоре механизм обеспечения запрета ядерного оружия не только слаб и не продуман, но и, сводясь к буквальной обязанности «разоружиться» и «присоединиться», подписав соглашение с МАГАТЭ о гарантиях, до наивности примитивен². Основная же задача заключения ДЗЯО заключалась в «стигматизации», «клеймении» ядерного оружия³, обладание которым (не говоря уже о применении) является не только противоправным, антигуманным, но и аморальным, варварским⁴. В таком виде Договор – не столько окончательное юридическое закрепление обязанностей государств-участников, сколько промежуточное политическое заявление, реализация которого будет возможна только в будущем, когда ядерное оружие в результате начатой широкой дискуссии будет признано международным сообществом негуманным, аморальным и противоправным средством ведения войны и политики сдерживания⁵, как это стало в конечном счете с бактериологическим и химическим оружием⁶. Такая цель ДЗЯО не только не предполагала участие ядерных государств на этапе разработки его текста, наоборот, подразумевала их отсутствие во избежание проблем с последующим вступлением в силу (как это произошло с ДВЗЯИ)⁷, а также не рассматривала возможность присоединения ядерных государств к Договору⁸. Ядерным государствам отводится роль того, кто непосредственно уничтожит собственные арсеналы оружия и обеспечит разработку детализированного международного договора⁹. Отсюда возникает два вопроса. Во-первых, почему вся ответственность за неудачу очевидно непродуманного и бесперспективного договора перекладывается на ядерные государства, которые не имеют к нему никакого отношения? Во-вторых, почему фактическую реализацию ДЗЯО, а также разработку нового детализированного договора должны взять на себя третьи государства – ядерные державы, воплощая в жизнь согласованную волю других государств?

Сторонники режима ДЗЯО не предложили каких-либо концепций для эволюции права международной безопасности в целом и ядерного разоружения в частности; ими лишь декларируется цель и обозначается желательность ее наступления. В то же время полностью игнорируется обязанность обоснования, почему с точки зрения именно международного права (а не политики, морали, гуманизма и т. д.) ядерные государства должны присоединиться к ДЗЯО. Если принять во внимание тот факт, что обладание ядерным оружием и его применение для ядерных держав является правомерны, неясно, почему одно правомерное поведение необходимо изменить на другое правомерное поведение (в соответствии с ДЗЯО), установленное к тому же без их на то согласия.

Выводы

1. Простое заимствование формулировок конвенций о запрещении бактериологического и химического оружия не может стать гарантией успеха ДЗЯО. Эффективность и действенность указанных конвенций была обусловлена не столько всесторонним охватом их положений, сколько реальной заинтересованностью в их исполнении государств, обладавших таким вооружением. Всеобъемлющий запрет ядерного оружия не может быть установлен в одностороннем порядке неядерными государствами без учета интересов ядерных держав. Этих целей ДЗЯО достичь не смог, само же содержание Договора недостаточно для формирования основы «безъядерного мира»¹⁰. Неудачной является и идея обобщения и компиляции в рамках одного международного

¹ Craig C. Op. cit. P. 168; Tannenwald N. Op. cit. P. 121–122, 127; Williams H. Op. cit. P. 52, 56.

² Арбатов А. Г. Указ. соч. С. 7; Дергачев А. Ю. Указ. соч. С. 33; Müller H. What Are the Institutional Preconditions for a Stable Non-Nuclear Peace? // Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty. P. 153.

³ Дергачев А. Ю. Указ. соч. С. 32; Михайленко Е. Б., Дегтярев Н. С. Указ. соч. С. 119; Considine L. Op. cit. P. 1075, 1079; Docherty B. Op. cit. P. 20; Tannenwald N. Op. cit. P. 122, 127; Williams H. Op. cit. P. 6–7.

⁴ Craig C. Op. cit. P. 168; Docherty B. Op. cit. P. 20.

⁵ Considine L. Op. cit. P. 1075, 1081; Tannenwald N. Op. cit. P. 120, 123.

⁶ Михайленко Е. Б., Дегтярев Н. С. Указ. соч. С. 119.

⁷ Müller H. Op. cit. P. 152; Tannenwald N. Op. cit. P. 120.

⁸ Cotta-Ramusino P. Op. cit. P. 107.

⁹ Tannenwald N. Op. cit. P. 120.

¹⁰ Михайленко Е. Б., Дегтярев Н. С. Указ. соч. С. 121; Fleck D. Op. cit. P. 411; Müller H. Op. cit. P. 152.

договора положений ранее заключенных соглашений (ДВЗЯИ, о безъядерных зонах и др.), поскольку это ведет к переносу в ДЗЯО всех связанных с данными договорами проблем, например проблемы невступления ДВЗЯИ в силу, что с учетом растущих противоречий между Россией и США выглядит и вовсе несбыточным. Теперь это стало еще одной причиной неучастия в ДЗЯО. Кроме того, участие в ДВЗЯИ, в отличие от ДЗЯО, не требовало прекращения действия ДНЯО. Иными словами, проблема универсальности ДЗЯО заключается не столько в отсутствии политической воли ядерных государств, сколько в несовместимости этого Договора со всей архитектурой системы ядерного разоружения.

2. Значимым недостатком ДЗЯО явились и неверные изначальные предпосылки, положенные в основу Договора: представление о пагубности ядерного оружия и опасности обладания им. Наличие ядерного оружия у государств-участников ДНЯО никогда не приводило к применению или угрозам его применения с их стороны, данные государства активно участвовали в договорах по сокращению вооружений, созданию безъядерных зон, прекращению испытаний и т. д. Единственным «разрушительным» действием для современной системы безопасности и ядерного разоружения являются шаги США по выходу из соответствующих договоров, неприсоединению к ДВЗЯИ, созданию глобальной системы противоракетной обороны и планов размещения оружия в космическом пространстве¹. ДЗЯО (хотя и не имеющий перспектив на эффективность) содержит потенциал полного уничтожения ДНЯО, что является действительной, настоящей угрозой международному миру и безопасности.

3. Еще одной чертой ДЗЯО можно назвать его несвоевременность. Чтобы быть эффективным, процесс ядерного разоружения не должен допускать резких шагов, каждый новый этап, сопровождаемый заключением международного договора, обретающего со временем значение норм *erga omnes*, обязан быть доведен до какого-то логического завершения. Только достижение конкретного результата в области разоружения позволяет делать следующий прогрессивный шаг. Применительно к ядерному оружию такими незавершенными этапами остались вступление в силу ДВЗЯИ, заключение Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов, заключение нового договора между Россией и США о СНВ, обеспечение гарантий отсутствия у государств «возвратного ядерного потенциала», находящегося в «оперативно неразвернутом состоянии», укрепление и создание новых безъядерных зон и т. д.² Недоведение указанных вопросов до окончательного разрешения создает впечатление спонтанности и непоследовательности действий международного сообщества, что также бросает тень сомнения и на ДЗЯО как еще один пример такого же спорадического шага.

4. Несмотря на закрепление обязательств в международном договоре, реальная суть положений сопоставима с содержанием рекомендательных актов Генеральной Ассамблеи ООН. В доктрине ДЗЯО оценивается как выражение протеста большинства неядерных стран в связи с тупиками процесса и распадом режимов контроля над ядерным оружием, свод претензий и ультиматумов в сторону «ядерного клуба», а не реальный действенный механизм, ведущий к будущему безъядерному миру³. Более того, как показывают действия государств-разработчиков, первоначально планировались подготовка и предложение *a priori* неработающего механизма с очевидными недостатками и заранее неприемлемыми условиями для ядерных государств, т. е. разработчикам ДЗЯО изначально были известны перспективы Договора «на успех», а значит, формальное вступление ДЗЯО в силу было предпочтительнее его эффективности и действенности. Иными словами, разработчики создавали видимость внесения исключительно важных и ценных предложений, которые, без всяких сомнений, были обречены на провал. Когда же ядерные государства официально заявили о своем нежелании участвовать в ДЗЯО, разработчики стали обвинять в этом

¹ Козин В. П. Возможно ли создать безъядерный мир к 2045 году? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 6. С. 46.

² Володин Д. А. Указ. соч. С. 38; Козин В. П. Указ. соч. С. 60–61.

³ Арбатов А. Г. Указ. соч. С. 8; Комарова Л. В. Роль международных организаций в области ядерного разоружения // Вестник Донецкого национального университета. Сер. Б: Гуманитарные науки. 2019. № 3. С. 52; Муратшина К. Г., Пашкова Т. В. Китайская Народная Республика и Договор о запрещении ядерного оружия // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 160.

не неудачное содержание договорных обязательств и их оторванность от истории и современных реалий международной безопасности, а ядерные державы, указывая на их стремление оставаться обладателями самого мощного оружия как инструмента манипулирования, угроз и запугивания. Провал ДЗЯО в виде закономерного отказа ядерных государств от участия в Договоре и был целью его разработчиков. Но даже если предположить, что основная цель действий неядерных государств заключалась в инициации процесса переосмысления необходимости обладания ядерным оружием, то методика достижения данной цели подрывает доверие не только к обязательствам *erga omnes* о последовательном всеобщем разоружении, но и к международным договорам как форме закрепления таких обязательств, поскольку очевидно, что цель заключения ДЗЯО не в том, к чему призывают его положения¹. Закономерным итогом предпринятой попытки «нормотворчества» стало то, что ДЗЯО привел к «расслоению» позиций государств внутри режима ядерного нераспространения и возникновению напряженности между ядерными и неядерными государствами². Таким образом, ДЗЯО лишь формально может быть признан подлинным источником права, он, скорее, средство политического влияния. Если в этом и заключаются форма и методы, которые неядерные государства считают единственным возможным способом достижения полного ядерного разоружения, то этот способ следует признать бесперспективным.

5. Существует ли необходимость в совершенствовании современного механизма ядерного нераспространения и разоружения? Безусловно, как минимум в целях обеспечения действия тех режимов, которые уже согласованы государствами (например, ДНЯО и ДВЗЯИ)³. Кроме того, ядерные страны, например Россия, никогда не утверждали невозможность отказа от ядерного оружия в будущем. Как отметил министр иностранных дел России С. В. Лавров, согласованный принцип продвижения к безъядерному миру уже отражен в ДНЯО и увязан с обеспечением всеобщей безопасности и стабильности⁴. Другой вопрос – необходимо ли совершенствовать современный механизм ядерного нераспространения и разоружения предлагаемым ДЗЯО способом? Очевидно, что и содержание Договора, и процедура его заключения изначально имеют массу изъянов, в связи с чем сам ДЗЯО не может претендовать на выражение мнения всего международного сообщества и обрести характер и значение норм *erga omnes*. Да и сама идея полного запрета ядерного оружия – еще не гарантия международного мира и безопасности, а отсутствие такого оружия не представляет собой какой-либо ценности или прогресса.

Список литературы

Арбатов А. Г. Грезы и реальности контроля над вооружениями // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 11. С. 5–16.

Володин Д. А. Правительство Дж. Трюдо и проблемы ядерного разоружения // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 5. С. 35–51.

Дергачев А. Ю. Проблема ядерного разоружения в мировой политике (по материалам ежегодников Стокгольмского международного института исследования проблем мира) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. № 2. С. 30–34.

Козин В. П. Возможно ли создать безъядерный мир к 2045 году? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2018. № 6. С. 41–65.

Комарова Л. В. Роль международных организаций в области ядерного разоружения // Вестник Донецкого национального университета. Сер. Б: Гуманитарные науки. 2019. № 3. С. 51–57.

Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда ООН. 1992–1996 годы. Нью-Йорк: ООН, 1998. 132 с.

Лукашук И. И. Современное право международных договоров. Т. I: Заключение международных договоров. М.: Волтерс Клувер, 2004. 658 с.

Марусин И. С. Договор о запрещении ядерного оружия 2017 года и перспективы его применения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2018. № 1. С. 20–31.

¹ Здесь можно провести аналогию с мнением И. И. Лукашука о «диссимилированных» договорах: «...они создаются по формуле „чего нет, в том притворяюсь, что есть, то скрываю“ (quae non sunt, simulo, quae sunt, sa dissimulantur). Такие договоры призваны скрыть реальные цели сторон...» Подробнее см.: Лукашук И. И. Указ. соч. С. 529.

² Козин В. П. Указ. соч. С. 46; Комарова Л. В. Указ. соч. С. 53; Михайленко Е. Б., Дегтярев Н. С. Указ. соч. С. 123; Муратшина К. Г., Пашкова Т. В. Указ. соч. С. 160.

³ Арбатов А. Г. Указ. соч. С. 8; Муратшина К. Г., Пашкова Т. В. Указ. соч. С. 165.

⁴ Козин В. П. Указ. соч. С. 46.

Михайленко Е. Б., Дегтярев Н. С. Эволюция идеи запрещения ядерного оружия в контексте режима ядерного нераспространения // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 115–127.

Муратшина К. Г., Пашкова Т. В. Китайская Народная Республика и Договор о запрещении ядерного оружия // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 160–168.

Тункин Г. И. Теория международного права. М.: Зерцало, 2009. 416 с.

Чернега В. Н. Ядерный арсенал Франции и ее подходы к нераспространению и запрещению ядерного оружия // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 3. С. 94–117.

Considine L. Contests of Legitimacy and Value: the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Logic of Prohibition // *International Affairs*. 2019. Vol. 95(5). P. 1075–1092.

Cotta-Ramusino P. Status of Non-proliferation // *International Cooperation for Enhancing Nuclear Safety, Security, Safeguards and Non-Proliferation – 60 Years of IAEA and EURATOM. Proceedings of the XX Edoardo Amaldi Conference, Accademia Nazionale dei Lincei, Rome, Italy, October 9–10, 2017* / ed. by L. Maiani, S. Abousahl, W. Plastino. Berlin: Springer, 2018. P. 101–108.

Craig C. Can the Danger of Nuclear War Be Eliminated by Disarmament? // *Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty* / ed. by T. Sauer, J. Kustermans, B. Segaert. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. P. 167–180.

Dennis A. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // *Disarmament, Peace and Development*. 2018. Vol. 27. P. 63–65.

Docherty B. A. 'Light for All Humanity': the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Progress of Humanitarian Disarmament // *Global Change, Peace & Security*. 2018. Vol. 30(2). P. 163–186.

Fleck D. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: Challenges for International Law and Security // *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy* / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 395–415.

Hayashi N. Is the Nuclear Weapons Ban Treaty Accessible to Umbrella States? // *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy* / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 377–394.

Müller H. What Are the Institutional Preconditions for a Stable Non-Nuclear Peace? // *Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty* / ed. by T. Sauer, J. Kustermans, B. Segaert. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. P. 151–166.

Rietiker D. The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: A Further Confirmation of the Human and Victim-Centred Trend in Arms Control Law // *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV: Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy* / ed. by J. L. Black-Branch, D. Fleck. Berlin: Springer, 2019. P. 325–353.

Tannenwald N. The Humanitarian Initiative: A Critical Appreciation // *Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty* / ed. by T. Sauer, J. Kustermans, B. Segaert. Switzerland: Palgrave Macmillan, 2020. P. 115–129.

Williams H. Nuclear Babel: Narratives Around the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons // *The Nonproliferation Review*. 2018. Vol. 25 (1–2). P. 51–63.

References

Arbatov A. G. (2019) Grezy i real'nosti kontrolya nad vooruzheniyami [Dreams and Realities of Arms Control]. In *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 63, no. 11, pp. 5–16.

Chernega V. N. (2020) Yadernyi arsenal Frantsii i ee podkhody k neraspostraneniyu i zapreshcheniyu yadernogo oruzhiya [France's nuclear arsenal and French approaches to the non-proliferation and prohibition of nuclear weapons]. In *Aktual'nye problemy Evropy*, no. 3, pp. 94–117.

Considine L. (2019) Contests of Legitimacy and Value: the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Logic of Prohibition. In *International Affairs*, vol. 95, no. 5, pp. 1075–1092.

Cotta-Ramusino P. (2018) Status of Non-proliferation. In Maiani L., Abousahl S., Plastino W. (Eds.) *International Cooperation for Enhancing Nuclear Safety, Security, Safeguards and Non-Proliferation – 60 Years of IAEA and EURATOM. Proceedings of the XX Edoardo Amaldi Conference, Accademia Nazionale dei Lincei, Rome, Italy, October 9–10, 2017*. Berlin, Springer, pp. 101–108.

Craig C. (2020) Can the Danger of Nuclear War Be Eliminated by Disarmament? In Sauer T., Kustermans J., Segaert B. (Eds.) *Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty*. Switzerland, Palgrave Macmillan, pp. 167–180.

Dennis A. (2018) The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. In *Disarmament, Peace and Development*, vol. 27, pp. 63–65.

Dergachev A. Yu. (2020) Problema yadernogo razoruzheniya v mirovoi politike (po materialam ezhegodnikov Stokgol'mskogo mezhdunarodnogo instituta issledovaniya problem mira) [Problem of Nuclear Disarmament in World Politics (Based on the Stockholm University Yearbooks of International Institute for Peace Research)]. In *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, no. 2, pp. 30–34.

Docherty B. (2018) A 'Light for All Humanity': the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and the Progress of Humanitarian Disarmament. In *Global Change, Peace & Security*, vol. 30, no. 2, pp. 163–186.

Fleck D. (2019) The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: Challenges for International Law and Security. In Black-Branch J. L., Fleck D. (Eds.) *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy*. Berlin, Springer, pp. 395–415.

Hayashi N. (2019) Is the Nuclear Weapons Ban Treaty Accessible to Umbrella States? In Black-Branch J. L., Fleck D. (Eds.) *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy*. Berlin, Springer, pp. 377–394.

Komarova L. V. (2019) Rol' mezhdunarodnykh organizatsii v oblasti yadernogo razorozheniya [The Role of International Organizations in the Field of Nuclear Disarmament]. In *Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Ser. B: Gumanitarnye nauki*, no. 3, pp. 51–57.

Kozin V. P. (2018) Vozmozhno li sozdat' bez'yadernyi mir k 2045 godu? [Is it Possible to Have Non-Nuclear World in 2045?]. In *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 6, pp. 41–65.

Kratkoe izlozhenie reshenii, konsul'tativnykh zaklyuchenii i postanovlenii Mezhdunarodnogo suda OON. 1992–1996 gody (1998) [Extracts of Judgements, Advisory Opinions and Orders of the ICJ. 1992–1996]. New York, OON, 132 p.

Lukashuk I. I. (2004) *Sovremennoe pravo mezhdunarodnykh dogovorov. T. I: Zaklyuchenie mezhdunarodnykh dogovorov* [Modern Law of Treaties. Vol. 1: Conclusion of Treaties]. Moscow, Volters Kluver, 658 p.

Marusin I. S. (2018) Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya 2017 goda i perspektivy ego primeneniya [Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons and Perspectives of its Application]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, no. 1, pp. 20–31.

Mikhailenko E. B., Degtyarev N. S. (2019) Evolyutsiya idei zapreshcheniya yadernogo oruzhiya v kontekste rezhima yadernogo nerасprostraneniya [The Evolution of the Prohibition of Nuclear Weapons Idea in the Context of the Nuclear Non-Proliferation Regime]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 62, pp. 115–127.

Müller H. (2020) What Are the Institutional Preconditions for a Stable Non-Nuclear Peace? In Sauer T., Kustermans J., Segaert B. (Eds.) *Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty*. Switzerland, Palgrave Macmillan, pp. 151–166.

Muratshina K. G., Pashkova T. V. (2019) Kitaiskaya Narodnaya Respublika i Dogovor o zapreshchenii yadernogo oruzhiya [The People's Republic of China and Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 441, pp. 160–168.

Rietiker D. (2019) The Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons: A Further Confirmation of the Human and Victim-Centred Trend in Arms Control Law. In Black-Branch J. L., Fleck D. (Eds.) *Nuclear Non-Proliferation in International Law. Vol. IV. Human Perspectives on the Development and Use of Nuclear Energy*. Berlin, Springer, pp. 325–353.

Tannenwald N. (2020) The Humanitarian Initiative: A Critical Appreciation. In Sauer T., Kustermans J., Segaert B. (Eds.) *Non-Nuclear Peace. Beyond The Nuclear Ban Treaty*. Switzerland, Palgrave Macmillan, pp. 115–129.

Tunkin G. I. (2009) *Teoriya mezhdunarodnogo prava* [Theory of International Law]. Moscow, Zertsalo, 416 p.

Volodin D. A. (2018) Pravitel'stvo Dzh. Tryudo i problemy yadernogo razorozheniya [The Administration of J. Trudeau and Problems of Nuclear Disarmament]. In *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, no. 5, pp. 35–51.

Williams H. (2018) A Nuclear Babel: Narratives Around the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. In *The Nonproliferation Review*, vol. 25, no. 1–2, pp. 51–63.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.10.2024

Дата принятия рукописи в печать: 15.02.2025

УДК / UDC 347

DOI: 10.34076/22196838_2025_4_43

РИСК КАК КРИТЕРИЙ БАЛАНСА МЕЖДУ ЧАСТНОПРАВОВЫМ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫМ РЕГУЛИРОВАНИЕМ

Италмасов Александр Дмитриевич

Консультант отдела анализа и обобщения судебной практики Арбитражного суда Уральского округа, аспирант кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург),
ORCID: 0009-0009-4693-7679, e-mail: italmasovalex@mail.ru.

В статье исследуется критерий разграничения частного и публичного права – централизации и децентрализации правового регулирования, определяется его практическое значение: критерий позволяет нам понять, что при изменении границы между частной и публичной составляющей регулирования гражданского правоотношения изменяется объем возлагаемого на его участников риска по достижению цели правоотношения. Раскрывается тезис о том, что по своей сути частное право представляет собой механизм переложения рисков недостижения цели правоотношения на ее участников с помощью возможности заключения сделок. Обосновывается позиция, что законодатель при проектировании правового регулирования или его изменении должен постоянно руководствоваться объемом риска недостижения субъектом права цели гражданского правоотношения и тем, сколько ресурсов затратит государство, если постарается этот риск исключить путем внедрения императивного регулирования.

Ключевые слова: риск, экономический риск, правоотношение, частное право, публичное право

Для цитирования: Италмасов А. Д. Риск как критерий баланса между частноправовым и публично-правовым регулированием // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 4. С. 43–49. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_4_43.

RISK AS A REQUIREMENT OF BALANCE BETWEEN PRIVATE-LAW AND PUBLIC-LAW REGULATION

Italmasov Alexander

Consultant, department of analysis and generalization of judicial practice, Arbitration Court of the Ural District, post-graduate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0009-4693-7679, e-mail: italmasovalex@mail.ru.

The article examines the criterion for distinguishing private and public law – centralization and decentralization of legal regulation, and determines its practical significance: the criterion allows us to understand that when the boundary between the private and public components of civil law regulation changes, the amount of risk imposed on its participants in achieving the goal of the legal relationship changes. The thesis is revealed that, in essence, private law is a mechanism for transferring the risks of not achieving the goal of a legal relationship to its participants through the possibility of concluding transactions. The position is substantiated that when designing legal regulation or changing it, a legislator should constantly be guided by the amount of risk that a legal entity will fail to achieve the goal of a civil legal relationship and how much resources the state will spend if it tries to eliminate this risk by introducing mandatory regulation.

Key words: risk, economic risk, legal relationship, private law, public law

*For citation: Italmasov A. (2025) Risk as a requirement of balance between private-law and public-law regulation. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 43–49, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_4_43.*

Введение

Тема поиска баланса между частноправовым и публично-правовым регулированием гражданских отношений является фундаментальной проблемой, которая приобрела особую актуальность в современной юридической науке. Находясь в поисках оптимального сочетания вмешательства государства в экономические отношения и свободы частной инициативы, ученые разрабатывают предложения по совершенствованию законодательства или изменению вектора развития судебной практики¹.

При этом в научных работах определению критериев, которыми руководствуется законодатель при установлении пределов вмешательства в частные отношения, уделяется мало внимания. Обоснование того или иного подхода к решению проблемы может происходить и без апелляции к таким критериям.

Если же вопрос попадает в область внимания ученого, то аргументация может ограничиваться общими формулировками: например, баланс может определяться на основе справедливости², принципа защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина³ или на основе общих представлений о морали, этике и религиозных норм⁴. Основной же упор при исследовании различных проблем права приходится на доводы с использованием прогнозирования последствий регулирования или оценки влияния действующих норм на общество⁵.

Тем не менее поверхностное погружение в теоретическую составляющую критериев может и не быть недостатком научной аргументации, так как использование конкретных жизненных примеров уже само по себе является важным аспектом исследования, обладает большим потенциалом убеждения. Однако для более глубокого понимания проблемы поиска баланса между частноправовым и публично-правовым регулированием необходимо выделять четкие критерии.

Одним из таких критериев выступает объем экономического риска достижения положительного результата в правоотношении, в котором участвует субъект права. Но прежде чем перейти непосредственно к обоснованию тезиса, необходимо остановиться на критерии разделения частного и публичного права.

1. Критерий разграничения частного и публичного права и его практическое значение

Изучение различий частного и публичного может подтолкнуть к мысли об их противопоставлении, большей ценности одного из них, но любые размышления об этом ни к чему не приводят. Реализация созидательного потенциала человека немыслима без его защиты публичными институтами, которые создают необходимые правовые, организационные и материальные условия. Но и безграничное распространение властных отношений не позволяет длительное время поддерживать достойный уровень развития общества и естественно-необходимый человеку объем свободы.

Представление о публичном праве как об инструменте организации публичной власти и структуризации государственного принуждения, было изменено военными конфликтами прошлого века, которые содействовали приданию приоритетной ценности правам и свободам человека в области государственного управления. Идея построения «государственного» и «рыночного» права вокруг личности не просто приобрела особую значимость, но и продемонстрировала естественность такого подхода для права в целом.

¹ Марковичева Е. В. Гражданский иск в уголовном процессе: баланс частных и публичных интересов // Российский юридический журнал. 2024. № 5. С. 56–64; Загайнов М. Р., Слепко Г. Е., Слепцова М. В. Обеспечительные меры в налоговом праве: вопросы баланса частных и публичных интересов в условиях неопределенности // Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право. 2023. № 12. С. 116–122.

² Поляков Н. Г. Справедливость как критерий соблюдения баланса публичных и частных интересов в правоотношениях по охране жилища осужденных // Правовые вопросы недвижимости. 2023. № 2. С. 33–37.

³ Архипова Е. Ю. Баланс частных и публичных интересов при правовом регулировании // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 132.

⁴ Пономарева Д. В. Lex Gеnотіса в цифровую эпоху: к вопросу об обеспечении баланса частных и публичных интересов и конвергенции права и этики // Право и цифровая экономика. 2024. № 2. С. 30.

⁵ Кокурин В. А. Проблема обеспечения баланса частных и публичных интересов при определении срока публичного сервитута // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 4. С. 71–76.

Одним из результатов совпадения целей регулирования частного и публичного права стало все большее их взаимное проникновение, постепенно растворявшее границы между ними и сделавшее отдельные элементы все менее различимыми. Если материальный критерий разграничения, разделяющий центры защищаемых интересов, удовлетворял римских юристов¹, то сегодня он теряет актуальность.

Проводя глубокую ревизию критериев дифференциации публичной и частной сфер, Б. Б. Черепахин отсекает большую часть теоретического инструментария, поскольку положенные в его основу идеи автономности, несвязности публичных и частных отношений несостоятельны². При этом, несмотря на тенденцию конвергенции, частное и публичное право все же сохраняет свои отличительные признаки. «Юриспруденция инстинктивно чувствует, что в основе нашего различия лежит нечто не случайно-историческое, а глубоко принципиальное; она смутно улавливает глубокую разницу в самом духе права публичного и частного и, несмотря ни на что, продолжает держаться этого деления как основы всей научной классификации. И думается, что ее инстинкт ее не обманывает», – пишет И. А. Покровский³.

Глубоко принципиальное различие, выделяемое И. А. Покровскими и Б. Б. Черепахиным, раскрывается в критерии централизации и децентрализации правового регулирования. Идея лаконична: мы можем говорить о частноправовых отношениях, если субъекты самостоятельно определяют как наличие самого правоотношения, так и его содержание. Первое утверждает равенство субъектов (возникновение отношения по их воле), а выбор содержания отношения – диспозитивность. При появлении возможности выбора в области власти и подчинения принято говорить об ограниченном проявлении диспозитивности в публичном праве⁴.

2. Экономический риск как критерий

Представляется некорректной позиция Д. Д. Гримма, утверждающего, что поиск критериев разграничения публичного и частного права «с научной точки зрения не имеет самостоятельной ценности», «группировка правовых институтов... представляется иррациональной, объединяющей разнородные и разъединяющей однородные явления»⁵. Абстрактные теоретические разработки, казалось бы, не имеющие прямого отношения к реальной жизни, на поверку оказываются тесно связанными с актуальными вопросами нашей жизни.

В настоящем случае четкое понимание критерия деления на частное и публичное право позволяет нам понять, с чем непосредственно работает законодатель, когда вмешивается в баланс частного и публичного права: расширяет либо ограничивает свободу на принятие решения о наличии или содержании правоотношения.

Отсутствие свободы выбора вариантов своего поведения есть не что иное, как ограничение личной свободы, которое обычно имеет негативную коннотацию. При этом создаваемое правоотношение само по себе не является ценностью, оно выступает только инструментом достижения конкретного блага. То есть правоотношение имеет цель, которую преследуют лица, вступающие в него. «Цель – это представленный заранее результат, к которому стремится мое действие»⁶.

Недостижение цели правоотношения – это риск, причем если речь об экономических правоотношениях, то это риск экономического характера. Само понятие «риск» отождествляется с опасностью, угрозой, ненадежностью. Риск в толковых словарях русского языка определяется, с одной стороны, как возможная опасность чего-либо, с другой – как действие наудачу в надежде на счастливый исход⁷.

¹ «Publicum jus est quod ad statum rei romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem» (Ulpianus in fr. 2. D. 1.1) («Публичное право есть то, что относится к положению римского государства, частное – то, что относится к интересам частных лиц»).

² Черепахин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве // X сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета. Иркутск: ИрГУ. 1926.

³ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. СПб.: Изд. юрид. книжного склада «Право», 1917. С. 74.

⁴ Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М.: Статут, 2022. С. 110.

⁵ Гримм Д. Д. Курс римского права. Учения об основных правовых понятиях. СПб.: Типогр. М. М. Стасюлевича, 1904. С. 81.

⁶ Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. С. 210.

⁷ Ожегов С. И. Словарь русского языка. 26-е изд. М.: Оникс, 2009. С. 487.

Если каждое правоотношение имеет цель, а субъект ограничен в юридической свободе, при том что норма права предполагает централизованное принятие решения о наличии или содержании правоотношения, то с такого лица автоматически снимается ответственность (риск) за достижение цели правоотношения¹.

И. Т. Илларионова указывает, что «рисковать – значит создавать для себя или окружающих ситуацию риска, то есть ситуацию, в результате которой возможны самые различные, в том числе и неблагоприятные последствия для рискующего и других лиц»². С этой точки зрения мы можем утверждать, что частное право представляет собой механизм переложения рисков недостижения цели правоотношения на ее участников с помощью возможности заключения сделок³. Я. М. Магазинер в целом определял право как систему распределения рисков⁴.

Но зачем возлагать на людей бремя недостижения цели правоотношения, если все риски может взять на себя государство, императивно закрепляя модель поведения ее граждан? Ведь если государство имело бы возможность обеспечить каждого благами в необходимом количестве, то частного права бы не существовало.

Аналогичные идеи существовали в ядре марксистских взглядов на экономику, согласно которым ученые и экономисты совместными усилиями могли бы предсказать развитие экономики и заранее распределить экономические силы и получить предсказанный результат, что предполагало ликвидацию свободных, сумбурных рыночных отношений как пережитка прошлого. Как пишет К. И. Скловский, объясняя идею абсолютной причинности в экономике, «переход к замкнутой системе влечет отмену права (и случайности) и позволяет приступить к единому жесткому централизованному регулированию»⁵.

Время показало, что вектор развития экономики и последствия каких-либо действий не могут быть спрогнозированы. В теории возрастало значение случайности и непредсказуемости развития общества как препятствия к достижению экономических благ, что все больше отдаляло идеи о государстве с единой и централизованной экономикой. В таком случае возлагать на страну непосильное бремя рисков означало бы ее истощение и развал, в связи с чем проблема поиска баланса между частным и публичным правом снова стала актуальной.

Но не нужно полагать, что тотальная свобода, т. е. «безграничная» частная инициатива, может быть безболезненно воспринята обществом и сотворить экономическое чудо. Философ Э. З. Фромм, изучая отношения человека к свободе, пришел к выводу, что ее безмерный характер может ощущаться человеком как бремя, от которого он стремится избавиться, так как она возлагает на него непомерную ответственность за свои действия⁶.

Так, в начале XX в. всепоглощающая ответственность за свое экономическое будущее стала одной из причин набирающего ритм общественного резонанса в желании отказаться от бремени экономической свободы в пользу административного принудительного распределения благ. В. И. Ленин в письме к Д. И. Курскому писал: «...мы ничего „частного“ не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное», тем самым желая сократить риск предпринимательской деятельности и гарантировать экономические блага⁷.

Таким образом, чувствительным критерием для определения баланса между публичным и частным правом служит экономический риск субъектов права в отношении возможности достижения цели правоотношения.

¹ Одним из нескольких исключений является присущая предпринимательской деятельности безвиновная ответственность, которая неоднократно становилась предметом самостоятельного научного исследования. См., например: *Кораблев О. Г.* Риск в предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 28 с.; *Вячеславов Ф. А.* Распределение рисков в договорных обязательствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 30 с.; *Власова А. С.* Риск как признак предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 29 с.

² *Илларионова Т. И.* Система гражданско-правовых охранительных мер. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. С. 125.

³ *Скловский К. И.* Собственность в гражданском праве: учеб. пособие. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. С. 27.

⁴ *Магазинер Я. М.* Избранные труды по общей теории права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. С. 165.

⁵ *Скловский К. И.* Указ. соч. С. 31.

⁶ *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: АСТ, 2009. С. 79.

⁷ *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 55. М.: Изд-во полит. лит., 1975. С. 210.

Удачным примером определения баланса исключения риска неблагоприятных последствий является законодательство о защите прав потребителей, которое императивно регулирует вопросы ответственности лица, ведущего предпринимательскую деятельность (продавца).

Сокращение диспозитивности значительно снизило риск причинения ущерба потребителям и возникновения имущественного дисбаланса вследствие недобросовестного поведения предпринимателей. Закон ограничивает их свободу в части навязывания невыгодных условий договора, предоставления недостоверной информации, реализации некачественной продукции и т. д. Регулирование направлено на выравнивание изначально различного положения потребителя и продавца, так как последний обладает большей осведомленностью, ресурсами и возможностями.

Также в качестве примера можно привести сферу деятельности микрофинансовых организаций, где не первый год идет активная борьба с неограниченными возможностями заключения договоров займа физическими лицами¹ и деятельностью коллкторских организаций.

Ужесточение регулирования микрофинансового рынка, введение ограничений на предельную стоимость займов, запрет на применение коллекторами физического и психологического давления на должников и другие меры позволили значительно снизить риски для граждан. Хотя эти ограничения несколько сузили свободу договора между микрофинансовыми организациями и гражданами, они были необходимы для защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг. Критерий объема экономического риска может применяться без непосредственной ссылки на рисковый анализ правоотношения.

С 1 марта 2025 г. вступил в силу Федеральный закон от 26 февраля 2024 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О кредитных историях“ и Федеральный закон „О потребительском кредите (займе)“», который ввел в правовое поле механизм «самозапрета» на получение кредита для граждан. Закон позволил гражданам искусственно «ограничить» свою сделкоспособность в отношениях с банками.

Причина такого изменения понятна: увеличение количества случаев «мобильного мошенничества», направленного на граждан Российской Федерации – клиентов кредитных организаций. Это не что иное, как сокращение рисков в сфере частноправовых отношений, когда государство создает (предоставляет возможность создать) дополнительные «императивные» препятствия для реализации права на заключение договоров.

Согласно тексту пояснительной записки «целью Законопроекта является предупреждение практик мошеннического получения потребительских займов (кредитов) третьими лицами путем незаконного использования персональных данных граждан, а также с использованием методов социальной инженерии, когда граждан подталкивают к получению потребительских займов (кредитов) с последующей передачей денежных средств третьим лицам, осуществляющим мошеннические действия»². То есть вмешательство в частноправовые отношения аргументируется не с позиции анализа существующих рисков, а с позиции роста числа мошеннических действий в отношении граждан, непосредственно не связано с гражданско-правовыми отношениями между банком и заемщиками.

Изложенное не является недостатком пояснительной записки или самого федерального закона, но постоянное использование предлагаемого критерия позволило бы унифицировать порядок рассмотрения вопросов об изменении баланса между частноправовым и публично-правовым регулированием гражданских правоотношений, упростить процесс принятия законодательного решения, избегать в процессе аргументации не относящихся к разграничению публичного и частного критериев.

¹ Моджина Н. В., Семенова Е. Г. Правовые аспекты регулирования деятельности микрофинансовых организаций // Молодой ученый. 2016. № 1. С. 820–822.

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон „О кредитных историях“ и Федеральный закон „О потребительском кредите (займе)“» № 341256-8 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/341256-8/> (дата обращения: 25.03.2025).

Заключение

Подводя итог, стоит отметить, что вмешательство государства в частноправовые отношения должно быть не только обоснованным, но и тщательно взвешенным. Применение критерия экономического риска в оценке таких вмешательств позволяет избежать крайностей: как чрезмерной регламентации, подавляющей свободу частной инициативы, так и полного отказа от регулирования, который может привести к злоупотреблениям и дисбалансу интересов. Сам процесс оценки рисков не может быть статичным. Он должен учитывать изменяющиеся условия социальной, экономической и технологической среды.

При проектировании регламентации общественных отношений или вмешательстве в существующие правоотношения законодатель должен постоянно соотносить риск недостижения субъектом права цели гражданского правоотношения и то, сколько и каких ресурсов затратит государство, если постарается этот риск исключить путем внедрения императивного регулирования. Только в таком случае может быть достигнут оптимальный баланс между защитой граждан в сложных, запутанных экономических отношениях и максимизацией созидательного потенциала частной инициативы.

Список литературы

Архипова Е. Ю. Баланс частных и публичных интересов при правовом регулировании // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 2. С. 132–139.

Власова А. С. Риск как признак предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 29 с.

Вячеславов Ф. А. Распределение рисков в договорных обязательствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 30 с.

Гримм Д. Д. Курс римского права. Учения об основных правовых понятиях. СПб.: Типогр. М. М. Стасюлевича, 1904. 168 с.

Загайнов М. Р., Слепко Г. Е., Слепцова М. В. Обеспечительные меры в налоговом праве: вопросы баланса частных и публичных интересов в условиях неопределенности // Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право. 2023. № 12. С. 116–122.

Илларионова Т. И. Система гражданско-правовых охранительных мер. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982. 167 с.

Кокурин В. А. Проблема обеспечения баланса частных и публичных интересов при определении срока публичного сервитута // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2023. № 4. С. 71–76.

Кораблев О. Г. Риск в предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 28 с.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 55. М.: Изд-во полит. лит., 1975. 434 с.

Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. 509 с.

Магазинер Я. М. Избранные труды по общей теории права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006. 350 с.

Марковичева Е. В. Гражданский иск в уголовном процессе: баланс частных и публичных интересов // Российский юридический журнал. 2024. № 5. С. 56–64.

Моджина Н. В., Семенова Е. Г. Правовые аспекты регулирования деятельности микрофинансовых организаций // Молодой ученый. 2016. № 1. С. 820–822.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 26-е изд. М.: Оникс, 2009. 1359 с.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. СПб.: Право, 1917. 274 с.

Пономарева Д. В. Lex Genomica в цифровую эпоху: к вопросу об обеспечении баланса частных и публичных интересов и конвергенции права и этики // Право и цифровая экономика. 2024. № 2. С. 26–35.

Полякова Н. Г. Справедливость как критерий соблюдения баланса публичных и частных интересов в правоотношениях по охране жилища осужденных // Правовые вопросы недвижимости. 2023. № 2. С. 33–37.

Скловский К. И. Собственность в гражданском праве: учеб. пособие. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2021. 1016 с.

Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2009. 223 с.

Черепяхин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве // X сборник трудов профессоров и преподавателей Иркутского государственного университета. Иркутск: ИрГУ, 1926. С. 258–281.

Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М.: Статут, 2022. 252 с.

References

- Arkhipova E. Yu. (2022) Balans chastnykh i publichnykh interesov pri pravovom regulirovanii [Balance of private and public interests in legal regulation]. In *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava*, vol. 6, no. 2, pp. 132–139.
- Cherepakhin B. B. (1926) K voprosu o chastnom i publichnom prave [To the question of private and public law]. In *X sbornik trudov professorov i prepodavatelei Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. Irkutsk, IrGU, 26 p.
- Fromm E. (2009) *Begstvo ot svobody* [Escape from Freedom]. Moscow, AST, 223 p.
- Grimm D. D. (1904) *Kurs rimskogo prava. Ucheniya ob osnovnykh pravovykh ponyatiyakh* [Course of Roman Law. Doctrines on basic legal concepts]. Saint-Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 168 p.
- Illarionova T. I. (1982) *Sistema grazhdansko-pravovykh okhranitel'nykh mer* [The system of civil law protective measures]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 167 p.
- Kokurin V. A. (2023) Problema obespecheniya balansa chastnykh i publichnykh interesov pri opredelenii sroka publichnogo servituta [The problem of balancing private and public interests in determining the term of a public easement]. In *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii*, no. 4, pp. 71–76.
- Korablev O. G. (2010) *Risk v predprinimatel'skoi deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Risk in entrepreneurial activity: an abstract of a candidate of juridical sciences thesis]. Moscow, 28 p.
- Lenin V. I. (1975) *Polnoe sobranie sochinenii. T. 55* [Complete set of works. Vol. 55], 5th ed. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 434 p.
- Leont'ev A. N. (2000) *Lektsii po obshchei psikhologii* [Lectures on general psychology]. Moscow, Smysl, 509 p.
- Magaziner Ya. M. (2006) *Izbrannye trudy po obshchei teorii prava* [Selected works on the general theory of law]. Saint-Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 350 p.
- Markovicheva E. V. (2024) Grazhdanskii isk v ugovnom protsesse: balans chastnykh i publichnykh interesov [A civil claim in criminal proceedings: a balance of private and public interests]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 5, pp. 56–64.
- Modzhina N. V., Semenova E. G. (2016) Pravovye aspekty regulirovaniya deyatel'nosti mikrofinansovykh organizatsii [Legal aspects of regulation of microfinancial organizations]. In *Molodoi uchenyi*, no. 1, pp. 820–822.
- Ozhegov S. I. (2009) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language], 26th ed. Moscow, Oniks, 1359 p.
- Pokrovskii I. A. (1917) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Basic problems of civil law]. Saint-Petersburg, Pravo, 274 p.
- Polyakova N. G. (2023) Spravedlivost' kak kriterii soblyudeniya balansa publichnykh i chastnykh interesov v pravootnosheniyakh po okhrane zhilishcha osuzhdennykh [Fairness as a criterion of compliance with the balance of public and private interests in legal relations for the protection of convicts' home]. In *Pravovye voprosy nedvizhimosti*, no. 2, pp. 33–37.
- Ponomareva D. V. (2024) Lex Genomica v tsifrovuyu epokhu: k voprosu ob obespechenii balansa chastnykh i publichnykh interesov i konvergentsii prava i etiki [Lex Genomica in the digital age: to the question of balancing private and public interests and the convergence of law and ethics]. In *Pravo i tsifrovaya ekonomika*, no. 2, pp. 26–35.
- Sklovskii K. I. (2021) *Sobstvennost' v grazhdanskom prave: uchebnoe posobie* [Property in civil law: textbook], 5th ed., revised and add. Moscow, Yurait, 1016 p.
- Vlasova A. S. (2009) *Risk kak priznak predprinimatel'skoi deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Distribution of risks in contractual obligations: an abstract of a candidate of juridical sciences thesis]. Moscow, 29 p.
- Vyacheslavov F. A. (2008) *Raspredelenie riskov v dogovornykh obyazatel'stvakh: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Distribution of risks in contractual obligations: an abstract of a candidate of juridical sciences thesis]. Moscow, 30 p.
- Yakovlev V. F. (2022) *Grazhdansko-pravovoi metod regulirovaniya obshchestvennykh otnoshenii* [Civil-law method of regulation of public relations]. Moscow, Statut, 252 p.
- Zagainov M. R., Slepko G. E., Sleptsova M. V. (2023) Obespechitel'nye mery v nalogovom prave: voprosy balansa chastnykh i publichnykh interesov v usloviyakh neopredelennosti [Interim measures in tax law: issues of balancing private and public interests in conditions of uncertainty]. In *Oboronno-promyshlennyy kompleks: upravlenie, ekonomika i finansy, pravo*, no. 12, pp. 116–122.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.03.2025

Дата принятия рукописи в печать: 21.04.2025

ПОНЯТИЕ БЕЗУСЛОВНЫХ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ОТМЕНЫ СУДЕБНЫХ АКТОВ В АПЕЛЛЯЦИОННОМ И КАССАЦИОННОМ ПОРЯДКЕ

Серостанов Виктор Евгеньевич

Аспирант кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0009-0001-7024-8576, e-mail: viktor.serostanov@yandex.ru.

Статья посвящена исследованию признаков безусловных оснований для отмены судебных актов арбитражными судами апелляционной и кассационной инстанций. Актуальность темы обусловлена тем, что в доктрине арбитражного процесса отсутствует комплексное представление о признаках безусловных оснований, отличающих их от других нарушений, влекущих отмену судебных актов. В исследовании были использованы общие и частные научные методы: функциональный, системный, сравнительно-правовой, формально-логический и др. Проведен анализ определений безусловных оснований отмены судебных актов и положений процессуального законодательства о пересмотре судебных актов, выделены признаки рассматриваемого понятия. Автор приходит к выводу о том, что безусловные основания для отмены судебных актов являются «отражением» самых значимых принципов арбитражного судопроизводства, дифференцируемых в зависимости от обеспеченности последствиями в виде безусловной отмены судебного акта за их нарушения. Показано несоответствие предлагаемого в науке признака «ничтожности» судебного решения, принятого при наличии безусловных оснований к его отмене, процессуально-правовой терминологии. По результатам проведенного анализа сформулировано определение рассматриваемого понятия.

Ключевые слова: безусловные основания для отмены судебных актов, арбитражный процесс, гражданский процесс, апелляционная инстанция, кассационная инстанция

Для цитирования: Серостанов В. Е. Понятие безусловных оснований для отмены судебных актов в апелляционном и кассационном порядке // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 4. С. 50–57. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_4_50.

THE DEFINITION OF UNCONDITIONAL GROUNDS FOR REVERSAL OF JUDICIAL ACTS ON APPEALS AND CASSATION IN COMMERCIAL PROCEDURE

Serostanov Viktor

Post-graduate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0001-7024-8576, e-mail: viktor.serostanov@yandex.ru.

The article is devoted to the study of the signs of unconditional grounds for the annulment of judicial acts by arbitration courts of appeal and cassation instances. The relevance of the topic is due to the fact that the doctrine of the arbitration process lacks a comprehensive understanding of the signs of unconditional grounds that distinguish them from other violations leading to the annulment of judicial acts. The study used general and specific scientific methods: functional, systemic, comparative legal, formal logical, etc. The analysis of the definitions of the unconditional grounds for the cancellation of judicial acts and the provisions of the procedural legislation on the revision of judicial acts is carried out, the signs of the concept under consideration

are highlighted. The author comes to the conclusion that the unconditional grounds for the cancellation of judicial acts are a «reflection» of the most significant principles of arbitration proceedings, differentiated depending on the provision of consequences in the form of unconditional cancellation of judicial acts for their violations. The discrepancy between the proposed scientific sign of the «nullity» of a court decision, adopted in the presence of unconditional grounds for its cancellation, and procedural and legal terminology is shown. Based on the results of the analysis, the definition of the concept under consideration is formulated.

Key words: unconditional grounds for reversal the judicial acts, commercial procedure, civil procedure, appellate instance, cassation instance

*For citation: Serostanov V. (2025) The definition of unconditional grounds for reversal of judicial acts on appeals and cassation in commercial procedure. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 50–57, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_4_50.*

Вопрос отмены судебных актов, как вступивших, так и не вступивших в законную силу, не теряет актуальности на протяжении всей истории развития процессуального законодательства.

Для защиты от возможных судебных ошибок участники арбитражного судопроизводства наделены правом на пересмотр судебных актов, которое может быть реализовано в апелляционном и кассационном порядке.

Соблюдение гарантированных как общепризнанными принципами и нормами международного права, так и национальным законодательством прав граждан на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство достигается путем исправления выявленных в результате пересмотра судебных актов нарушений, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможно восстановить нарушенные права участников судопроизводства и публичный интерес.

По справедливому замечанию Л. А. Тереховой, устранение судебной ошибки – неотъемлемая составляющая механизма судебной защиты¹.

В доктрине арбитражного процесса нарушения норм процессуального права по степени значимости подразделяются на следующие: 1) формальные процессуальные нарушения, не ведущие к принятию неправильного решения и не являющиеся основаниями для отмены судебного акта; 2) существенные процессуальные нарушения, которые привели или могли привести к неправильному разрешению дела; 3) нарушения, выступающие основаниями для отмены судебного акта в любом случае². Данной классификации придерживаются С. К. Загайнова, М. Л. Скуратовский, Ю. А. Тимофеев³.

В ч. 4 ст. 270 и ч. 4 ст. 288 АПК РФ содержатся закрытые перечни оснований для отмены судебных актов судами апелляционной и кассационной инстанций, которые относятся к третьей группе процессуальных нарушений, именуемых в доктрине арбитражного процесса «безусловными»: 1) рассмотрение дела арбитражным судом в незаконном составе; 2) рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из участвующих в деле лиц, не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания; 3) нарушение правил о языке при рассмотрении дела; 4) принятие судом решения о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле; 5) неподписание решения судьей или одним из судей, если дело рассмотрено в коллегиальном составе судей, либо подписание решения не теми судьями, которые указаны в решении; 6) отсутствие в деле протокола судебного заседания или подписание его лицами, не указанными в ст. 155 АПК РФ (председательствующим в судебном заседании, секретарем судебного заседания или помощником судьи), в случае отсутствия аудиозаписи судебного заседания; 7) нарушение правила о тайне совещания судей при принятии решения.

¹ Терехова Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 50–67.

² Гражданский процесс: учеб. / под ред. В. В. Яркова. 3-е изд. М.: БЕК, 1999. С. 416–417.

³ Пересмотр судебных актов в цивилистическом процессе: учеб. пособие / под ред. Ю. А. Тимофеева. М.: Статут, 2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Сравнивая содержание чч. 1–2 и ч. 4 ст. 270 и чч. 1–2 и ч. 4 ст. 288 АПК РФ, можно выявить законодательно установленные признаки, отличающие безусловные основания от иных оснований для отмены судебного акта.

Во-первых, безусловные основания для отмены судебных актов являются нарушениями норм только процессуального права, в то время как в перечне других оснований имеется указание на нарушение норм материального права, недоказанность имеющих значение для дела обстоятельств, которые суд считал установленными, несоответствие выводов судов обстоятельствам дела при пересмотре судебных актов в апелляционном порядке, несоответствие выводов судов установленным обстоятельствам дела и имеющимся в деле доказательствам при пересмотре судебных актов в кассационном порядке.

Во-вторых, выявление безусловных оснований влечет за собой исключительно отмену судебного акта, в то время как нарушения норм материального права и иные процессуальные нарушения выступают основаниями как для отмены, так и для изменения судебного акта.

В-третьих, в отличие от иных процессуальных нарушений, безусловные основания в любом случае и всегда влекут отмену судебных актов.

Анализ дефиниций безусловных оснований для отмены судебных актов в доктрине гражданского и арбитражного процессов позволяет выделить следующие их признаки:

«это наиболее грубые нарушения процессуального закона, нарушающие сами принципы правосудия» (С. Ф. Афанасьев)¹;

«являются нарушениями основных начал судопроизводства, лишаящими его характера судебного» (И. Е. Энгельман)²;

«при их наличии дело не может быть признано рассмотренным и разрешенным в судебном порядке, а итоговый акт не может быть признан судебным решением» (Ю. А. Тимофеев)³;

«свидетельствуют об отсутствии гарантий судебной защиты, что не позволяет рассматривать судебное решение как акт правосудия» (М. К. Треушников)⁴;

«выявляются в любом случае, независимо от доводов жалобы» (С. Ф. Афанасьев)⁵;

«наличие безусловных оснований для отмены судебных актов не ставит в зависимость правильность разрешения дела по существу» (Л. Ф. Лесницкая)⁶;

«решение, вынесенное с процессуальными ошибками, влекущими отмену судебного решения в любом случае, не может иметь силы и значения акта правосудия» (Л. Ф. Лесницкая)⁷;

«постановленное при наличии безусловных оснований к отмене решение ничтожное» (И. Е. Энгельман)⁸.

Для проведения исследования указанные признаки безусловных оснований предлагаем объединить в три группы: 1) признаки, относящиеся к нарушениям принципов арбитражного судопроизводства; 2) признаки, характеризующие порядок отмены судебного акта по безусловным основаниям; 3) признаки, характеризующие последствия отмены судебного акта по безусловным основаниям.

По ранее приведенной классификации процессуальных нарушений безусловные основания для отмены судебного акта отнесены к самым значимым в сравнении с остальными. Соответственно, безусловные основания представляют собой нарушения самых значимых положений арбитражного процесса, определяющих содержание

¹ Гражданское процессуальное право России: учеб. для вузов / под ред. С. Ф. Афанасьева. М.: Юрайт, 2013. С. 716.

² Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства. 3-е изд., испр. и доп. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1912. С. 392.

³ Тимофеев Ю. А. Полномочия суда второй инстанции в гражданском процессе: современные проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 130–131.

⁴ Гражданский процесс: учеб. для вузов / под ред. М. К. Треушников. М.: Городец, 2003. С. 635.

⁵ Гражданское процессуальное право России: учеб. для вузов / под ред. С. Ф. Афанасьева. М.: Юрайт, 2013. С. 716.

⁶ Лесницкая Л. Ф. Основания к отмене обжалованных судебных решений. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1962. С. 134.

⁷ Там же. С. 134.

⁸ Энгельман И. Е. Указ. соч. С. 254.

и направление правового регулирования арбитражного судопроизводства, т. е. его принципов.

Арбитражное судопроизводство осуществляется на основании принципов законности, независимости судей и подчинения их только Конституции РФ и федеральному закону, равенства организаций и граждан перед законом и судом, состязательности и равноправия сторон, гласности судебного разбирательства, осуществления правосудия только судом, доступности правосудия, сочетания единоличного и коллегиального рассмотрения дел, национального языка судопроизводства, диспозитивности, непосредственности судебного разбирательства, сочетания устности и письменности, процессуальной экономии, транспарентности.

Установленные законодательством процессуальные гарантии лиц, участвующих в деле, обусловлены принципами арбитражного судопроизводства.

Анализ приведенных в ч. 4 ст. 270 и ч. 4 ст. 288 АПК РФ безусловных оснований для отмены судебного акта позволяет сделать вывод о том, что к их возникновению приводят нарушения лишь части из вышеперечисленных принципов. В частности, процессуальные нарушения, приведшие к несоблюдению принципов гласности, диспозитивности, транспарентности, процессуальной экономии, не относятся к числу безусловных оснований для отмены судебного акта.

Указанное свидетельствует о том, что принципы арбитражного судопроизводства можно разделить в зависимости от последствий, к которым приводит их нарушение. Нарушение одних принципов может относиться к безусловным основаниям, влекущим наступление последствий в виде отмены судебного акта, а нарушение других принципов может быть основанием для отмены судебного акта только в случае, если это привело к неправильному разрешению дела.

Следовательно, среди принципов арбитражного судопроизводства имеет место дифференциация в зависимости от неизбежности последствий в виде безусловной отмены судебного акта за их нарушения.

Напрашивается следующий вывод: наделение принципа арбитражного процесса последствием безусловной отмены за его нарушение определяет его значимость и фундаментальность, и сами безусловные основания являются «отражением» главных принципов арбитражного судопроизводства.

Таким образом, допущение судами процессуальных нарушений в виде безусловных оснований для отмены судебных актов посягает на наиболее значимые принципы арбитражного судопроизводства, а безусловность данных оснований predetermined значимостью нарушения его основных начал.

В толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля термин «безусловный» определен как «не допускающий никакого условия, оговорки, возражения, оправдания; непременный, безоговорочный, безокольный, прямой, безуклонный»¹.

По общему правилу, суды апелляционной и кассационной инстанций осуществляют проверку судебных актов в пределах доводов, изложенных в апелляционных и кассационных жалобах, и возражений относительно них.

Одновременно с этим на суды проверочных инстанций возложена обязанность проверять наличие безусловных оснований вне зависимости от доводов, содержащихся в апелляционных и кассационных жалобах.

В случае возбуждения апелляционного или кассационного производства полномочие суда по проверке судебного акта на предмет рассматриваемых процессуальных нарушений не обусловлено волеизъявлением подателя жалобы, а предполагает ее проведение по инициативе суда.

Таким образом, «безоговорочность» рассматриваемых оснований определяется и обязанностью суда осуществить проверку их наличия вне зависимости от каких-либо условий, будь то доводы сторон или признание участниками дела обстоятельств. Пересмотр судебного акта предполагает его проверку на наличие безусловных оснований в любом случае.

Название рассматриваемых оснований «безусловными» также означает, что сам факт их наличия вне зависимости от иных обстоятельств предполагает отмену судебного акта, тогда как допущение судами нижестоящих инстанций нарушения норм

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. С. 573.

материального права и иные процессуальные нарушения, не относящиеся к безусловным, могут повлечь отмену судебного акта вышестоящей судебной инстанцией только при наличии определенных «условий». Законодателем установлено, что нарушение и неправильное применение иных норм процессуального права является основанием для изменения или отмены судебного акта только в том случае, если оно привело или могло привести к принятию неправильного решения по делу.

В случае установления судами апелляционной и кассационной инстанций безусловных нарушений при вынесении судебного приказа, принятии решения и постановления арбитражного суда данные судебные акты подлежат обязательной отмене.

Ранее в ст. 387 ГПК РФ, утратившей силу с 1 октября 2019 г., содержалась формулировка о том, что основаниями для отмены, изменения судебных актов судом кассационной инстанции являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав и охраняемых законом публичных интересов. Несмотря на это, само понятие «существенности» нарушений норм материального и процессуального права и признаки «существенности» в гражданском процессуальном законодательстве не раскрывались.

В настоящее время как в гражданском процессуальном, так и в арбитражном процессуальном законодательствах содержится перечень «условных» оснований, влекущих отмену судебных актов в апелляционном и кассационном порядке, при этом отсутствуют указания на их «существенность» и критерии существенности допущенных судом нарушений, влекущих отмену судебного решения.

Рассматривая жалобу гражданина Р. В. Зямилова на нарушение его конституционных прав ст. 387 ГПК РФ, Конституционный Суд РФ в Определении от 24 февраля 2005 г. по делу № 54-О указал, что «отсутствие конкретного перечня материальных и процессуальных нарушений, относящихся к числу существенных, не свидетельствует о неконституционности ст. 387 ГПК РФ».

Применительно к процессуальным нарушениям, Конституционным Судом РФ отмечено, что судом вышестоящей инстанции в каждом конкретном случае в зависимости от характера процессуального нарушения подлежит разрешению вопрос, как отразилось допущенное судом нарушение норм процессуального права на правильности вынесенного им судебного постановления. Таким образом, существенность нарушения иных норм процессуального права определяется степенью их влияния на результат рассмотрения дела.

Безусловность рассматриваемых процессуальных нарушений означает не существенность их последствий, а значимость нарушения процессуальных гарантий, предоставляемых участникам процесса. Безусловные основания сами по себе выступают существенными процессуальными ошибками, их «весомость» предопределена законодателем, а их обнаружение однозначно указывает на процессуальную незаконность принятого решения и обязанность вышестоящего суда его отменить. Для отмены судебного решения по данным основаниям не требуется оценка их влияния на правильность разрешения дела по существу. Это свидетельствует о законодательно установленной существенности процессуальных девиаций, являющихся безусловными основаниями. Процессуальным законодательством констатируется, что процессуальные нарушения, признаваемые безусловными основаниями для отмены, всегда приводят к принятию неправильного решения и оставляют материальное право сторон незащищенным.

Отмена судебного акта по безусловному основанию подразумевает, что при обнаружении рассматриваемых процессуальных нарушений судом вышестоящей инстанции не исследуется причинно-следственная связь между рассматриваемыми нарушениями и результатом разрешения дела по существу. Суть правосудия заключается в обеспечении законного и справедливого судебного разбирательства. Отмена судебного акта по безусловному основанию не связана незаконностью рассмотрения дела по существу спора, а подразумевает его процессуальную незаконность. Отсутствие при принятии судебного акта установленных процессуальным законодательством безусловных оснований является необходимым критерием его законности в аспекте соблюдения процессуальной формы.

С. К. Загайнова указывает, что одним из требований, предъявляемых к судебным актам, является соблюдение их процессуальной формы¹, и безусловные основания отмены судебного акта отражают основные требования, предъявляемые к справедливому судебному разбирательству².

Таким образом, именно отсутствие безусловных оснований для отмены судебного акта являются одной из составляющих законности судебного решения, которая определяется не только правильностью разрешения дела по существу, но и соответствием фундаментальным процессуальным нормам.

Процессуальные нарушения, выступающие безусловными основаниями, вызывают «автоматическое» аннулирование решения суда и повторное рассмотрение дела.

Г. А. Жилин, выразивший в своем особом мнении несогласие с определением Конституционного Суда РФ от 17 января 2013 г. № 1-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Д. И. Канарского на нарушение его конституционных прав статьей 328 и частью пятой статьи 330 ГПК РФ», указал, что нарушение установленного порядка судебного извещения, являющееся безусловным основанием отмены судебного акта, несовместимо с самой сутью правосудия и влечет юридическую ничтожность состоявшегося судебного разбирательства.

Аналогичную точку зрения высказывали И. Е. Энгельман и С. Ф. Афанасьев. Предлагаемая характеристика «ничтожности» судебного решения, принятого при наличии безусловных оснований к его отмене, вызывает дискуссию.

В первую очередь, указанное понятие не содержится в гражданском процессуальном и арбитражном процессуальном законодательстве. «Ничтожность» – термин гражданского права, означающий один из видов недействительных сделок. Ничтожность сделки в материальном праве означает ее недействительность с момента заключения в силу самого факта совершения и отсутствие для ее участников правовых последствий, за исключением связанных с ее недействительностью. Таким образом, ничтожность сделки определяет как основание ее недействительности, так и последствия ее совершения.

Судебный акт не является сделкой, и рассматриваемый признак «ничтожности» судебного акта, отмененного по безусловному основанию, не идентичен определению ничтожной сделки.

Вместе с тем предлагаемую учеными характеристику «ничтожности» судебного решения, принятого с обозначенными процессуальными нарушениями, возможно рассмотреть с двух сторон: с точки зрения процедуры отмены такого судебного решения и в аспекте последствий его отмены.

Как указывалось ранее, обнаружение вышестоящим судом нарушения, относящегося к безусловным основаниям, предопределяет процессуальную незаконность судебного акта и влечет его безоговорочную отмену без исследования влияния выявленного нарушения на правильность разрешения дела по существу.

В указанном случае косвенно имеется схожесть с признаками ничтожности сделки в гражданском праве, поскольку ее недействительность также предопределена законом и для признания ее таковой не требуется установление обстоятельств нарушения ею прав и законных интересов лиц и наступления неблагоприятных последствий.

Обнаружение судом апелляционной инстанции безусловных оснований влечет отмену судебного решения и переход к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции. В случае отмены судебного акта по безусловному основанию судом кассационной инстанции дело направляется на новое рассмотрение в соответствующий арбитражный суд.

Отмена судебного акта по безусловным основаниям предоставляет участникам спора установленные законодательством фундаментальные процессуальные гарантии, которых они лишены в результате допущения рассматриваемых процессуальных нарушений судами нижестоящих инстанций. Конечным результатом отмены судебного решения по безусловному основанию и повторного рассмотрения дела является

¹ Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 50

² Загайнова С. К. Содержание требования законности судебного решения в гражданском и арбитражном процессе // Актуальные проблемы российского права: материалы общерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Институт экономики, права и гуманитарных специальностей, 2007. С. 208.

вынесение нового судебного акта, устанавливающего права и обязанности участников дела. Следовательно, в таком случае отмена судебного акта подразумевает, что в результате его пересмотра для участников спора применительно к спорным правоотношениям наступают юридические последствия, установленные принятым в результате пересмотра дела судебным актом. «Ничтожность» же предполагает полное отсутствие юридических последствий спорных правоотношений, за исключением тех, которые связаны с их недействительностью.

Стоит резюмировать, что термины «ничтожность», «недействительность» не соответствуют процессуально-правовой терминологии и неприменимы в отношении института пересмотра судебных актов в том значении, в котором они понимаются в материальном праве.

Рассматриваемый признак «ничтожности» применительно к безусловным основаниям означает констатацию процессуальной незаконности судебного решения, принятого с безусловными процессуальными нарушениями, и обязанность суда вышестоящей инстанции его отменить и рассмотреть дело повторно (направить дело на новое рассмотрение), т. е. предопределяет процедуру отмены судебного решения, но не характеризует предусмотренные законом последствия его отмены.

По результатам проведенного исследования предлагается определять безусловные основания для отмены судебных актов как существенные процессуальные нарушения, посягающие на основные принципы арбитражного судопроизводства, обязательные к проверке при пересмотре судебного акта вне зависимости от доводов сторон, влекущие безоговорочную отмену судебного решения, отсутствие которых является критерием процессуальной законности судебного акта и одной из составляющих справедливости судебного разбирательства, а механизм их устранения предоставляет участникам судопроизводства фундаментальные процессуальные гарантии, которых они лишились в результате несоблюдения судами нижестоящих инстанций фундаментальных принципов судопроизводства.

Список литературы

Гражданский процесс: учеб. / под ред. В. В. Яркова. 3-е изд. М.: БЕК, 1999. 592 с.

Гражданский процесс: учеб. / под ред. М. К. Треушниковой. М.: Городец, 2003. 711 с.

Гражданское процессуальное право России: учеб. для вузов / под ред. С. Ф. Афанасьева. М.: Юрайт, 2013. 879 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 573 с.

Загайнова С. К. Содержание требования законности судебного решения в гражданском и арбитражном процессе // Актуальные проблемы российского права: материалы общероссийской научно-практической конференции. Краснодар: Институт экономики, права и гуманитарных специальностей, 2007. С. 208.

Загайнова С. К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 50 с.

Лесницкая Л. Ф. Основания к отмене обжалованных судебных решений. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1962. 134 с.

Пересмотр судебных актов в гражданском процессе: учеб. пособие / под ред. Ю. А. Тимофеева. М.: Статут, 2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Терехова Л. А. Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М.: Волтерс Клувер, 2007. 320 с.

Тимофеев Ю. А. Полномочия суда второй инстанции в гражданском процессе: современные проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 241 с.

Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства. 3-е изд., испр. и доп. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1912. 632 с.

References

Afanas'ev S. F. (Ed.) (2013) *Grazhdanskoe protsessual'noe pravo Rossii: uchebnik dlya vuzov* [Russian Civil Procedural Law: textbook for higher education institutions]. Moscow, Yurait, 879 p.

Dal' V. I. (2009) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: izbrannye stat'i* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language: selection of articles]. Moscow, OLMA Media Grupp, 573 p.

Engel'man I. E. (1912) *Kurs russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva* [The course of Russian civil procedure], 3rd ed. Yur'ev, tipografiya K. Mattisena, 632 p.

Lesnitskaya L. F. (1962) *Osnovaniya k otmene obzhalovannykh sudebnykh reshenii* [Grounds for reversal of appealed court decisions]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 134 p.

Terekhova L. A. (2007) *Sistema peresmotra sudebnykh aktov v mekhanizme sudebnoi zashchity* [Judicial review system in the judicial protection mechanism]. Moscow, Volters Kluver, 320 p.

Timofeev Yu. A. (2008) *Polnomochiya suda vtoroi instantsii v grazhdanskom protsesse: sovremennye problemy: dis. ... kand. yurid. nauk* [Powers of the court of second instance in civil proceedings: modern problems: a candidate of legal sciences thesis]. Yekaterinburg, 241 p.

Timofeev Yu. A. (Ed.) (2018) *Peresmotr sudebnykh aktov v tsivilisticheskom protsesse: uchebnoe posobie* [Revision of judicial acts in the civil procedure: textbook]. In *SPS «Konsul'tantPlyus»*.

Treushnikov M. K. (Ed.) (2003) *Civil procedure: uchebnik dlya vuzov* [Civil procedure: textbook for higher education institutions]. Moscow, Gorodets, 635 p.

Yarkov V. V. (Ed.) (1999) *Grazhdanskii protsess: uchebnik* [Civil procedure: textbook], 3rd ed. Moscow, BEK, 592 p.

Zagainova S. K. (2007) *Soderzhanie trebovaniya zakonnosti sudebnogo resheniya v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse* [The content of the requirement for the legality of a court decision in civil and commercial procedure]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava: materialy obshcherossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Krasnodar, Institut ekonomiki, prava i gumanitarnykh spetsial'nostei, p. 208.

Zagainova S. K. (2008) *Sudebnye akty v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: teoreticheskie i prikladnye problemy: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Judicial acts in civil and arbitration procedures: theoretical and applied problems: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Yekaterinburg, 50 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.03.2025

Дата принятия рукописи в печать: 06.05.2025

УДК / UDC 349

DOI: 10.34076/22196838_2025_4_58

К ВОПРОСУ О ВОССТАНОВЛЕНИИ ПРОПУЩЕННОГО СРОКА НА ОБРАЩЕНИЕ В СУД ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

Демиденко Татьяна Павловна

Старший преподаватель кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0003-3280-1139, e-mail: tp.demidenko95@gmail.com.

Статья посвящена правовому анализу спорных теоретических положений, а также актуальной судебной практики по вопросу восстановления пропущенного срока на обращение в суд при разрешении индивидуальных трудовых споров. Автор анализирует разъяснения Верховного Суда РФ относительно признания причин пропуска срока на обращение в суд уважительными. В силу оценочного характера данного понятия исчерпывающий перечень уважительных причин не может быть закреплён ни в законодательстве, ни в разъяснениях высших судебных инстанций. Проведенный автором анализ неоднозначной судебной практики по вопросу о восстановлении пропущенного срока на обращение позволяет ему прийти к выводу о том, что основным ориентиром в этом непростом вопросе должны быть нормы общей части Трудового кодекса РФ, предполагающие защиту прав и интересов как работников, так и работодателей.

Ключевые слова: индивидуальный трудовой спор, срок на обращение в суд, срок исковой давности, уважительные причины

Для цитирования: Демиденко Т. П. К вопросу о восстановлении пропущенного срока на обращение в суд при разрешении индивидуальных трудовых споров // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 4. С. 58–63. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_4_58.

ON THE QUESTION OF RESTORATION OF THE MISSED DEADLINE FOR APPLYING TO THE COURT IN THE RESOLUTION OF INDIVIDUAL LABOUR DISPUTES

Demidenko Tatyana

Senior lecturer, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0003-3280-1139, e-mail: tp.demidenko95@gmail.com.

The article is devoted to the legal analysis of controversial theoretical provisions, as well as current judicial practice on the issue of restoring the missed deadline for applying to the court in resolving individual labour disputes. The author analyzes the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the recognition of the reasons for missing the deadline for applying to the court as valid. Due to the evaluative nature of this concept, an exhaustive list of valid reasons cannot be fixed either in legislation or in the explanations of higher judicial instances. The author's analysis of ambiguous judicial practice on the issue of restoring the missed deadline for appeal allows him to conclude that the main guideline in this difficult issue should be the norms of the general part of the Labour Code of the Russian Federation, which presuppose the protection of the rights and interests of both employees and employers.

Key words: individual labour dispute, deadline for applying to the court, the statute of limitations, valid reasons

For citation: Demidenko T. (2025) On the question of restoration of the missed deadline for applying to the court in the resolution of individual labour disputes. In *Elektronnoe prilozhenie*

к «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu», no. 4, pp. 58–63, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_4_58.

Конституцией РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. В Трудовом кодексе РФ указанная норма нашла отражение в ст. 352. При этом трудовому праву как самостоятельной отрасли свойственны собственные сроки для обращения в суд за судебной защитой, а также предусмотрена возможность их восстановления в случае пропуска по уважительным причинам. Однако особенности понятийного аппарата отрасли, а также оценочный характер понятия «уважительные причины» зачастую влекут за собой принятие судами в сходных обстоятельствах прямо противоположных решений по вопросу о восстановлении пропущенного срока, что представляет собой нарушение принципа единообразия судебной практики (ст. 391.8 ГПК РФ).

Прежде всего, важно отметить, что ТК РФ не содержит понятия «срок исковой давности», свойственного, например, гражданскому праву, а упоминает лишь о сроках обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора. При этом и в науке, и в практике долгое время велась дискуссия по поводу соотношения указанных понятий. Одни ученые считали сроки на обращение в суд процессуальными, не являющимися сроками исковой давности¹. Как указывала Е. В. Грин, такие сроки должны применяться судом самостоятельно, без заявления о пропуске срока другой стороной; при этом их пропуск лишает сторону права на обращение в суд². Другие ученые рассматривали сроки на обращение в суд в качестве аналогичных срокам исковой давности в гражданском праве, т. е. в материально-правовом смысле³. При такой трактовке сроком обращения за разрешением индивидуального трудового спора выступал срок, в течение которого лицо, право которого нарушено, может рассчитывать на получение защиты от юрисдикционных органов⁴. Позднее в п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» сроки на обращение в суд по трудовым спорам были все же расценены в материально-правовом смысле, т. е. применялись только по заявлению стороны спора, а пропуск срока на обращение в суд не рассматривался как препятствие к возбуждению дела в суде.

Сейчас ст. 392 ТК РФ называет пять разновидностей сроков на обращение в суд: по общему правилу такой срок составляет три месяца; один месяц – по спорам об увольнении; один год – о невыплате или неполной выплате заработной платы и других выплат; один год – для работодателей по спорам о возмещении работникам ущерба. Также в 2021 г. во исполнение постановления Конституционного Суда от 14 июля 2020 г. № 35-П⁵ ст. 392 ТК РФ была дополнена нормой о сроке на обращение в суд с требованием о компенсации морального вреда, причиненного нарушением трудовых прав, в том числе после их восстановления на основании решения суда, который составил три месяца⁶. При этом в ч. 5 этой же статьи законодатель отмечает, что при наличии уважительных причин пропущенный срок может быть восстановлен судом.

Конкретного перечня уважительных причин законодательство не содержит и не может содержать в силу того, что понятие «уважительные причины» является оценочным. Как указывает С. Ю. Головина, такие понятия «не конкретизированы законодателем, имеют в лучшем случае лишь частично определенную характеристику, а потому

¹ Трудовое право России: проблемы теории: колл. моногр. / И. Н. Басаргин, Р. Ф. Галиева, С. Ю. Головина и др. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2006. С. 243–250; Комков С. А. Исковая давность в трудовом праве (теория и практика правоприменения) // Сибирский юридический вестник. 2021. № 2. С. 37.

² Грин Е. В. К вопросу о различии понятий «сроки обращения в суд» по трудовым делам и «сроки исковой давности» // Российская юстиция. 2009. № 3. С. 25.

³ Лушникова М. В., Лушников А. М. Курс трудового права: в 2 т. М.: Проспект, 2003. Т. 2. С. 1010; Князева Н. А. Сроки обращения за защитой трудовых прав работников: юридическая природа, продолжительность и порядок применения // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 4. С. 451–457.

⁴ Нуртдинова А. Ф. Защита трудовых прав работников // Хозяйство и право. 2002. № 12. С. 21.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2020 г. № 35-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 392 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р. М. Четыза».

⁶ Федеральный закон от 5 апреля 2021 г. № 74-ФЗ «О внесении изменений в статьи 391 и 392 Трудового кодекса РФ».

их содержание оценивается в каждой конкретной ситуации правоприменителями»¹. При этом, по мнению М. А. Жильцова, законодатель должен устанавливать критерии применения оценочных понятий для исключения их произвольного толкования². Подобная позиция получила отражение и в судебной практике. Как неоднократно отмечалось Конституционным Судом РФ, «выводы суда относительно признания тех или иных причин пропуска срока уважительными относятся к компетенции суда, рассматривающего вопрос о восстановлении указанного процессуального срока; формируются в каждом конкретном случае, исходя из представленных документов, по внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств»³.

Тем не менее примерный перечень уважительных причин появился в п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (ред. от 24 ноября 2015 г.) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации». К ним были отнесены, например, болезнь истца, нахождение его в командировке, невозможность обращения в суд вследствие непреодолимой силы, необходимость осуществления ухода за тяжелобольными членами семьи. В дальнейшем соответствующий перечень был дополнен в постановлении Пленума ВС РФ от 29 мая 2018 г. № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям». В нем в качестве уважительных причин пропуска срока были названы обращение работника с нарушением правил подсудности в другой суд в установленный срок, а также обращение работника в органы прокуратуры или в государственную инспекцию труда, которыми в отношении работодателя было принято соответствующее решение об устранении нарушений трудовых прав работника.

Однако повсеместное применение указанных разъяснений не снимает вопроса о субъектном составе, на который они могут распространяться: работодатели – физические лица и работодатели, являющиеся микропредприятиями. Несмотря на то, что в самом постановлении Пленума ВС РФ такие ограничения прямо закреплены, суды зачастую оставляют их без внимания, тем самым расширяя сферу применения постановления на все без исключения категории работодателей. При этом какого-либо обоснования такой аналогии в судебных актах, как правило, не приводится (лишь в редких случаях можно встретить утверждение о необходимости применения данных разъяснений и к иным категориям работодателей⁴). Например, в определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ по спору, стороной которого являлось АО «Авиационная компания „Ямал“», не являющееся микропредприятием или работодателем – физическим лицом, ВС РФ указал на то, что судами первой и апелляционной инстанций не были учтены разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума от 29 мая 2018 г. № 15⁵. Аналогичная позиция прослеживается в определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 28 ноября 2022 г. № 46-КГПР22-42-К6, где стороной по делу выступил ПАО «Промсвязьбанк», также обладающий статусом юридического лица.

Таким образом, с одной стороны, подход, предполагающий закрепление на уровне разъяснений ВС РФ примерного перечня уважительных причин для восстановления

¹ Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. С. 107.

² Жильцов М. А. Дефекты трудового права и способы их преодоления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 18.

³ См., например: определение Конституционного Суда РФ от 18 апреля 2004 г. № 367-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью „Владимир и Ольга“ на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 52 и частью 4 статьи 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»; определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. № 308-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Девяткиной Марины Николаевны на нарушение ее конституционных прав нормами Федерального закона „О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации“ и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

⁴ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 22 июня 2023 г. по делу № 2-6188/2022.

⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10 апреля 2023 г. № 89-КГ23-1-К7.

пропущенного срока на обращение в суд, является целесообразным (на что указывалось еще в исследованиях советских ученых¹) и выступает для судов своеобразным ориентиром при принятии решений. С другой стороны, в целях соблюдения единообразия в толковании и применении судами норм права видится необходимым скорректировать сферу применения постановления Пленума ВС РФ от 29 мая 2018 г. № 15, указав, что содержащиеся в нем разъяснения могут применяться к любым категориям работодателей.

Также интересен тот факт, что, оценивая уважительность причины пропуска срока на обращение в суд за разрешением индивидуального трудового спора, некоторые суды ссылаются на нормы Гражданского кодекса РФ, в частности на ст. 195 и 197, а срок, установленный ТК РФ, считают специальным по отношению к трехлетнему сроку исковой давности, установленному Гражданским кодексом РФ². Такой подход представляется неверным в силу самостоятельности трудового права как отрасли и наличия собственного юридического инструментария (еще Л. С. Таль обосновал невозможность регулирования трудовых отношений нормами гражданского права и необходимость выделения в связи с этим трудового (рабочего) права³).

Анализ судебной практики показал, что причины, которые суды признают уважительными для восстановления пропущенного работниками срока на обращение в суд, как правило, входят в перечень, поименованный в постановлениях Пленума ВС РФ. Чаще всего такими причинами являются обращение в Государственную инспекцию труда или прокуратуру⁴, нетрудоспособность самого работника⁵ либо членов его семьи⁶. Важно отметить, что до принятия в 2018 г. постановления Пленума ВС РФ обращение в Государственную инспекцию труда или прокуратуру не считалось уважительной причиной для восстановления срока, на что прямо указывалось в судебных актах, включая акты ВС РФ⁷.

Достаточно часто наличие либо отсутствие оснований для восстановления срока на обращение в суд носит дискуссионный характер. В качестве одного из примеров рассмотрим восстановление пропущенного срока в ситуации наличия у работника высшего юридического образования. Представляется, что наличие профессионального образования и, как следствие этого, специальных познаний в области права должно уменьшать вероятность восстановления таким работником срока на обращение в суд, пропущенного, например, в связи с подачей иска с нарушением правил подсудности, обращения в государственную инспекцию труда или прокуратуру. Между тем подходы судов к решению данного вопроса различаются.

В данном контексте интересным является дело, рассмотренное Октябрьским районным судом Екатеринбурга. В феврале 2023 г. работник обратился в суд с требованием о взыскании заработной платы за период с июля 2018 г. по февраль 2022 г. На основании заявления работодателя суд первой инстанции пришел к выводу о том, что срок обращения в суд по данному требованию за период с июля 2018 г. по декабрь 2021 г. пропущен. Между тем суд все же восстановил пропущенный срок для обращения в суд с данным требованием за период начиная с марта 2021 г. (за год, предшествующий обращению в прокуратуру, которое имело место в марте 2022 г.), аргументировав это следующим образом: истец не имеет специальных познаний в области юриспруденции, в связи с чем работник обратился в Государственную ин-

¹ Мордачев В. Д. Сроки в советском трудовом праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 17.

² См., например: апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23 марта 2023 г. № 33-6961/2023; апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 2 марта 2023 г. № 33-1557/2023 по делу № 2-185/2022.

³ Таль Л. С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование. М.: Статут, 2006. 537 с.

⁴ См., например: апелляционное определение Свердловского областного суда от 21 июня 2023 г. по делу № 33-9897/2023; апелляционное определение Свердловского областного суда от 1 октября 2024 г. по делу № 33-15143/2024.

⁵ См., например: Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 9 декабря 2020 г.).

⁶ См., например: апелляционное определение Московского городского суда от 15 июля 2022 г. по делу № 33-20067/2022.

⁷ Определение Верховного Суда РФ от 17 июня 2010 г. № 85-В10-2.

спекцию труда и в прокуратуру; для расчета заработка истцу требовались дополнительные документы и время¹.

Свердловский областной суд апелляционным определением от 21 декабря 2023 г.² в части восстановления пропущенного срока на обращение в суд оставил решение суда первой инстанции без изменения. Тем не менее представляется, что установленные судом обстоятельства не свидетельствуют о наличии уважительных причин для восстановления пропущенного срока. Так, п. 16 постановления Пленума ВС РФ от 29 мая 2018 г. № 15 действительно содержит указание на то, что обращение работника с письменным заявлением о нарушении его трудовых прав в органы прокуратуры и (или) в государственную инспекцию труда является уважительной причиной для восстановления пропущенного срока в суде. Однако из текста постановления следует, что такое правило работает лишь тогда, когда по итогам обращения в соответствующий орган в отношении работодателя было принято решение об устранении нарушений трудовых прав работника.

В данном случае видится, что суды, восстанавливая срок на обращение в суд, не учли ряд факторов. Во-первых, работник обладает высшим юридическим образованием; следовательно, не мог не знать о наличии срока обращения в суд по трудовым спорам и о последствиях нарушения такого срока. Во-вторых, истец не мог не знать, что государственные инспекции труда и органы прокуратуры не являются органами по рассмотрению индивидуальных трудовых споров³. В-третьих, ни прокуратура, ни государственная инспекция труда не усмотрели в действиях работодателя нарушений трудовых прав работника, в связи с чем у истца не могло возникнуть правомерных ожиданий о том, что его права будут восстановлены во внесудебном порядке. Следовательно, в данном случае условия, необходимые для применения указанных разъяснений, отсутствуют.

Представляется, что восстановление работнику пропущенного срока в данной ситуации не в полной мере соответствует целям трудового законодательства. Иными словами, складывается ситуация, при которой у работника появляется возможность даже спустя продолжительное время обойти правовую норму, предусматривающую срок обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора. С учетом того, что работник обладает высшим юридическим образованием, такое поведение может содержать в себе признаки злоупотребления правом.

В другом споре суд отказал в восстановлении пропущенного срока в связи с тем, что работник имеет юридическое образование, указав: «Н., имеющая высшее юридическое образование, работала в ККА „Консул“ стажером адвоката, не могла не знать о наличии срока обращения в суд по трудовым спорам, а также о последствиях нарушения такого срока»⁴. Аналогичную позицию занял Московский городской суд при рассмотрении трудового спора, отметив, что истец, работая директором юридического департамента и имея высшее юридическое образование, не мог не знать о необходимости соблюдения установленных законом сроков для обращения в суд. В связи с этим работнику также было отказано в восстановлении пропущенного срока на обращение в суд⁵.

Таким образом, сегодня трудовое законодательство и существующие разъяснения устанавливают судам широкие пределы для усмотрения при решении вопроса о восстановлении пропущенного срока на обращение в суд, что приводит к отсутствию единообразия судебной практики даже при разрешении схожих ситуаций. Несмотря на сложность данного вопроса, ориентиром, как представляется, должны быть нормы общей части ТК РФ, предполагающие, в частности, защиту прав и интересов как работников, так и работодателей в качестве цели трудового законодательства.

¹ Решение Октябрьского районного суда Екатеринбурга от 10 августа 2023 г. по делу № 2-1993/2023.

² Апелляционное определение Свердловского областного суда от 21 декабря 2023 г. по делу № 33-20642/2023.

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 9 ноября 2020 г. № 60-КГ20-4-К9.

⁴ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 июня 2021 г. по делу № 88-8386/2021.

⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 17 ноября 2023 г. по делу № 33-44262/2023.

Список литературы

- Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. 180 с.
- Грин Е. В. К вопросу о различии понятий «сроки обращения в суд» по трудовым делам и «сроки исковой давности» // Российская юстиция. 2009. № 3. С. 23–27.
- Жильцов М. А. Дефекты трудового права и способы их преодоления: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2011. 459 с.
- Князева Н. А. Сроки обращения за защитой трудовых прав работников: юридическая природа, продолжительность и порядок применения // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 4. С. 451–457.
- Комков С. А. Исковая давность в трудовом праве (теория и практика правоприменения) // Сибирский юридический вестник. 2021. № 2. С. 37–41.
- Лушникова М. В., Лушников А. М. Курс трудового права: в 2 т. М.: Проспект, 2003. Т. 2. 1151 с.
- Мордачев В. Д. Сроки в советском трудовом праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1972. 18 с.
- Нуртдинова А. Ф. Защита трудовых прав работников // Хозяйство и право. 2002. № 12. С. 3–28.
- Таль Л. С. Трудовой договор. Цивилистическое исследование. М.: Статут, 2006. 537 с.
- Трудовое право России: проблемы теории: колл. моногр. / И. Н. Басаргин, Р. Ф. Галиева, С. Ю. Головина и др. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2006. 256 с.

References

- Basargin I. N., Galieva R. F., Golovina S. Yu., et al. (2006) *Trudovoe pravo Rossii: problemy teorii: kollektivnaya monografiya* [Labour law of Russia: problems of theory: collective monography]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo UrGYuA, 256 p.
- Golovina S. Yu. (1997) *Ponyatiinyi apparat trudovogo prava* [Conceptual framework of labour law]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo UrGYuA, 180 p.
- Grin E. V. (2009) K voprosu o razlichii ponyatii «sroki obrashcheniya v sud» po trudovym delam i «sroki iskovoi davnosti» [On the issue of the difference between the concepts of «time limits for going to court» in labour matters and «limitation periods»]. In *Rossiiskaya yustitsiya*, no. 3, pp. 23–27.
- Knyazeva N. A. (2013) Sroki obrashcheniya za zashchitoi trudovykh prav rabotnikov: yuridicheskaya priroda, prodolzhitel'nost' i poryadok primeneniya [Terms of applying for protection of workers' labour rights: legal nature, duration and procedure of application]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 4, pp. 451–457.
- Komkov S. A. (2021) Iskovaya davnost' v trudovom prave (teoriya i praktika pravoprimeneniya) [Statute of limitations in labour law (theory and practice of law enforcement)]. In *Sibirskii yuridicheskii vestnik*, no. 2, pp. 37–41.
- Lushnikova M. V., Lushnikov A. M. (2003) *Kurs trudovogo prava: v 2 t. T. 1* [Course of labour law: in 2 volumes. Vol. 2]. Moscow, Statut, 1151 p.
- Mordachev V. D. (1972) *Sroki v sovetskom trudovom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Terms in Soviet labour law: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Sverdlovsk, 18 p.
- Nurtdinova A. F. (2002) Zashchita trudovykh prav rabotnikov [Protection of labour rights of workers]. In *Khozyaistvo i pravo*, no. 12, pp. 3–28.
- Tal' L. S. (2006) *Trudovoi dogovor. Tsivilisticheskoe issledovanie* [Employment contract. Civilistic research]. Moscow, Statut, 537 p.
- Zhil'tsov M. A. (2011) *Defekty trudovogo prava i sposoby ikh preodoleniya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Defects of labour law and ways to overcome them: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Yekaterinburg, 459 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.03.2025

Дата принятия рукописи в печать: 15.05.2025

УДК / UDC 349

DOI: 10.34076/22196838_2025_4_64

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УДАЛЕННОЙ РАБОТЫ

Кичигин Сергей Владиславович

Юрисконсульт ГБУ ДО «Спортивная школа олимпийского резерва Кузбасса по боксу имени заслуженного тренера СССР В. П. Кургешева» (Кемерово), ORCID: 0000-0003-0187-145X, e-mail: 76-42-50@mail.ru.

Положениями отечественного трудового права предусмотрены две формы работы вне места нахождения нанимателя: дистанционная и надомная. При этом в иностранных правовых системах такое разделение отсутствует. Обе формы предполагают работу в том числе из дома, но не ограничивают рабочее место границами места жительства. Развитие за рубежом удаленной формы занятости привело к формированию внутри нее комбинированной (гибридной) занятости, в настоящее время не воспринятой российским правом. Предложено объединить правовое регулирование надомной и дистанционной работы с сохранением за ними существующей специфики в оправданном практикой объеме. Одновременно предлагается на законодательном уровне решить вопросы уточнения терминологии, корректировки формулировок дополнительных оснований для увольнения удаленных работников, исключения норм о возможности участия в выполнении труда удаленного работника членов его семьи, предоставления сторонам возможности установления гибридной формы занятости, а также права определения территориальных границ нахождения работника или отказа от этого. Предложено распространить на удаленных работников правило о возможности выполнения работы по совместительству в основное рабочее время. Также полагаем возможным обсудить вопрос об установлении дополнительных оснований для прекращения трудового договора с удаленным работником – факультативных и/или определяемых договором.

Ключевые слова: надомник, надомная работа, дистанционная работа, удаленная работа, телеработа, нетипичная занятость, цифровая экономика, информационная работа

Для цитирования: Кичигин С. В. Правовое регулирование удаленной работы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 4. С. 64–71. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_4_64.

LEGAL REGULATION OF TELEWORK

Kichigin Sergei

Legal advisor, Sports School of the Olympic Reserve of Kuzbass in boxing named after the honored trainer of the USSR V. P. Kuregeshev (Kemerovo), ORCID: 0000-0003-0187-145X, e-mail: 76-42-50@mail.ru.

The provisions of domestic labour law provide for two forms of work outside the location of the employer: remote and home work. At the same time, there is no such division in foreign legal systems. Both forms imply work, including from home, but do not limit the workplace to the boundaries of the place of residence. The development of remote employment abroad has led to the formation of combined (hybrid) employment within it, which is currently not accepted by Russian law. It is proposed to combine the legal regulation of home and remote work while preserving their existing specifics in the volume justified by practice. At the same time, it is proposed to resolve at the legislative level the issues of clarifying terminology, adjusting the wording of additional grounds for dismissal of remote workers, excluding rules on the possibility of participation in the performance of work of a remote worker by members of his family, providing the parties with the opportunity to establish a hybrid form of employment, as well as the

right to determine the territorial boundaries of the employee's location or refuse it. It has been proposed to extend the rule regarding the possibility of performing part-time work during regular working hours to remote workers. We also believe it is possible to discuss the issue of establishing additional grounds for terminating an employment contract with a remote worker – optional and/or determined by the contract.

Key words: home-worker, outwork, remote working, telecommuting, teleworking, atypical employment, digital economy, knowledge work

For citation: Kichigin S. (2025) Legal regulation of telework. In *Elektronnnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 4, pp. 64–71, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_4_64.

Уровень развития технологий оказывает выраженное воздействие, в частности, на сферу трудовых отношений. В частности, растет внимание к удаленной форме занятости различных конфигураций. Для «офисных» профессий форма занятости вне помещений работодателя существует давно и является естественной для ряда профессий (корректор, сценарист, писатель и др.).

Информационные технологии стали неотъемлемой частью трудового процесса. Люди одних профессий используют рабочие чаты и фотоотчеты, в других применение новых технологий привело к существенной перестройке рабочего процесса. Мобильная связь, мессенджеры, электронная почта, облачные сервисы, платформы асинхронной коммуникации, электронные документы с общим доступом, системы видеосвязи, CRM-системы обеспечили формирование виртуального офиса. Для некоторых профессий пропала необходимость трудиться в контролируемом работодателем помещении.

Термин «телеработа» (*telework*) возник в 70-х гг. в США для обозначения работы вне офиса, включая работу из дома. В связи с этим некоторые исследователи отождествляют телеработников с надомниками, использующими «новые технологии»¹.

В зарубежной литературе существуют различные подходы к пониманию места информационных технологий и технологий связи в удаленной работе. Одни исследователи понимают ее просто как труд вне офиса с коммуникацией по телефону². Другие подчеркивают необходимость использования Интернета³, компьютера или иного электронного устройства с подключением к Интернету⁴. При этом также высказывается мнение о возможности информационного обмена посредством курьера⁵.

При достаточно схожем понимании содержания удаленной работы ее правовое регулирование в разных правовых порядках имеет существенные различия⁶. Неизменно отмечаются электронная форма труда, коммуникация сторон по телефону и (или) через Интернет, работа вне офиса нанимателя.

Зарубежные авторы разделяют удаленную работу на «дополнительную» и «замещающую». «Дополнительная» работа (гибридная форма занятости) предполагает, что работник выполняет часть своей трудовой функции или трудится часть времени вне офиса, например регулярно участвует в судебных заседаниях, визитах в органы власти. «Замещающая» форма не предполагает офлайн-общения сторон⁷. Привязка работника к территории может быть необходима, например, если часть трудовой функции предполагает непосредственные контакты с клиентами, органами власти. Эти ха-

¹ Brocklehurst M. The Reality and Rhetoric of New Technology Homeworking: Some Lessons for Personnel Managers // *Personnel Review*. 1989. Vol. 18(2). См. также: Brynin M., Haddon L. The character of telework and the characteristics of teleworkers // *New Technology, Work and Employment*. 2005. Vol. 20. P. 35.

² Brynin M., Haddon L. Op. cit. P. 36.

³ eWork 2000: Status Report on New Ways to Work in the Information Society. URL: <http://www.eto.org.uk/twork/tw00/pdf/tw2000.pdf> (дата обращения: 04.04.2025).

⁴ Garrett R. K., Danzinger J. N. Which telework? Defining and testing a taxonomy of pechnology-mediated work at a distance // *Social Science Computer Review*. 2007. Vol. 25(1). P. 30. DOI: 10.1177/0894439306293819.

⁵ Sullivan C. What's in a name? Definitions and conceptualisations of teleworking and homeworking // *New Technology, Work and Employment*. 2003. Vol. 18. P. 160.

⁶ Дудченко С. В. Опыт регулирования дистанционного труда работников в зарубежных странах // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2022. № 1-4. С. 98–100. DOI: 10.23670/IRJ.2022.115.1.122.

⁷ Bailey D. E., Kurland N. B. A review of telework research: findings, new directions, and lessons for the study of modem work // *Journal of Organizational Behavior*. 2002. Vol. 23. P. 390. DOI: 10.1002/job.144.

рактические в различных комбинациях формируют индивидуальные условия труда удаленного работника.

Одной из тенденций в развитии удаленной работы становится то, что она все чаще принимает так называемую гибридную форму (*hybrid telework*), гибко сочетаясь с традиционной офисной работой¹. В исследованиях последних лет приводятся самые различные комбинации такой гибридной работы². Этот режим труда востребован и на отечественном рынке труда.

Одной из насущных проблем удаленной работы, не решенных в настоящее время, является размытость границ рабочего и личного времени работника, в особенности когда он разделен с нанимателем не только расстоянием, но и часовыми поясами. Концепция, получившая название «право на отключение» (*right to disconnect*), подразумевает возможность игнорировать входящие коммуникации, включая электронные письма и телефонные вызовы, без негативных последствий для работника. В ряде европейских стран эта концепция получила законодательное закрепление³. В других странах (в том числе в России) законодатель исходит из тезиса о том, что такое право имплицитно уже содержится в трудовом законодательстве и следует из нормирования продолжительности рабочего времени, ограничивающего и время коммуникационного взаимодействия. В отечественной литературе проблема необходимости установления для удаленных работников «права на отключение» также обозначена⁴.

По нашему мнению, существующее в отечественном трудовом праве законодательное умолчание является правильным. Контроль за соблюдением такого предписания представляется невозможным, а правовые последствия для нанимателя несоблюдения им «режима молчания» за пределами рабочего времени – отсутствующими. Включенное в нормы закона предписание останется декларацией. В связи с этим, возможно, более действенным, хотя и более медленным, будет немецкий путь реализации «права на отключение» – через установление этого запрета на корпоративном уровне и, может быть, на уровне трехсторонних отраслевых соглашений, а также регулирование удаленной работы в подведомственных учреждениях органов власти и местного самоуправления.

Содержание нормативного регулирования и понимание существа удаленной работы в России в основном схожи с подходами иностранных правовых порядков⁵. Определение дистанционной работы, данное в ст. 312.1 Трудового кодекса РФ, в целом совпадает с ее пониманием в зарубежном праве и доктрине. Центральным критерием удаленной работы выступает труд вне территории, контролируемой нанимателем. Одновременно необходимыми критериями названы использование для работы и для коммуникации с нанимателем информационно-телекоммуникационных сетей и сетей связи общего пользования.

Содержащееся в ст. 312.1 ТК РФ определение указывает на нематериальный характер дистанционной работы, заключающийся в предоставлении «услуг», не производящих овеществленного и способного к передаче результата.

Любопытно, что из текста кодекса не следует возможность установления работнику режима работы, предполагающего в течение одного дня выполнение части трудовой функции на территории нанимателя, а другой части – удаленно⁶. Эта позиция законо-

¹ Harish C. Ch. Telework Perspectives of Employers, Managers, and Employees // Impact of Teleworking and Remote Work on Business. 2024. P. 242. DOI: 10.4018/979-8-3693-1314-5.ch010; Raluca D. The new challenges of hybrid working (part office, part home) // SHS Web of Conferences. 2023. Vol. 177. P. 10. DOI: 10.1051/shsconf/202317701002.

² Hopkins J., Bardoe A. The Future Is Hybrid: How Organisations Are Designing and Supporting Sustainable Hybrid Work Models in Post-Pandemic Australia // Sustainability. 2023. 15(4), 3086. P. 9–11. DOI: 10.3390/su15043086.

³ Kolomoets E. E., Shonia G. V., Mekhmonov S., Abdalnabi S. M. The Employee's Right to Work Offline: A Comparative Analysis of Legal Frameworks in Different Countries // Revista de Gestão Social e Ambiental. 2023. Vol. 17(5): e03470. P. 3. DOI: 10.24857/rgsa.v17n5-009.

⁴ Лютов Н. Л. Новые нормы о дистанционном труде: решены ли старые проблемы? // Lex Russica. 2021. № 6. С. 40–42. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.036-045; Чуча С. Ю. Правовое регулирование дистанционной (удаленной) работы: вопросы теории и практики (Обзор «круглого стола») // Государство и право. 2021. № 4. С. 158. DOI: 10.31857/S102694520014359-5.

⁵ Кожевников О. А., Чудиновских М. В. Регулирование труда дистанционных работников в России и за рубежом // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 3. С. 569–570. DOI: 10.21638/spbu14.2020.303.

⁶ Филиппова Н. А. Некоторые вопросы правового регулирования трудовых отношений с дистанционными работниками // Общество. Закон. Правосудие. 2022. № 1. С. 37.

дателя представляется особенно странной, учитывая, что гибридный формат занятости очень логичен и востребован рынком.

Также следует отметить, что в договоре с дистанционным работником должно указываться место работы. Указание в качестве места работы домашнего или иного адреса удаленного работника не ограничивает возможности выполнения им работы в ином месте. Это требование представляется еще более избыточным и формальным в отношении сотрудников, чья функция полностью выполняется в удаленном формате, в том числе тех, кто проживает в другом регионе, стране.

Дистанционный работник вправе самостоятельно выбирать конкретное место работы, используя жилые или нежилые помещения. При этом очевидно, что такие работники, как правило, выполняют работу или значительную ее часть, находясь у себя дома.

Мнение о том, что эта свобода может быть ограничена определенной местностью, как об этом говорит ч. 2 ст. 312.8 ТК РФ, на взгляд автора, несостоятельно. Связано это с некорректной формулировкой нормы закона, включающей в себя условие изменения местности работником. Изменение работником местности могло бы иметь значение в случае, если бы ТК РФ была предусмотрена возможность гибридной формы занятости. В современной редакции эта норма говорит о прекращении договора в ситуации невозможности дальнейшего исполнения работником своей трудовой функции на прежних условиях, называя при этом условие о смене местности.

В литературе акцент на смену местности обычно поясняется примером с переездом работника в местность с так называемым районным коэффициентом. Однако в этом случае упускается из виду, что данная норма повествует вовсе не о том, что на работодателя возлагаются какие-то новые обязанности. Речь о том, что именно работник не может больше трудиться на прежних условиях. Остается согласиться с авторами, ранее исследовавшими этот вопрос¹, и признать формулировку неудачной.

Трудовой кодекс РФ знает и другой вид работы, выполняемой вне места нахождения работодателя, – надомную работу, имеющую специальное регулирование и долгую историю существования в отечественном трудовом праве. Из положений гл. 49 ТК РФ следует, что надомная работа, выполняемая вне контролируемой нанимателем территории, отличается материальным характером труда и возможностью участия в трудовом процессе членов семьи надомника.

Не углубляясь в вопрос участия членов семьи надомника в выполнении его трудовых обязанностей, отметим, что аналогичная ситуация возможна и в рамках дистанционной работы, регулируемой гл. 49.1 ТК РФ. Пусть и без законодательного дозволения, это возможно уже из-за отсутствия контроля нанимателя за рабочим местом работника.

Материальный характер работы надомника представляется нам квалифицирующим признаком, выделяющим надомную работу из общего массива работы, выполняемой вне места нахождения нанимателя. На условно «подрядный» характер труда надомника справедливо указывал И. С. Аксенов².

Для нашего исследования существенно, что использованный в п. 1 ст. 310 ТК РФ речевой оборот о «выполнении работы на дому» не ограничивает место выполнения работ границами жилого помещения³. Надомник может выполнять работу в гараже, сарае или ином сооружении, расположенном в месте его проживания, а также на открытом воздухе в границах его земельного участка, т. е. «надомная работа – это не место работы, а характер труда»⁴.

¹ Зуева Е. С. Правовое регулирование прекращения трудового договора о дистанционной работе // Регулирование правоотношений: проблемы теории и практики: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. аспирантов, соискателей, магистрантов и молодых ученых в режиме видео-конференц-связи, Москва, 28 апреля 2022 года. М.: РГУП, 2024. С. 259–260.

² Аксенов И. С. Особенности правового регулирования труда надомников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 17. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004847514?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 04.04.2025).

³ Кассационное определение Мурманского областного суда от 25 мая 2011 г. № 33-1459-2011; постановление ЕСПЧ от 18 ноября 2004 г. Дело «Прокопович (*Prokopovich*) против Российской Федерации» (жалоба № 58255/00) (Первая секция).

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 8 декабря 2010 г. № 33-36573.

В период отсутствия специального регулирования дистанционного труда в литературе высказывалась мысль о возможности регулирования нормами гл. 49 ТК РФ и нематериального труда диспетчеров, редакторов текстов¹. Более того, высказывалось предложение объединить нормативное регулирование труда надомных и дистанционных работников². Однако предлагаемый критерий разграничения данных категорий работников (выполнение работы на дому или в ином месте) представляется нам недостаточно аргументированным.

По нашему мнению, разграничение специальных категорий удаленных работников по критерию содержания их трудовой функции («подряд» или «услуги») имеет сомнительную ценность. Конвенция МОТ от 20 июня 1996 г. № 177 «О надомном труде» (и одноименная Рекомендация МОТ от 20 июня 1996 г. № 184) не разделяют удаленных работников на «подрядчиков» и «исполнителей».

Обратим внимание на то, что преимущественно местом выполнения трудовой функции и надомного, и дистанционного работника выступает место их жительства. В связи с повсеместным использованием электронных устройств коммуникация обеих категорий происходит через Интернет или по телефону.

В отсутствие регламентации режима рабочего времени дистанционного сотрудника последний вправе определять его самостоятельно (ст. 312.4 ТК РФ). Иными словами, режим труда может быть установлен локальными нормативными актами или соглашением сторон, но по умолчанию здесь действует усмотрение работника. В отношении надомников действует общее правило: режим работы должен быть определен правилами внутреннего трудового распорядка либо трудовым договором. Фактически это правило почти неприменимо. Наниматель, как правило, не имеет ни возможности, ни заинтересованности в контроле за процессом труда надомника и соблюдением им режима работы.

Для обеих категорий работников не исключается не только непосредственный контакт с нанимателем (вызов в стационарный офис), но и направление в командировки³. Представляется возможным и эпизодическое выполнение надомником части функций на территории нанимателя (участие в совещаниях, в приемке материалов, оборудования, предназначенных надомнику). Равным образом нельзя исключать выполнение надомником отдельных производственных процессов, требующих специализированного оборудования, которое есть в цехах нанимателя, но по объективным причинам не может быть передано надомнику.

Из описания вакансий удаленной работы на платформах онлайн-рекрутинга можно сделать вывод о том, что наниматель почти всегда предполагает выполнение той или иной части труда в регламентированном месте (офис нанимателя или помещение клиента, суд, орган власти и др.). Это иллюстрирует то, что работа, заявленная удаленной, зачастую изначально понимается как гибридная занятость, гибкое сочетание с традиционной офисной работой⁴. В исследованиях последних лет приводятся самые различные комбинации в рамках гибридной работы⁵.

Представляется, что, хотя электронная и телефонная коммуникация сторон, как правило, упоминается в определениях удаленной работы, сами по себе коммуникационные технологии (телефон, видеоконференции, мессенджеры, CRM) универсальны для самых различных категорий работников. В силу этого мы не склонны разделять мнение о том, что способ связи – определяющий признак удаленной работы⁶.

¹ Заиченко Е. С. Труд надомников в России: история развития правового регулирования // Труды Института государства и права РАН. 2011. № 2. С. 118.

² Семенова И. С., Молодых М. Е. Вопросы совершенствования правового регулирования дистанционной работы // Современная наука. 2021. № 1. С. 14. DOI: 10.53039/2079-4401.2021.3.1.002.

³ Анищенко А. В. Работа из дома: документальное оформление и налогообложение. М.: Редакция «Российской газеты», 2020. 160 с. // СПС «Гарант»; Семенихин В. В. Командировочные и иные аналогичные расходы. 7-е изд., перераб. и доп. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2018. 730 с. // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Harish C. Ch. Op. cit. P. 242; Raluca D. The new challenges of hybrid working (part office, part home) // SHS Web of Conferences 177. 2023. P. 10. DOI: 10.1051/shsconf/202317701002.

⁵ Hopkins J., Bardoel A. Op. cit. P. 9–11.

⁶ Панарина М. М. Актуальные вопросы дистанционной правовой работы юриста: перспективы развития правового фриланса в современных условиях // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2019. № 4. С. 125–126.

Совершенно неисследованным является вопрос о возможности параллельного выполнения удаленным работником труда по двум и более местам работы или выполнении удаленной работы в основное рабочее время в офисе основного работодателя.

Между тем опыт такого рода одновременного выполнения работы накоплен за более чем два десятилетия применения постановления Минтруда РФ от 30 июня 2003 г. № 41 «Об особенностях работы по совместительству педагогических, медицинских, фармацевтических работников и работников культуры». Нами этот опыт оценивается как в целом положительный и перспективный¹. В ситуации отсутствия контроля нанимателем трудового процесса распространение такого дозволения выглядит логичным. И хотя реализация этого дозволения требует также корректировки положений гл. 44 ТК РФ², оно легализует положение, существующее на практике уже сейчас.

С учетом сказанного представляется перспективной интеграция правового регулирования труда надомных и дистанционных работников в рамках единой главы ТК РФ с сохранением специфики надомного труда.

Основой может выступить актуальная редакция гл. 49.1 ТК РФ. Можно предложить следующие рекомендации.

1. Определить терминологию. Принять термин «удаленная работа» общим, охватывающим и дистанционную, и надомную работу. Под дистанционной работой понимать удаленную «электронную», «виртуальную» работу (*e-work, virtual work*). Под надомной – удаленную работу, имеющую характер материального производства.

2. Сохранить специфические особенности надомной занятости (ч. 3 ст. 310 ТК РФ).

3. Распространить на надомников регулирование труда дистанционных работников в части, не противоречащей специфике их труда.

4. Дополнить дополнительные основания прекращения договора с удаленным работником договорными основаниями (ст. 312 ТК РФ) или факультативными основаниями³. Нам представляется, что такой подход будет способствовать развитию удаленной занятости. Сбалансировать позиции сторон в этом случае можно через уравнивание дополнительного основания прекращения трудового договора обязанностью выплат в пользу работника, увольняемого по такому основанию.

5. Исключить норму о возможности участия в труде удаленного (надомного) работника членов его семьи.

6. Предусмотреть возможность установления гибридной формы занятости. При этом в договоре следует локализовать границы территории выездной части работы.

7. Предусмотреть возможность выполнения удаленным работником обязанностей по совместительству в основное рабочее время (по согласованию с нанимателями).

8. Скорректировать положения ч. 2 ст. 312.8 ТК, оставив в качестве дополнительного основания прекращения договора с удаленным работником «невозможность исполнения работником обязанностей по трудовому договору на прежних условиях».

Список литературы

Аксенов И. С. Особенности правового регулирования труда надомников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 24 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004847514?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 04.04.2025).

Анищенко А. В. Работа из дома: документальное оформление и налогообложение. М.: Редакция «Российской газеты», 2020. 160 с. // СПС «Гарант».

Дудченко С. В. Опыт регулирования дистанционного труда работников в зарубежных странах // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 1-4. С. 98–100. DOI: 10.23670/IRJ.2022.115.1.122.

¹ Кичигин С. В. Регулирование работы по совместительству отдельных категорий работников // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 2. С. 90. DOI: 10.13140/RG.2.2.31959.07840.

² Кичигин С. В. Вопросы регулирования работы по совместительству отдельных категорий работников // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 5. С. 25–26. DOI: 10.34076/22196838_2021_5_21.

³ Под договорными понимаются основания прекращения трудового договора, созданные соглашением сторон. Под факультативными основаниями понимаются основания прекращения трудового договора, предложенные законодателем, но не действующие по умолчанию. Факультативные основания могут остаться нереализованными или, «включиться» соглашением сторон и действовать в рамках конкретного договора.

Заиченко Е. С. Труд надомников в России: история развития правового регулирования // Труды Института государства и права РАН. 2011. № 2. С. 108–118.

Зуева Е. С. Правовое регулирование прекращения трудового договора о дистанционной работе // Регулирование правоотношений: проблемы теории и практики: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. аспирантов, соискателей, магистрантов и молодых ученых в режиме видеоконференц-связи, Москва, 28 апреля 2022 года. М.: РГУП, 2024. С. 254–261.

Кичигин С. В. Вопросы регулирования работы по совместительству отдельных категорий работников // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 5. С. 21–27. DOI: 10.34076/22196838_2021_5_21.

Кичигин С. В. Регулирование работы по совместительству отдельных категорий работников // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 2. С. 86–92. DOI: 10.13140/RG.2.2.31959.07840.

Кожевников О. А., Чудиновских М. В. Регулирование труда дистанционных работников в России и за рубежом // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 3. С. 563–583. DOI: 10.21638/spbu14.2020.303.

Люттов Н. Л. Новые нормы о дистанционном труде: решены ли старые проблемы? // Lex Russica. 2021. № 6. С. 36–45. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.036-045.

Панарина М. М. Актуальные вопросы дистанционной правовой работы юриста: перспективы развития правового фриланса в современных условиях // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2019. № 4. С. 123–134.

Семенихин В. В. Командировочные и иные аналогичные расходы. 7-е изд., перераб. и доп. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2018. 730 с. // СПС «КонсультантПлюс».

Семенова И. С., Молодых М. Е. Вопросы совершенствования правового регулирования дистанционной работы // Современная наука. 2021. № 1. С. 13–16. DOI: 10.53039/2079-4401.2021.3.1.002.

Филиппова Н. А. Некоторые вопросы правового регулирования трудовых отношений с дистанционными работниками // Общество. Закон. Правосудие. 2022. № 1. С. 35–38.

Чуча С. Ю. Правовое регулирование дистанционной (удаленной) работы: вопросы теории и практики (Обзор «круглого стола») // Государство и право. 2021. № 4. С. 155–160. DOI: 10.31857/S102694520014359-5.

Bailey D. E., Kurland N. B. A review of telework research: findings, new directions, and lessons for the study of modern work // Journal of Organizational Behavior. 2002. Vol. 23. P. 383–400. DOI: 10.1002/job.144.

Brocklehurst M. The Reality and Rhetoric of New Technology Homeworking: Some Lessons for Personnel Managers // Personnel Review. 1989. Vol. 18(2). P. 1–70.

Brynin M., Haddon L. The character of telework and the characteristics of teleworkers // New Technology, Work and Employment. 2005. Vol. 20. P. 35–36. DOI: 10.1111/j.1468-005X.2005.00142.x.

Garrett R. K., Danzinger J. N. Which telework? Defining and testing a taxonomy of technology-mediated work at a distance // Social Science Computer Review. 2007. Vol. 25(1). P. 35–50. DOI: 10.1177/0894439306293819.

Harish C. Ch. Telework Perspectives of Employers, Managers, and Employees // Impact of Teleworking and Remote Work on Business. 2024. P. 229–244. DOI: 10.4018/979-8-3693-1314-5.ch010.

Hopkins J., Bardoel A. The Future Is Hybrid: How Organisations Are Designing and Supporting Sustainable Hybrid Work Models in Post-Pandemic Australia // Sustainability. 2023. 15(4), 3086. P. 1–21. DOI: 10.3390/su15043086.

Kolomoets E. E., Shonia G. V., Mekhmonov S., Abdulnabi S. M. The Employee's Right to Work Offline: A Comparative Analysis of Legal Frameworks in Different Countries // Revista de Gestão Social e Ambiental. 2023. Vol. 17(5): e03470. P. 1–9. DOI: 10.24857/rgsa.v17n5-009.

Raluca D. The new challenges of hybrid working (part office, part home) // SHS Web of Conferences. 2023. Vol. 177. P. 1–11. DOI: 10.1051/shsconf/202317701002.

Sullivan C. What's in a name? Definitions and conceptualisations of teleworking and homeworking // New Technology, Work and Employment. 2003. Vol. 18. P. 159–164.

References

Aksenov I. S. (2011) *Osobennosti pravovogo regulirovaniya truda nadomnikov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Especially legal regulation of labour homeworkers: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 24 p., available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004847514?page=1&rotate=0&theme=white> (accessed: 04.04.2025).

Anishchenko A. V. (2020) *Rabota iz doma: dokumental'noe oformlenie i nalogooblozhenie* [Working from home: documentation and taxation]. Moscow, Redaktsiya «Rossiiskoi gazety», 160 p. In SPS «Garant».

Bailey D. E., Kurland N. B. (2002) A review of telework research: findings, new directions, and lessons for the study of modern work. In *Journal of Organizational Behavior*, vol. 23, pp. 383–400, DOI: 10.1002/job.144.

Brocklehurs M. (1989) The Reality and Rhetoric of New Technology Homeworking: Some Lessons for Personnel Managers. In *Personnel Review*, vol. 18(2), pp. 1–70.

Brynin M., Haddon L. (2005) The character of telework and the characteristics of teleworkers. In *New Technology, Work and Employment*, vol. 20, pp. 35–36, DOI: 10.1111/j.1468-005X.2005.00142.x.

Chucha S. Yu. (2021) Pravovoe regulirovanie distantsionnoi (udalennoi) raboty: voprosy teorii i praktiki (Obzor «kruglogo stola») [Legal regulation of remote work: questions of theory and practice (review of the «round table»)]. In *Gosudarstvo i pravo*, no. 4, pp. 155–160, DOI: 10.31857/S102694520014359-5.

Dudchenko S. V. (2022) Opyt regulirovaniya distantsionnogo truda rabotnikov v zarubezhnykh stranakh [Experience in regulating remote labour of workers in foreign countries]. In *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, no. 1–4, pp. 98–100, DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.115.1.122>.

Filipstova N. A. (2022) Nekotorye voprosy pravovogo regulirovaniya trudovykh otnoshenii s distantsionnymi rabotnikami [Some issues of legal regulation of labour relations with distant employees]. In *Obshchestvo. Zakon. Pravosudie*, no. 1, pp. 35–38.

Garrett R. K., Danzinger J. N. (2007) Which telework? Defining and testing a taxonomy of technology-mediated work at a distance. In *Social Science Computer Review*, vol. 25(1), pp. 35–50, DOI: 10.1177/0894439306293819.

Harish C. Ch. (2024) Telework Perspectives of Employers, Managers, and Employees. In *Impact of Teleworking and Remote Work on Business*, pp. 229–244, DOI: 10.4018/979-8-3693-1314-5.ch010.

Hopkins J., Bardoel A. (2023) The Future Is Hybrid: How Organisations Are Designing and Supporting Sustainable Hybrid Work Models in Post-Pandemic Australia. In *Sustainability*, 15(4), 3086, pp. 1–21, DOI: 10.3390/su15043086.

Kichigin S. V. (2021) Voprosy regulirovaniya raboty po sovместitel'stvu otdel'nykh kategorii rabotnikov [Issues of regulation of part-time work of certain categories of employees]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 21–27, DOI: 10.34076/22196838_2021_5_21.

Kichigin S. V. (2022) Regulirovanie raboty po sovместitel'stvu otdel'nykh kategorii rabotnikov [On the regulation of part-time work of certain categories of employees]. In *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii*, no. 2, pp. 86–92, DOI: 10.13140/RG.2.2.31959.07840.

Kolomoets E. E., Shonia G. V., Mekhmonov S., Abdalnabi S. M. (2023) The Employee's Right to Work Offline: A Comparative Analysis of Legal Frameworks in Different Countries. In *Revista de Gestão Social e Ambiental*, vol. 17(5): e03470, pp. 1–9, DOI: 10.24857/rgsa.v17n5-009.

Kozhevnikov O. A., Chudinovskikh M. V. (2020) Regulirovanie truda distantsionnykh rabotnikov v Rossii i za rubezhom [Regulation of telework in Russia and foreign countries]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, vol. 11, no. 3, pp. 563–583, DOI: 10.21638/spbu14.2020.303.

Lyutov N. L. (2021) Novye normy o distantsionnom trude: resheny li starye problemy? [New remote work regulations: have old problems been solved?]. In *Lex Russica*, no. 6, pp. 36–45, DOI: 10.17803/1729-5920.2021.175.6.036-045.

Panarina M. M. (2019) Aktual'nye voprosy distantsionnoi pravovoi raboty yurista: perspektivy razvitiya pravovogo frilansa v sovremennykh usloviyakh [Topical issues of the remote legal work: the development prospects of the legal freelance in modern conditions]. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo*, no. 4, pp. 123–134.

Raluca D. (2023) The new challenges of hybrid working (part office, part home). In *SHS Web of Conferences 177*, pp. 1–11, DOI: 10.1051/shsconf/202317701002.

Semenikhin V. V. (2018) *Komandirovochnye i inye analogichnye raskhody* [Travel and other similar expenses], 7th ed., revised and add. Moscow, GrossMedia, ROSBUKh, 730 p.

Semenova I. S., Molodykh M. E. (2021) Voprosy sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya distantsionnoi raboty [Issues of improving the legal regulation of remote work]. In *Sovremennaya nauka*, no. 1, pp. 13–16, DOI: 10.53039/2079-4401.2021.3.1.002.

Sullivan C. (2003) What's in a name? Definitions and conceptualisations of teleworking and homeworking. In *New Technology, Work and Employment*, vol. 18, pp. 159–164.

Zaichenko E. S. (2011) Trud nadomnikov v Rossii: istoriya razvitiya pravovogo regulirovaniya [Homeworkers work in Russia: history of development of legal regulation]. In *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, no. 2, pp. 108–118.

Zueva E. S. (2024) Pravovoe regulirovanie prekrashcheniya trudovogo dogovora o distantsionnoi rabote [Legal regulation of termination of an employment contract on remote work]. In *Regulirovanie pravoootnoshenii: problemy teorii i praktiki: conference papers*. Moscow, RGUP, pp. 254–261.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.04.2025

Дата принятия рукописи в печать: 15.06.2025

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2025_4_72

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА ПРОКУРОРОВ КАК ЭЛЕМЕНТ МОДЕРНИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ

Шарифулин Артём Артурович

Студент Института прокуратуры Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), лауреат стипендий им. В. А. Туманова и Правительства Российской Федерации (Москва), ORCID: 0009-0000-6924-6023, e-mail: sharifulinart@gmail.com.

Исследование посвящено вопросам реализации прокурорами всех звеньев такой функции прокуратуры РФ, как участие в правотворческой деятельности. Проводится историко-правовой анализ данной работы прокуроров от момента образования отечественного надзорного органа государственной власти до настоящего времени. Выявлена тенденция к расширению полномочий прокурорских работников в исследуемой сфере. Приводится аргументированное обоснование того, почему является нарушением нынешний порядок наделения прокуроров районного (городского) уровня правом правотворческой (нормотворческой) инициативы уставами соответствующих муниципальных образований. Одновременно в работе доказана целесообразность, необходимость, а главное – вынужденность данного нарушения. Также раскрыты причины, по которым наделение Генерального прокурора РФ, возглавляющего центральный орган контрольной ветви государственной власти, конституционным правом законодательной инициативы – это путь укрепления и модернизации архитектуры как прокуратуры РФ, так и отечественной системы разделения властей, поскольку это, во-первых, полезно государству с управленческой точки зрения, а во-вторых, в таком случае будет соблюдаться фундаментальный принцип «сдержек и противовесов». По результатам проведенного исследования сделаны четкие выводы и представлены конкретные рекомендации, реализация которых способна разрешить обозначенные проблемы.

Ключевые слова: прокуратура Российской Федерации, право законодательной инициативы, субсидиарная самостоятельность, разделение властей, прокурорский надзор, контрольная ветвь государственной власти

Для цитирования: Шарифулин А. А. Законодательная инициатива прокуроров как элемент модернизации отечественной прокуратуры // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 4. С. 72–81. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_4_72.

LEGISLATIVE INITIATIVE OF PROSECUTORS AS AN ELEMENT OF MODERNIZATION OF THE NATIONAL PROSECUTOR'S OFFICE

Sharifulin Artem

Student, Institute of the Prosecutor's Office of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), laureate scholarships of V. A. Tumanov and the Government of the Russian Federation (Moscow), ORCID: 0009-0000-6924-6023, e-mail: sharifulinart@gmail.com.

The study is devoted to the implementation by prosecutors of all levels of the function of Prosecutor's Office of the Russian Federation, such as participation in law-making activities. Historical and legal analysis of this work of prosecutors has been carried out, starting with the formation of the national supervisory authority of state power to this day. Tendency to expand the powers of prosecutors in the field under study has been revealed. Reasoned justification is given for why the current procedure for granting district (city) level prosecutors the right to legislative (rule-making) initiative by the charters of the relevant municipalities is a violation. At the same time, the work proves the expediency, and most importantly, the necessity of this violation. The study also reveals the reasons why granting the Prosecutor General of the Russian Federation,

who heads the central body of the supervisory branch of government, the constitutional right to legislative initiative is a way to strengthen and modernize the architecture of both the Prosecutor's Office of the Russian Federation and the domestic system of separation of powers, since, firstly, it is useful for the state from a managerial point of view, and secondly, in this case, the fundamental principle of «checks and balances» will be respected. Based on the results of the study, clear conclusions were drawn and specific recommendations were presented, the implementation of which can solve the identified problems.

Key words: Prosecutor's Office of the Russian Federation, the right of legislative initiative, subsidiary independence, separation of powers, prosecutor's supervision, control branch of state power

*For citation: Sharifulin A. (2025) Legislative initiative of prosecutors as an element of modernization of the national prosecutor's office. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskemu zhurnal»*, no. 4, pp. 72–81, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_4_72.*

*Светлой памяти моего Учителя –
доцента Татьяны Геннадьевны Воеводиной –
посвящаю*

Отечественная прокуратура как неотъемлемый элемент государственного аппарата на протяжении почти всей своей 300-летней истории участвовала в правотворческой деятельности в различных формах.

Практически с момента образования данного государственного института претворялась в жизнь такая форма его участия, как представление инициативных проектов. Пунктом X Указа Петра I от 24 апреля 1722 г. «О должности Генерал-прокурора»¹ этому должностному лицу было предоставлено *право законодательной инициативы*: «о которых делах указами ясно не изъяснено, о тех *предлагать* Сенату, чтоб учинили на те дела ясные указы». Со стороны Петра I, как представляется, это был вполне отвечающий здравому смыслу ход, поскольку в нем в том числе проявлялась и сама идея создания прокуратуры, ведь, по верному утверждению профессора С. М. Казанцева, тогда она «*защищала* от произвола чиновников не общество, а *государство* (здесь и далее выделено мной. – А. Ш.)»². Таким образом, в данной сфере государственной деятельности Петру I необходимо было делегировать часть полномочий по выработке необходимого правового регулирования тому органу, который занимался непосредственной проверкой как деятельности Сената, так и его результатов (т. е. правоприменения). Им и стала прокуратура России, которая по замыслу императора была создана «как институт контроля за деятельностью государственного аппарата, и в первую очередь за Сенатом»³.

После смерти Петра I «общенадзорная» роль прокуратуры стала угасать. Приоритетным направлением прокуратуры стала уголовно-следственная функция»⁴. Поэтому вследствие переориентации как прокуратуры в частности, так и государственного аппарата в целом Генерал-прокурор (занимавший с 1802 г. одновременно еще и должность министра юстиции) более не наделялся правом законодательной инициативы. Однако это не означало выбытие прокуратуры из правотворческой деятельности государства. Сначала на смену законодательной инициативе пришли «предложения (Генерал-прокурора. – А. Ш.) по совершенствованию законодательства»⁵, а далее

¹ Указ Петра I от 24 апреля 1722 г. «О должности Генерал-прокурора» // Исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова: офиц. сайт. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/genprok.htm> (дата обращения: 12.01.2025).

² Казанцев С. М. История царской прокуратуры: моногр. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1993. С. 44.

³ Прокурорский надзор: учеб. и практикум / под ред. А. Ф. Смирнова, А. А. Усачева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. С. 39 (тему 2 подготовил профессор В. Г. Бессарабов).

⁴ Отческая Т. И., Перов С. В., Воеводина Т. Г. Теория и практика участия прокуратуры и прокуроров в правотворческой деятельности: учеб. пособие / отв. ред. Т. И. Отческая. М.: Проспект, 2020. С. 47 (главу IV подготовила доцент Т. Г. Воеводина).

⁵ Там же. С. 50.

(особенно после Судебной реформы 1864 г.) – серьезная деятельность по консультированию субъектов законотворческого процесса. Поэтому доцент Т. Г. Воеводина отмечала, что «в тот период времени складывалась такая форма участия прокуроров в законотворческой деятельности, как *консультирование* субъектов и участников законотворческой деятельности»¹.

В советский период отечественной прокуратуре возвращается право законодательной инициативы. Это было обусловлено вполне здравым тезисом о том, что в результате осуществления надзора устанавливаются «несоответствия законов и иных нормативных правовых актов потребностям правового регулирования общественных отношений»².

Статья 15 Положения о прокуратуре Союза ССР 1933 г.³ предоставляла Прокурору Союза ССР *право законодательной инициативы*. Далее оно отразилось и в ст. 9 Положения о прокурорском надзоре в СССР 1955 г.⁴, которая определила форму данной инициативы и в которой закреплялось, что Генеральный Прокурор СССР может войти в Президиум Верховного Совета СССР с *представлением* по вопросам, подлежащим разрешению в законодательном порядке. Следующим шагом стала конституционализация права законодательной инициативы Генерального прокурора СССР. Оно было закреплено сначала в ст. 113 Конституции (Основного Закона) СССР 1977 г.⁵, а потом в ст. 114 (это была третья редакция от 1 декабря 1988 г. Конституции (Основного Закона) СССР 1977 г.⁶). В развитие обозначенных конституционных норм указанное положение было отражено в ст. 9 Закона СССР от 30 ноября 1979 г. № 1162-X «О прокуратуре СССР»⁷, а далее и в п. 1 ст. 8 Закона РФ от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре).

С принятием Конституции РФ 1993 г. Генеральный прокурор РФ утратил право законодательной инициативы, так как не был отражен в ч. 1 ст. 104 среди соответствующих субъектов.

В настоящее время согласно ст. 9 Закона о прокуратуре прокуроры любого уровня при выявлении необходимости совершенствования действующих нормативных правовых актов, как и обычные граждане, вправе вносить соответствующие предложения в законодательные органы и органы, обладающие правом законодательной инициативы. Внесение таких предложений в законодательный орган не приравнивается к реализации законодательной инициативы⁸, поскольку, по верному утверждению профессора В. Г. Бессарабова, «такие инициативные обращения... все же подлежат рассмотрению, но в общем порядке»⁹, отчего Д. В. Иванюшко заявляет о «декларативном характере ст. 9 Закона о прокуратуре»¹⁰.

Между тем в ходе реформы организации публичной власти в России с принятием Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 13 декабря 2024 г.) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – Закон № 414-ФЗ) *все прокуроры уровня субъекта РФ с 1 июня 2022 г. (ч. 2 ст. 65 Закона № 414-ФЗ) были наделены правом законодательной инициативы*

¹ Отческая Т. И., Перов С. В., Воеводина Т. Г. Указ. соч. С. 52.

² Там же. С. 55.

³ Постановление ЦИК СССР № 84, СНК СССР № 2621 от 17 декабря 1933 г. «Положение о прокуратуре Союза ССР» // СЗ СССР. 1934. № 1. Ст. 26.

⁴ Указ Президиума ВС СССР от 24 мая 1955 г. «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР» // Ведомости ВС СССР. 1955. № 9. Ст. 222.

⁵ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята ВС СССР 7 октября 1977 г. // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

⁶ Закон СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости ВС СССР. 1988. № 49. Ст. 727.

⁷ Закон СССР от 30 ноября 1979 г. № 1162-X «О прокуратуре СССР» // Ведомости ВС СССР. 1979. № 49. Ст. 843.

⁸ «В отличие от *законодательного предложения*, правом на которое обладают граждане РФ, общественные, коммерческие организации и т. д., законодательная инициатива подлежит обязательному рассмотрению Государственной Думой в установленном ее Регламентом порядке» (Краснов М. А., Кряжков В. А. Толковый словарь конституционных терминов и понятий. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 87).

⁹ Цит. по: Иванюшко Д. В. К вопросу о праве законодательной инициативы прокурора // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 2. С. 158.

¹⁰ Там же.

в законодательном органе субъекта РФ (ч. 1 ст. 10 Закона № 414-ФЗ). Наделение всех прокуроров субъектов РФ, военных и других специализированных прокуроров, приравненных к прокурорам субъектов РФ (далее – прокурор субъекта РФ) соответствующим правом – шаг здравый и необходимый, направленный, во-первых, на интеграцию прокуратуры РФ в систему органов государственной власти страны и, во-вторых, на модернизацию российской модели разделения властей, о чем подробнее будет сказано ниже. Нельзя не отметить, что этот шаг прогнозировал профессор В. Г. Бессарабов, который в качестве одного из способов решения вопроса о праве законодательной инициативы прокуроров уровня субъектов РФ предлагал «внесение дополнений в Федеральный закон „Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации“¹, которые бы устанавливали единое требование на всей территории государства о праве соответствующих органов прокуратуры вносить законопроекты в законодательные (представительные) органы субъектов Федерации в порядке законодательной инициативы»².

Как представляется, указанное право прокуроров субъектов РФ теперь должно содержаться не только в Законе № 414-ФЗ, но и в профильном Законе о прокуратуре (например, в ст. 18, посвященной их полномочиям), поскольку данное полномочие, несомненно, влияет в целом на участие прокуратуры в правотворческой деятельности и предметно расширяет значение той же ст. 9, из-за чего мы можем прогнозировать скорое изменение ее содержания.

Данная реформа отчасти разрешила следующую дискуссию, которая ведется как в доктрине прокурорского надзора, так и в науке государственного управления.

И ранее (до принятия Закона № 414-ФЗ) многими прокурорами субъектов РФ звано право законодательной инициативы в соответствующем региональном законодательном органе реализовывалось, однако предусматривалось (закреплялось) оно не на федеральном уровне, а в основном законе субъекта РФ³. В настоящее время по такой же системе соответствующим правом⁴ обладают и пользуются прокуроры районного (городского) звена: оно предоставлено им уставами муниципальных образований⁵ (однако могут быть и такие муниципальные образования, где прокуроры, к сожалению, данным правом не наделены). На реализацию обозначенного права их (районных и прокуроров уровня субъекта РФ) ориентирует и Генеральный прокурор РФ в абз. 3 п. 6.2 и п. 6.5 Положения об организации правотворческой деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации⁶.

В чем же заключается упомянутая дискуссия? Согласно ч. 1 ст. 129 Конституции РФ и п. 1 ст. 3 Закона о прокуратуре полномочия и функции прокуратуры РФ определяют-

¹ Суть не меняет тот факт, что вместо внесения дополнения в данный закон (впоследствии он утратил юридическую силу) был принят Закон № 414-ФЗ, который полностью отразил в себе обозначенное положение.

² Бессарабов В. Г. Законотворческая деятельность прокуратуры России (история, состояние и перспективы): моногр. М.: Юрлитинформ, 2021. С. 138.

³ До принятия Закона № 414-ФЗ ученые занимались подсчетом тех субъектов РФ, основные законы которых предоставляли соответствующим прокурорам право законодательной инициативы. Автор настоящего исследования встречал работы, в которых говорилось о том, что данное право было закреплено в более чем 80 субъектах РФ.

⁴ Поскольку на муниципальном уровне публичной власти соответствующими органами принимаются не законы, а «муниципальные правовые акты», то и данные прокуроры обладают правом не законодательной, а правотворческой, или нормотворческой, инициативы; однако далее в работе в целях краткости, если не оговорено иное, мы будем применять термин «право законодательной инициативы» и к деятельности прокуроров районного (городского) звена.

⁵ Например, ч. 5 ст. 39 Устава муниципального образования «Городской округ Серпухов Московской области» от 1 апреля 2024 г. № 11/105 (ред. от 6 ноября 2024 г.) гласит: «Проекты муниципальных правовых актов могут вноситься депутатами Совета депутатов Городского округа, главой Городского округа, председателем Контрольно-счетной палаты Городского округа, органами территориального общественного самоуправления, инициативными группами граждан, городским прокурором».

⁶ Приказ Генерального прокурора РФ от 31 августа 2023 г. № 584 (ред. от 20 февраля 2024 г.) «О правотворческой деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и об улучшении взаимодействия с законодательными (представительными) и исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления» (вместе с «Положением об организации правотворческой деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации»).

ся нормативными правовыми актами не ниже уровня федерального закона. Поэтому наделение в настоящее время районных прокуроров, а в прошлом – региональных, правом законодательной инициативы, закрепленным не федеральными законами, и дальнейшая регламентация соответствующей деятельности в организационно-распорядительных актах Генерального прокурора РФ являются нарушением указанных положений, в том числе конституционных. Так, профессор А. Ф. Смирнов отмечает, что, во-первых, «примеры местного правотворчества (ими являются нормы уставов муниципальных образований, которые закрепляют право нормотворческой инициативы прокурора. – А. Ш.)... противоречат действующему закону»¹, а во-вторых, «формируется проблема правового регулирования организации и деятельности прокуратуры с помощью ведомственных приказов Генерального прокурора РФ»². Такая же позиция разделяется и Д. В. Иванюшко, которая отмечает, что «все вопросы, касающиеся определения компетенции прокуратуры, не могут варьироваться законодательством субъектов РФ. Предоставление прокурорам субъектов РФ права законодательной инициативы не соответствует Конституции РФ и Закону о прокуратуре»³. Именно данное нарушение и было исправлено Законом № 414-ФЗ. В то же время, например, профессор С. Х. Джигоев считает «целесообразным предусмотреть в уставах муниципальных образований норму, закрепляющую за прокурорами городов и районов право нормотворческой инициативы в представительных органах»⁴.

Как представляется, действительно, расширение полномочий прокуроров не федеральными законами противоречит установленным нормам права, однако это вполне обоснованно вызвано тем, что, на наш взгляд, прокуратура РФ является государственным органом «субсидиарно самостоятельным»⁵.

Самостоятельность означает, что при реализации возложенных на нее функций она не нуждается в каких-либо сторонних институтах. В вопросе реализации прокурорами законодательной инициативы это выражается в том, что они сами осуществляют подготовку и представление законопроекта⁶.

Субсидиарность же проявляется в том, что предоставление прокурорам (в первую очередь Генеральному прокурору РФ) сущностно к ним не относящегося⁷ отдельного «участка» законодательной публичной деятельности, который выражается в праве законодательной инициативы, элементарно целесообразно (полезно) для государства с управленческой точки зрения. Это доказывается следующим.

Исторический анализ данного вопроса показал, что прокуратура как до революции, так и в советский период обладала правом законодательной инициативы, а во времена его отсутствия не прекращала полностью свою деятельность в законотворческом процессе, следовательно, на это был «спрос»⁸. И сегодня позиции прокуратуры в этой

¹ Смирнов А. Ф. К вопросу о правовом регулировании статуса прокуратуры Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1. С. 217.

² Там же.

³ Иванюшко Д. В. Указ. соч. С. 159.

⁴ Джигоев С. Х. Некоторые направления совершенствования законодательной регламентации правотворческой деятельности прокуроров // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 8. С. 45.

⁵ Шарифулин А. А. Субсидиарная самостоятельность как новелла принципа разделения властей // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы XXI Междунар. конф. молодых ученых: в 3 т. М.: Изд. центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. Т. 1. С. 340.

⁶ Указанная деятельность самостоятельно проводится и сегодня, в период, когда у Генерального прокурора РФ отсутствует право законодательной инициативы, а у прокуроров субъектов РФ и районных (городских) прокуроров она (соответствующая инициатива) имеется. «В органах прокуратуры процесс участия в законотворчестве... осуществляется, как правило, на коллективной основе, то есть для разработки того или иного нормативного правового акта... создаются специальные рабочие группы из специалистов различных отраслей права. Но даже если эта работа проводится в каком-то одном соответствующем подразделении прокуратуры, то итоговый документ готовится и направляется в законодательный (представительный) орган или орган, обладающий правом законодательной инициативы, за подписью руководителей прокуратуры (прокурора или его заместителя)» (Бессарабов В. Г. Законотворческая деятельность прокуратуры России (история, состояние и перспективы). С. 183).

⁷ Сущностной функцией прокуратуры является надзор. Например, как указывает профессор Ю. Е. Винокуров, «это (надзорная функция, прокурорский надзор. – А. Ш.) основная, главенствующая функция российской прокуратуры» (Винокуров Ю. Е., Винокуров А. Ю. Прокурорский надзор: учеб. / под ред. Ю. Е. Винокурова. 17-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. С. 56 (тему 3 подготовил профессор Ю. Е. Винокуров)).

⁸ Как указывает профессор В. Г. Бессарабов, «участие прокуроров в законотворческой деятельности присуще российской прокуратуре на всех этапах ее развития, начиная с учреждения в 1722 г. и до

сфере все больше усиливаются: принят Закон № 414-ФЗ, который автоматически (без соответствующих подтверждений (утверждений, санкций) органов государственной власти субъектов РФ) наделил всех прокуроров субъектов РФ правом законодательной инициативы в соответствующем региональном органе представительной власти. И даже при этом профессор В. Г. Бессарабов справедливо подчеркивает, что «наличие у... прокуроров субъектов Российской Федерации права законодательной инициативы на уровне субъектов Федерации не может в полной мере компенсировать отсутствие права законодательной инициативы у Генерального прокурора Российской Федерации на федеральном уровне»¹.

Так же закономерно и то, что, как отмечает доцент В. Ю. Шобухин, «вовлеченность прокурорского надзора практически во все сферы правового регулирования общественных отношений... дает возможность иметь широкую осведомленность о реальном положении в сфере соблюдения Конституции РФ и исполнения законов, выявлять потребности правовой регламентации общественных отношений»². Это означает, что с государственно-управленческой точки зрения государству целесообразно наделить прокуроров законодательной инициативой, поскольку как история, так и теоретические конструкции доказали эффективность данной деятельности. А если что-то эффективно и полезно, то надо ли от этого отказываться? Вопрос, естественно, риторический. Отметим, что управленческую эффективность (закономерность) данной законодательной инициативы подчеркивает и профессор В. Г. Бессарабов, который указывает, что для надзорного органа «характерны и другие властные полномочия, которыми не обладает большинство субъектов, осуществляющих обычный контроль, в частности: <...> полномочия по самостоятельной разработке проектов норм и правил в сфере осуществления надзора и внесению их на рассмотрение и утверждение компетентных органов»³. Поэтому с этих точек зрения мы всецело поддерживаем и разделяем позицию тех ученых, которые ратуют за наделение Генерального прокурора РФ правом законодательной инициативы⁴.

Как представляется, данное право следует также предоставить всем районным (городским) прокурорам способом, аналогичным тому, с помощью которого это право получили все прокуроры субъектов РФ: путем его закрепления на федеральном уровне. Например, такое возможно, если внести дополнение в ч. 1 ст. 46 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 13 декабря 2024 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон № 131-ФЗ) и среди прочих субъектов, которые могут вносить проекты муниципальных правовых актов (т. е. субъектов правотворческой инициативы), указать прокурора. Отметим, что, к сожалению, и в законопроекте «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»⁵ (далее – Законопроект № 40361-8), внесенном в Государственную Думу Федерального Собрания РФ сенатором А. А. Клишасом и депутатом П. В. Крашенинниковым и призванным сменить Закон № 131-ФЗ, прокурор не назван среди тех, кто обладает правом внесения в представительный орган муниципального образования проекта нормативного правового акта (ч. 3 ст. 58), т. е. *de facto* он (прокурор) не наделен правом правотворческой инициативы.

настоящего времени. ...Участие в правотворческой, в том числе законотворческой, деятельности государства... благотворно влияло не только на процесс принятия законов и иных нормативных правовых актов, но и на процесс их реализации» (Бессарабов В. Г. Законотворческая деятельность прокуратуры России (история, состояние и перспективы). С. 91, 142).

¹ Бессарабов В. Г. Законотворческая деятельность прокуратуры России (история, состояние и перспективы). С. 142.

² Шобухин В. Ю. К вопросу о праве законодательной инициативы прокурора // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2009. № 4. С. 231.

³ Бессарабов В. Г. Государственный контроль и прокурорский надзор в России: моногр. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 54.

⁴ См.: Бессарабов В. Г. Законотворческая деятельность прокуратуры России (история, состояние и перспективы). С. 142; Джиоев С. Х. Указ. соч. С. 42; Шобухин В. Ю. Указ. соч. С. 232; Иванюшко Д. В. Указ. соч. С. 159 и др.

⁵ Проект Федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (редакция, принятая Государственной Думой Федерального Собрания РФ в 1 чтении 25 января 2022 г.) // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 12.01.2025).

циативы. Считаем, что вышеуказанное дополнение было бы целесообразно отразить и в данном законопроекте, наделив прокурора районного (городского) звена правом правотворческой инициативы.

Также отметим, что, по нашему глубокому убеждению, «прокуратура Российской Федерации является органом государственной власти»¹, во-первых, ввиду наличия у нее государственно-властных полномочий, понимаемых в «широком»² смысле, во-вторых, поскольку она есть часть единого государственного аппарата, являющаяся центральным звеном контрольной³ ветви государственной власти из-за реализации единственного в России надзора – прокурорского⁴. Расширение классической триады властей – результат эволюции системы разделения властей⁵. А в силу существования четвертой ветви государственной власти необходимо соблюдать и принцип «сдержек и противовесов». Одним из элементов реализации этого принципа видится наделение Генерального прокурора РФ правом законодательной инициативы, ведь сегодня в России органы всех трех нормативно закрепленных ветвей власти и Президент РФ обладают им. Как представляется, такой шаг отражает модернизацию как прокуратуры РФ в частности, так и отечественной системы разделения властей в целом, он способствует укреплению российской государственности и улучшению качества системы права РФ.

Отметим положительный зарубежный опыт по данному вопросу. Сегодня на территориях Азербайджана, Мексики, Перу, Узбекистана⁶, Бразилии, Вьетнама, Кубы⁷, Приднестровья⁸ и многих других соответствующие прокуроры наделены правом законодательной инициативы в своих системах государственного аппарата.

Выводы

1. С момента образования отечественной прокуратуры и по сей день ее участие в правотворческой деятельности – неотъемлемая функция данного органа государственной власти. Как показала история, в разные периоды развития прокуратуры меняется лишь форма этого участия, но никак не причастность надзорного органа к нему (участию в правотворческой деятельности).

2. Наблюдается положительная тенденция расширения полномочий прокуроров в правотворческой деятельности. Закон № 414-ФЗ, наделив всех прокуроров субъектов РФ правом законодательной инициативы в соответствующих законодательных органах, дал толчок развитию данной тенденции.

3. Наделение прокуроров районного (городского) звена уставами муниципальных образований правом правотворческой (нормотворческой) инициативы и регламентация его (права) реализации – нарушение норм Конституции РФ и Закона о прокуратуре, так как функции, полномочия, организация и деятельность прокуратуры РФ могут регламентироваться только федеральным законодательством.

¹ Шарифулин А. А. Прокуратура Российской Федерации: о некоторых особенностях правового положения // Евразийский юридический журнал. 2024. № 1. С. 76. DOI: 10.46320/2073-4506-2023-1-188-75-79.

² Шарифулин А. А. Органы государственной власти и иные государственные органы: есть ли смысл в их разграничении? // Трансформация права: материалы IV Всерос. науч.-практ. форума молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 22–27 ноября 2021 г. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2022. С. 58, 59.

³ Правовая природа контрольной ветви государственной власти не является непосредственным предметом настоящего исследования. О ее сущности и иных особенностях см.: Чиркин В. Е. Контрольная власть: моногр. М.: Юристъ, 2008. 213 с.

⁴ Шарифулин А. А. Прокуратура Российской Федерации: о некоторых особенностях правового положения. С. 77.

⁵ Шарифулин А. А. К вопросу о трансформации классического принципа разделения властей // Российское правоведение: трибуна молодого ученого: сб. ст. / отв. ред. О. А. Андреева. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2022. Вып. 22. С. 20–21.

⁶ Организация и деятельность органов прокуратуры зарубежных стран: информационно-аналитический справочник / под ред. С. П. Щербы. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 28, 124, 145, 201.

⁷ Бессарабов В. Г. Законотворческая деятельность прокуратуры России (история, состояние и перспективы). С. 140.

⁸ Часть 1 ст. 72 Конституции Приднестровской Молдавской Республики, принятой на всенародном референдуме 24 декабря 1995 г. и подписанной Президентом Приднестровской Молдавской Республики 17 января 1996 г. (текущая редакция по состоянию на 17 августа 2024 г.) (Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики: сайт. URL: <https://vspmr.org/legislation/laws/zakonodatelnije-akti-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-v-sfere-konstitutsionnogo-stroya-osnov-pravoporyadka-a-takje-deyatelnosti-organov-gosudarstvennoy-vlasti-i-upravleniya/konstitutsiya-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki.html> (дата обращения: 12.01.2025)).

4. Указанное, хотя и является формальным нарушением, с историко-правовой и государственно-управленческой точек зрения рассматривается как необходимая и полезная для России деятельность, причем не только районных (городских) прокуроров, но и прокуроров субъектов РФ и Генерального прокурора РФ. В том, что прокуратура РФ в целом занимается данной работой, сущностно к ней не относящейся, но управленчески нужной для государства, проявляется ее субсидиарная самостоятельность. Поэтому с правовой точки зрения можно констатировать, что общественные отношения в этой сфере уже эволюционировали, а соответствующее регулирование еще стоит на месте, из-за чего сегодня происходит разумное применение «права вопреки закону» (*contra legem*).

5. Государственно-управленческая полезность участия прокуратуры РФ в правотворческой деятельности (включая использование права законодательной инициативы) обосновывается универсальностью и широкомасштабностью реализуемого ею прокурорского надзора, с помощью которого выявляются те общественные отношения, которые требуют установления правового регулирования или же его коррекции.

6. Конституционное наделение Генерального прокурора РФ правом законодательной инициативы – необходимый шаг в модернизации как прокуратуры РФ, так и отечественной системы разделения властей. Органы всех нормативно закрепленных ветвей государственной власти и Президент РФ обладают данным правом, что обосновано соблюдением принципа «сдержек и противовесов», именно поэтому и центральный орган четвертой (контрольной) ветви государственной власти должен его иметь. Противное (непредоставление Генеральному прокурору РФ соответствующего права) ведет к несбалансированности взаимодействия ветвей государственной власти, тем самым вредит государственному аппарату в целом.

Предложения

1. Необходимо закрепить в Законе о прокуратуре отраженное в Законе № 414-ФЗ право законодательной инициативы прокуроров уровня субъектов РФ в законодательных органах соответствующих регионов.

2. В целях устранения имеющегося вышеуказанного нарушения необходимо на федеральном уровне, а не фрагментарно на муниципальном, руководствуясь тем, что прокуратура РФ – субсидиарно самостоятельный орган государственной власти, закрепить за прокурором районного (городского) звена право правотворческой (нормотворческой) инициативы в представительном органе муниципального образования путем внесения соответствующего дополнения в Закон № 131-ФЗ. Данное право должно быть отражено еще и в Законопроекте № 40361-8.

3. По вышеуказанным причинам необходимо предоставить право законодательной инициативы Генеральному прокурору РФ и отразить его в ч. 1 ст. 104 Конституции РФ среди прочих соответствующих субъектов.

Список литературы

Бессарабов В. Г. Государственный контроль и прокурорский надзор в России: моногр. М.: Юрлитинформ, 2019. 248 с.

Бессарабов В. Г. Законотворческая деятельность прокуратуры России (история, состояние и перспективы): моногр. М.: Юрлитинформ, 2021. 248 с.

Винокуров Ю. Е., Винокуров А. Ю. Прокурорский надзор: учеб. для вузов / под ред. Ю. Е. Винокурова. 17-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 549 с.

Джигоев С. Х. Некоторые направления совершенствования законодательной регламентации правотворческой деятельности прокуроров // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 8. С. 40–46.

Иванюшко Д. В. К вопросу о праве законодательной инициативы прокурора // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 2. С. 157–160.

Казанцев С. М. История царской прокуратуры: моногр. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 1993. 216 с.

Краснов М. А., Кряжков В. А. Толковый словарь конституционных терминов и понятий. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 418 с.

Организация и деятельность органов прокуратуры зарубежных стран: информационно-аналитический справочник / под ред. проф. С. П. Щербы. М.: Юрлитинформ, 2010. 248 с.

Отческая Т. И., Перов С. В., Воеводина Т. Г. Теория и практика участия прокуратуры и прокуроров в правотворческой деятельности: учеб. пособие / отв. ред. Т. И. Отческая. М.: Проспект, 2020. 104 с.

Прокурорский надзор: учеб. и практикум для вузов / под ред. А. Ф. Смирнова, А. А. Усачева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 483 с.

Смирнов А. Ф. К вопросу о правовом регулировании статуса прокуратуры Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1. С. 215–221.

Чиркин В. Е. Контрольная власть: моногр. М.: Юрист, 2008. 213 с.

Шарифулин А. А. К вопросу о трансформации классического принципа разделения властей // Российское правоведение: трибуна молодого ученого: сб. ст. / отв. ред. О. А. Андреева. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2022. Вып. 22. С. 20–21.

Шарифулин А. А. Органы государственной власти и иные государственные органы: есть ли смысл в их разграничении? // Трансформация права: материалы IV Всерос. науч.-практ. форума молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 22–27 ноября 2021 г. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. ун-т, 2022. С. 56–60.

Шарифулин А. А. Прокуратура Российской Федерации: о некоторых особенностях правового положения // Евразийский юридический журнал. 2024. № 1. С. 75–79. DOI: 10.46320/2073-4506-2023-1-188-75-79.

Шарифулин А. А. Субсидиарная самостоятельность как новелла принципа разделения властей // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы XXI Междунар. конф. молодых ученых: в 3 т. М.: Изд. центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. Т. 1. С. 339–340.

Шобухин В. Ю. К вопросу о праве законодательной инициативы прокурора // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2009. № 4. С. 230–232.

References

Bessarabov V. G. (2019) *Gosudarstvennyi kontrol' i prokurorskii nadzor v Rossii: monografiya* [State control and prosecutorial supervision in Russia: monography]. Moscow, Yurlitinform, 248 p.

Bessarabov V. G. (2021) *Zakonotvorcheskaya deyatel'nost' prokuratury Rossii (istoriya, sostoyanie i perspektivy): monografiya* [Legislative activity of the Russian Prosecutor's Office (history, status and prospects): monography]. Moscow, Yurlitinform, 248 p.

Chirkin V. E. (2008) *Kontrol'naya vlast': monografiya* [Control authority: monography]. Moscow, Yurist", 213 p.

Dzhioev S. Kh. (2019) Nekotorye napravleniya sovershenstvovaniya zakonodatel'noi reglamentatsii pravotvorcheskoi deyatel'nosti prokurorov [Some areas for improving the legislative regulation of law-making activities of prosecutors]. In *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)*, no. 8, pp. 40–46.

Ivanyushko D. V. (2012) K voprosu o prave zakonodatel'noi initsiativy prokurora [In clause of the right legislative initiative of the prosecutor]. In *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, no. 2, pp. 157–160.

Kazantsev S. M. (1993) *Istoriya tsarskoi prokuratury: monografiya* [The history of the Tsarist Prosecutor's Office: monography]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 216 p.

Krasnov M. A., Kryazhkov V. A. (2004) *Tolkovy slovar' konstitutsionnykh terminov i ponyatii* [Explanatory dictionary of constitutional terms and concepts]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo R. Aslanova «Yuridicheskii tsentr Press», 418 p.

Otchetskaya T. I., Perov S. V., Voevodina T. G. (2020) *Teoriya i praktika uchastiya prokuratury i prokurorov v pravotvorcheskoi deyatel'nosti: uchebnoe posobie* [Theory and practice of the participation of the Prosecutor's Office and prosecutors in law-making activities: textbook], ed. by T. I. Otchetskaya. Moscow, Prospekt, 104 p.

Sharifulin A. A. (2022) K voprosu o transformatsii klassicheskogo printsipa razdeleniya vlastei [On the issue of the transformation of the classical principle of separation of powers]. In Andreeva O. A. (Ed.) *Rossiiskoe pravovedenie: tribuna mladogo ucheno: sbornik statei*. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 22, pp. 20–21.

Sharifulin A. A. (2022) Organy gosudarstvennoi vlasti i inye gosudarstvennye organy: est' li smysl v ikh razgranichenii? [Bodies of state power and other state bodies: is it sensible to distinguish them?]. In *Transformatsiya prava: materialy IV Vserossiiskogo nauchno-prakticheskogo foruma mladyykh uchennykh i studentov, Ekaterinburg, 22–27 noyabrya 2021*. Yekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet, pp. 56–60.

Sharifulin A. A. (2022) Subsidiarnaya samostoyatel'nost' kak novella printsipa razdeleniya vlastei [Subsidiary independence as a novel of the principle of separation of powers]. In *Traditsii i novatsii v sisteme sovremennogo rossiiskogo prava: conference papers: v 3 t.* Moscow, Izdatel'skii tsentr Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA), vol. 1, pp. 339–340.

Sharifulin A. A. (2024) Prokuratura Rossiiskoi Federatsii: o nekotorykh osobennostyakh pravovogo polozheniya [The Prosecutor's Office of the Russian Federation: about some on the specifics of the

legal status]. In *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 75–79, DOI: 10.46320/2073-4506-2023-1-188-75-79.

Shcherba S. P. (Ed.) (2010) *Organizatsiya i deyatel'nost' organov prokuratury zarubezhnykh stran: informatsionno-analiticheskii spravochnik* [Organization and activities of the prosecutor's offices of foreign countries: information and analytical reference book]. Moscow, Yurlitinform, 248 p.

Shobukhin V. Yu. (2009) K voprosu o prave zakonodatel'noi initsiativy prokurora [In clause of the right legislative initiative of the prosecutor]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Pravo*, no. 4, pp. 230–232.

Smirnov A. F. (2017) K voprosu o pravovom regulirovanii statusa prokuratury Rossiiskoi Federatsii [On the issue of legal regulation of the status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 1, pp. 215–221.

Smirnov A. F., Usachev A. A. (Eds.) (2022) *Prokurorskii nadzor: uchebnyk i praktikum dlya vuzov* [Prosecutor's supervision: textbook and workshop for universities]. Moscow, Yurait, 483 p.

Vinokurov Yu. E., Vinokurov A. Yu. (2025) *Prokurorskii nadzor: uchebnyk dlya vuzov* [Prosecutor's supervision: textbook for universities], ed. by Yu. E. Vinokurov, 17th ed., revised and add. Moscow, Yurait, 549 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.02.2025

Дата принятия рукописи в печать: 15.04.2025

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Свидетельство о госрегистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-41478 выд. Роскомнадзор РФ 28.07.2010 г.
Маркировке не подлежит согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11 ФЗ от 29.12.2010 г. N 436-ФЗ

Редакторы О. Ю. Петрова, К. С. Семенюк, Ю. В. Тельминова
Дизайн обложки С. Е. Шеметова
Компьютерная верстка Ю. В. Тельминовой

Подписано к использованию 20.08.25.
Уч.-изд. л. 9,45. Объем 1,42 МВ

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают
с точкой зрения редакции

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию и статьи направляйте по адресу:
620137 Екатеринбург ул. Комсомольская д. 21, УрГЮУ
Редакция «Российского юридического журнала».

Тел./факс (343) 375-54-20.
E-mail: ruzh@usla.ru.
electronic.ruzh.org